

Виктор Владимирович Виноградов

*русский литературовед и языковед-руссист,
академик АН СССР, доктор филологических наук,
основоположник научной школы в русском языкознании*

Рост духовной культуры, выражаясь в изменениях языка, порождает вместе с тем обостренную требовательность и интерес к слову, к произведениям словесно-художественного творчества. В эпоху глубокого преобразования жизни общественная роль филологии как науки о языке и литературе, о словесной культуре народов, а также о методах истолкования литературных произведений становится особенно важной и влиятельной.

В. В. Виноградов

Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан
Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы
Узбекский государственный университет мировых языков
Уральский государственный экономический университет

XV ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции

(Ташкент, 22 мая 2019 г.)

Том 1

Ташкент – Екатеринбург
2019

УДК 8:37.091.3
ББК 80/84:74.026
В49

Ответственный редактор

член-корр. РАПСН, профессор *Н. М. Миркурбанов*

Редакционная коллегия:

председатель ТОПРЯЛ, доктор филологических наук, доцент

Н. М. Петрухина,

доктор филологических наук, доцент *Е. Н. Макарова,*

старший преподаватель УзГУМЯ *И. В. Родина*

Рецензент

доктор филологических наук, профессор *А. С. Лиходзиевский*

В49 XV Виноградовские чтения [Текст] : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 22 мая 2019 г.) / [отв. ред. Н. М. Миркурбанов ; редкол. : Н. М. Петрухина, Е. Н. Макарова, И. В. Родина] ; Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан, Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы, Узбекский гос. ун-т мировых языков, Урал. гос. экон. ун-т. – Ташкент – Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2019. – Т. 1. – 178 с.

Данный сборник включает в себя научные статьи, представленные на XV Виноградовских чтениях, ежегодно проводимых в Республике Узбекистан. Сборник включает в себя научно-теоретические и научно-практические изыскания в области литературоведения, лингвистики, актуальных проблем современной методической науки.

Материалы данного сборника адресованы специалистам-филологам, методистам, преподавателям всех образовательных ступеней, а также всем интересующимся вопросами современной филологической и методической науки.

УДК 8:37.091.3
ББК 80/84:74.026

© Авторы, указанные в содержании,
2019

© Уральский государственный
экономический университет, 2019

ПЯТНАДЦАТЫЕ ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Организационный комитет XV Виноградовских чтений выражает признательность и благодарность всем специалистам, принявшим участие в работе конференции.

Ориентация XV Виноградовских чтений на новационную интерпретацию концептуальных филологических проблем в реалиях гуманитарной научной мысли эпохи интеграции и глобализации определило проблемное поле конференции в ракурсе изучения концептуальных и актуальных вопросов филологической науки XXI века, методики преподавания языка и литературы.

Виноградовские чтения в первую очередь посвящены памяти крупнейшего филолога XX века В. В. Виноградова, без знания теоретических научных трудов которого, немислимо развитие современной филологической науки. Имя В. В. Виноградова принадлежит не только русской, но и всей мировой филологической науке.

Организационный комитет

В. Л. Гюрденев
Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации
в Республике Узбекистан

Уважаемые участники XIV Виноградовских чтений!

Мы рады принять участие в ежегодной научно-практической конференции русистов Узбекистана, направленной на развитие и продвижение русского языка и культуры, расширение русскоязычного пространства в современном мире.

Проведение в Ташкенте Виноградовских чтений стало доброй традицией, поистине уникальным явлением для всего Центрально-Азиатского региона. За это время форум, объединяющий ведущих филологов-русистов из Узбекистана и России, по праву заслужил статус авторитетной дискуссионной площадки, где не только подводятся итоги научных изысканий, но и обсуждаются новые методики преподавания, закаляется молодая научная смена.

Виноградовские чтения как важное культурно-образовательное мероприятие с каждым годом привлекает к русскому языку все больше внимания, обуславливает очевидную необходимость повышения статуса русского языка в мировом сообществе, его значения в гуманитарной составляющей международных отношений.

Именно этот фактор в современных условиях глобализации и интеграции свидетельствует о новом импульсе закрепления и дальнейшего роста интереса к его изучению.

Проведение Юбилейных XV Виноградовских чтений, интерес к этому мероприятию – яркое свидетельство тому, что русский язык в Узбекистане действительно является универсальным инструментом межнационального общения. Ведь лидерам наших стран во время их встреч не нужен переводчик. У нас отличная перспектива развития связей во всех сферах двустороннего сотрудничества. Я как посол знаю, насколько сегодня возрос интерес к изучению русского языка, как много желающих учиться в русской школе, а также получить образование в России. В последнее время, благодаря усилиям Президента Республики Узбе-

кистан – уважаемого Шавката Миромоновича Мирзиеёва значительно расширилось число филиалов российских вузов в Узбекистане. В сентябре откроется филиал, можно сказать, моего родного МГИМО, давно и успешно функционируют филиал Плехановского университета, филиал МГУ им. Ломоносова, филиал института нефти и газа Губкина. Совсем недавно открылся филиал МИСиС (Московский институт сплава и стали). Ожидается открытие еще ряда филиалов российских вузов.

Постоянный поиск новых форм сотрудничества обуславливает и реализацию новых проектов. Новым этапом в развитии гуманитарного сотрудничества в сфере продвижения русского языка станет выпуск сборника «XV Виноградовские чтения», объединяющего в сетевом сотрудничестве вузы Российской Федерации и русистов Узбекистана.

В заключение хочу пожелать участникам форума новых открытий и перспективных научных дискуссий для прогрессивного развития русской филологии Узбекистана!

Э. В. Митрофанова

Руководитель Представительства Россотрудничества в Республике Узбекистан

Уважаемые коллеги и друзья!

От имени Россотрудничества сердечно приветствую и поздравляю всех, кого объединяет любовь к русскому языку, неподдельный интерес к великой культуре и истории России, с проведением в Республике Узбекистан очередных 15-х международных Виноградовских чтений!

Русский язык является общенациональным достоянием не только народов России а, будучи одним из крупнейших языков мира, – неотъемлемой частью культурного и духовного наследия мировой цивилизации.

В условиях современной глобализации необходимость повышения статуса русского языка в мировом сообществе, его значения в гуманитарной составляющей международных отношений вполне очевидна. Неоспоримой является важная роль русского языка в духовно-культурной консолидации народов Узбекистана.

Уверена, что проводимые в Ташкенте 15-е Виноградовские чтения, будут способствовать объединению российских и узбекских преподавателей вокруг темы сохранения и развития русского языка, как языка международного, межгосударственного и межнационального общения.

Искренне надеюсь, что это важное культурно-образовательное мероприятие привлечет к русскому языку еще большее внимание широких кругов узбекской общественности, даст новый импульс закреплению и дальнейшему росту интереса к его изучению, активизирует деятельность многих организаций и учреждений по его поддержке и популяризации.

Желаю всем, кто помогает сберечь русский язык, способствует его развитию и распространению, успехов в его изучении и практическом использовании, а также приобщении через его посредство к лучшим образцам великой русской культуры.

Я. П. Силин

Доктор экономических наук, ректор
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург, Россия)

Приветственное слово участникам конференции

Уважаемые участники, гости и организаторы Международной научно-практической конференции филологов-русистов «XV Виноградовские чтения»! Я рад приветствовать вас от коллектива Уральского государственного экономического университета.

В этом году Виноградовские чтения, являющиеся одним из самых масштабных мероприятий по изучению и распространению русского языка в Центральной Азии, имеют особый, юбилейный статус. Коллектив Уральского государственного экономического университета участвует в конференции в третий раз. Хочу поблагодарить за эту возможность постоянных организаторов форума – представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан и Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы.

Роль и значение русского языка в укреплении многостороннего сотрудничества Российской Федерации и Республики Узбекистан неоспоримы. Труды академика В. В. Виноградова, памяти которого посвящена эта научно-практическая конференция, проникнуты убежденностью, что русский язык обладает огромной объединяющей силой, которая может и готова сплотить всех, кто говорит на русском языке.

Виноградовские чтения дарят нам возможность обсудить наиболее важные и актуальные вопросы о роли русского языка в мировом социокультурном пространстве, тенденции его функционирования в современном мире, рассмотреть возможности повышения статуса русского языка как языка международного общения, определить и разработать системы и способы повышения эффективности обучения русскому языку и литературе в условиях информатизации и цифровизации современного образования. Нельзя обойти вниманием и проблему языковой

и культурной интеграции и адаптации узбекских студентов, обучающихся сегодня в российских вузах, в том числе в УрГЭУ.

Виноградовские чтения являются площадкой для межкультурного диалога между вузами Российской Федерации и Республики Узбекистан. Наша встреча дает возможность наметить и обсудить перспективы плодотворного сотрудничества и обменяться опытом научно-образовательной деятельности.

Сотрудничество предполагает конкретные дела, которые нас объединяют. УрГЭУ в третий раз издает сборник трудов узбекских и российских учёных, принимающих участие в конференции. Обзор представленных в сборниках статей подтверждает общность научных проблем, которые волнуют филологов-русистов Республики Узбекистан и их российских коллег из Екатеринбурга.

Символично, что юбилейные XV Виноградовские чтения проходят на площадке Узбекского государственного университета мировых языков. Именно знание языков делает возможным достижение взаимопонимания и способствует плодотворному сотрудничеству. Сегодня нас объединяет русский язык, владение которым даёт возможность успешно решить задачи, поставленные организаторами нашей конференции.

От всей души желаю всем участникам Международной научно-практической конференции филологов-русистов «XV Виноградовские чтения» плодотворного труда и новых научных достижений!

Г. Х. Рахимов

Доктор филологических наук, ректор
Узбекского государственного университета мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Уважаемые участники Юбилейных XV «Виноградовских чтений»!

Я рад приветствовать всех участников ежегодного форума русистов Узбекистана, наших гостей из России!

В ноябре прошлого года на нашей земле состоялся узбекско-российский форум ректоров, определивший приоритетные задачи дальнейшего развития совместного образовательного пространства.

В университете мировых языков проводится серьезная работа в продвижении и популяризации русского языка на факультете русской филологии, на базе Центра русского языка при УзГУМЯ, открытие которого состоялось при непосредственном участии Представительства Россотрудничества 28 марта 2017 г. На базе Центра проводятся мероприятия как на внутривузовском уровне, так и с участием представителей родственных вузов, в частности, выездные курсы повышения квалификации для учителей школ Ташкента, заседание «Литературной гостиной» совместно Представительством Россотрудничества в Республике Узбекистан.

Проводимые мероприятия привлекают к русскому языку всё большее внимание, обуславливая дальнейший рост интереса к его изучению, в связи с важностью в современных геополитических условиях его функции как языка межнационального общения и необходимостью его изучения в рамках содействия своевременной культурно-языковой адаптации.

Однако, современные реалии требуют постоянного поиска новых форм сотрудничества, новых подходов, создания интегративных проектов. Мы открыты сотрудничеству, готовы организовывать курсы повышения квалификации с приглашением представителей российских вузов, изучать опыт ведущих вузов России. На протяжении многих лет мы плодотворно сотрудни-

чаем с Московским государственным лингвистическим университетом, Институтом русского языка им. Пушкина, Владимирским государственным университетом им. братьев Столетовых, Калмыцким государственным университетом им. Городовикова, Уральским государственным экономическим университетом. Здесь на «Виноградовских чтениях» присутствуют и наши партнеры из Адыгейского государственного университета, с которым мы подписали Меморандум о сотрудничестве на узбекско-русском форуме ректоров, определяющий направления развития взаимовыгодных партнерских отношений в совместной научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Мы заинтересованы в развитии таких форм сотрудничества, как обмен студентами, магистрантами, организации прохождения стажировок, учебной практики, обмен информацией по учебно-методической работе, учебным планам и программам.

Будущее образования за интеграцией в мировое научно-образовательное сообщество, за инновациями в сотрудничестве.

Я уверен, что в ходе пленарного и секционных заседаний научно-практической конференции «Виноградовские чтения» будут не просто обозначены проблемные аспекты в области преподавания русского языка и русской литературы, но главное определены пути их решения!

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и ярких открытий!

С. А. Миронов

Председатель Русского культурного центра Узбекистана

Уважаемые участники научно-практической конференции «Виноградовские чтения»!

Позвольте мне искренне приветствовать вас от имени Русского культурного центра Узбекистана!

Настоящая конференция проходит для нас в особый год, в апреле мы отметили свое знаменательное событие – 25-летие со дня своего образования.

При поддержке руководства нашей страны и лично Президента Мирзиёева Шавката Миромановича был проведен целый комплекс юбилейных мероприятий, которые вылились в наш большой национальный праздник и я, полагаю, многие сегодня присутствующие в них приняли самое активное участие.

На наши мероприятия были приглашены и приняли участие гости из стран ближнего зарубежья – руководители координационных советов российских соотечественников, а также ректора, руководители международных отделов, представители вузов из Российской Федерации.

И надо отметить, все были едины во мнении в том, что в Узбекистане Русский культурный центр Узбекистана и его подразделения в регионах нашей страны занимает свое достойное место, а русский язык свободно используется не только в сфере образования и культуры, но и в средствах массовой информации, различных коммуникативных ситуациях, выполняя наряду с государственным языком, функцию языка межнационального и межгосударственного общения.

И для сохранения русского языка и русской культуры в Республике созданы все необходимые условия.

Следует отметить, что ежегодно проводимые, а в этом году Юбилейные, XV по счету, Международные Виноградовские чтения, организованные Представительством Россотрудничества в Узбекистане и Ташкентским объединением преподавателей русского языка и литературы стали уже доброй традицией

русских филологов в Узбекистане и, безусловно, служат продолжением той большой и целенаправленной работе, направленной на сохранение и продвижение русского языка в нашей стране.

Но и мы сегодня горды тем, что РКЦ Уз вносит в это и свой весомый вклад.

В составе нашего правления более 50 процентов преподавателей-русистов различных высших и общеобразовательных учебных заведений и мы горды, что в составе нашего правления такие корифеи русисты, как Шереметьева Анна Геннадьевна, Петрухина Наталья Михайловна и много других замечательных преподавателей.

Сегодня Русским культурным центром Узбекистана разработана специальная программа «Русский язык», предусматривающая повышение уровня языковой культуры, улучшения грамотности, оказания помощи при изучении русского языка всем желающим. И одним из таких инструментов стал ежегодный семинар для преподавателей-русистов, который организовывается действующим при нас Центром русского языка и литературы.

Дорогие друзья! В работе нашей конференции принимают участие не только ученые и преподаватели различных высших учебных заведений, но и представители национальных культурных центров, других общественных организаций, средств массовой информации.

Уверен, сегодня состоится заинтересованный обмен опытом в учебно-образовательной деятельности, в вопросах обучению русскому языку. А доклады и выступления по теме нынешней конференции позволят еще раз обозначить роль и значение русского языка в укреплении многостороннего сотрудничества Российской Федерации и Республики Узбекистан, дружбы двух братских народов.

Пользуясь случаем, позвольте поблагодарить организаторов настоящей конференции за приглашение и пожелать всем участникам успешной работы!

Н. М. Миркурбанов

Член-корреспондент РАПСН, профессор

Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами
(Ташкент, Узбекистан)

Уважаемые участники XIV Виноградовских чтений!

Виноградовские чтения в Узбекистане – научно-педагогическая площадка не только русистов, но и практически всех филологов Республики, на которой ежегодно происходит обмен опытом, научными изысканиями, педагогическими новациями!

Сегодня Чтения – международный форум тех, кто посвятил себя развитию и пропаганде русского языка, русской культуры.

География и количество участников этого поистине праздника русской словесности постоянно расширяется. Активное участие принимают в нем ведущие вузы России, стран Центральной Азии, Белоруссии, Молдовы, Украины.

Наши Чтения уже 15 год наглядно и убедительно показывают всем, что русский язык, русская литература, русская культура и история всегда были в центре внимания народной власти Узбекистана независимо от политических конъюнктур. Авторитет и высокий уровень Чтениям всегда придавали и придают поддержка и практическое участие в ней Посольства Российской Федерации в Узбекистане, Представительства Россотрудничества в стране, Русского культурного центра Республики.

Уверен, нынешние чтения, как всегда пройдут на самом высоком уровне и придадут положительный и действенный импульс для новых открытий в области преподавания и развития Русского Слова в нашей Республике

Всего доброго и удачи Вам, Дамы и Господа!

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е. Н. Макарова

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Взаимовлияние языков в современном мире: основы изучения и направления научных исследований

Взаимовлияние нескольких языковых систем представляет интерес для ученых в нескольких аспектах – лингвистическом, лингвометодическом, психолингвистическом и социолингвистическом. Важность его изучения подтверждена обращением к сопоставительному анализу языков таких выдающихся отечественных лингвистов как Н. С. Трубецкой, Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, А. А. Реформатский, В. Н. Ярцева и многих других. В работах В. В. Виноградова, посвященных русскому языку и его роли в межнациональном общении, находят освещение вопросы воздействия чужого языка на русский язык [2]. Несмотря на существование большого количества теоретических и экспериментальных работ, выполненных в этом русле, сопоставление языковых систем продолжает привлекать внимание современных исследователей-лингвистов. Это связано, прежде всего, с расширением языковых контактов. Эта характерная черта современного мира, в свою очередь, повышает актуальность разработки вопроса об эффективности процессов обучения неродному языку.

Зарубежная литература предлагает множество терминов для обозначения явления взаимовлияния языков: «linguistic interference», «language mixing», «native language influence» и множество других. В русскоязычных работах широко применяется термин

«межъязыковая интерференция». Проблема межъязыкового взаимодействия и взаимовлияния связана с явлением языкового переноса. Выделяют два типа языкового переноса – «borrowing transfer» и «substratum transfer» [15]. Первый из них подразумевает влияние системы второго (неродного) языка на первый (родной). Такое влияние чаще всего выражается в лексических заимствованиях. Второй тип языкового переноса, привлекающий внимание большинства отечественных и зарубежных ученых, которые занимаются проблемами языковых контактов, находит отражение во влиянии родного языка на усвоение чужого.

Языковой перенос последнего типа принято разделять на положительный и отрицательный. Первый вид имеет место в ситуации, когда влияние родного языка способствует успешному усвоению неродного. Отрицательный языковой перенос, напротив, препятствует овладению правилами чужого языка [11]. Разделение переноса на два вида способствует пониманию того, что существует необходимость изучения как ненормативных отклонений от нормы неродной речи, так и правильных языковых форм, которые подтверждают успешное усвоение учащимися норм неродного языка [6]. Несмотря на то, что отрицательный перенос чаще становится объектом внимания ученых-лингвистов, явление положительного языкового переноса нашло отражение в ряде научных работ [4]. Синонимами терминов «положительный» и «отрицательный перенос» являются «положительная» и «отрицательная» интерференция. Однако, чаще всего, термин «интерференция», используется лингвистами для описания отрицательного влияния системы родного языка на отклонения от языковых норм неродной речи [1; 5]. Анализ литературных источников позволяет говорить о национальной характеристике интерференции, обусловленной влиянием языковой системы конкретного языка на изучаемый язык. Вместе с тем, наряду с национальным характером интерференции, исследователи выделяют общие типы языковых отклонений, характерных для носителей неблизкородственных языков.

Значимость языкового переноса в лингводидактическом аспекте в последние десятилетия подвергалась переоценке.

В 50-х гг. прошлого века языковой перенос считался одним из главных факторов, которые влияют на процесс усвоения изучаемого языка. В большинстве работ, относящихся к этому периоду, представлены доказательства существования языкового переноса. Позднее, в 60-е и 70-е гг. XX в. лингвисты подвергали сомнению существование языкового переноса. В некоторых работах по анализу ненормативной неродной речи было заявлено, что важность языкового переноса преувеличена. В ряде работ, выполненных в 80-е гг. прошлого столетия, было убедительно доказано, что трудности в освоении системой чужого языка могут быть не связаны с различиями на разных уровнях языковых систем. Существует две точки зрения на процесс овладения системой иностранного или второго языка. Первая из них называется «сильной версией» («strong version»). В ее рамках потенциальные трудности для носителя одного языка, изучающего другой язык, можно легко предвидеть. Среди них лингвисты называют «недостаточное воспроизведение» какого-либо языкового свойства, («underproduction» или «underrepresentation»), «чрезмерное использование» того или иного языкового явления («overproduction» или «overuse»), «уклонение от использования» («avoidance»), «неправильное понимание» («misinterpretation»), и, наконец, систематические ошибки («production errors») [13; 8]. Сторонники данной точки зрения допускают влияние на процесс усвоения другого языка и иных факторов, среди которых наличие предшествующего опыта в изучении неродного языка и степень мотивации обучающегося. Другой методологический подход носит название «слабой версии» («weak version») или «выведенной на основании опыта». Его сторонники концентрируют свое внимание на уже существующих ошибочных реализациях в речи изучающих неродной язык. Приверженцы этой точки зрения не считают влияние системы родного языка первостепенным фактором, определяющим успешность процесса усвоения иноязычной речи. Аргументы против «сильной» версии сводятся к тому, что несмотря на возможность предсказания нарушений языковой нормы, их наличие в речевом произведении на неродном языке не является обязательным.

Последние десятилетия характеризуются более сбалансированным подходом, основанном на результатах множества проведенных исследований. В большинстве современных работ, выполненных в русле языковых контактов и межъязыковой интерференции, отражены оба подхода: потенциальные ненормативные реализации подвергаются экспериментальной проверке для подтверждения/опровержения языкового влияния родного языка на усвоение правил второго или иностранного. Такой подход к изучению взаимодействия разных языковых систем активно использовался для исследования результатов языковых контактов в конце XX в. Начало XXI столетия было ознаменовано появлением работ, посвященных анализу языкового переноса в культурном и социальном аспектах, в том числе, с учетом личностных характеристик обучающихся [16].

Ненормативные характеристики иноязычной речи, являющиеся результатом отрицательной межъязыковой интерференции, связаны с понятием «иноязычный акцент». Хотя появление в неродной речи его признаков не всегда вызвано интерферирующим влиянием родного языка, трудно оспорить тот факт, что лингвистический фактор играет ведущую роль в наличии акцентных характеристик в иностранной речи. Термин «акцент» имеет множество определений: «отклонения от ожидаемых сегментных и просодических норм языка» [9, с. 2], «напоминание о родном языке говорящего на неродной речи» [10, с. 22], «сегментные, либо супraseгментные характеристики, идентифицирующие говорящего как неносителя данного языка» [14, с. 298]. Интерес к иноязычному акценту в разных аспектах характерен и для отечественной лингвистической науки [3, с. 41–71]. Как и в случае с межъязыковой интерференцией, изучение иноязычного акцента проводится по нескольким направлениям, а не рассматривается как собственно языковая проблема. Выявление психолингвистической природы акцента, его исследование в социологическом и методическом аспектах в последние годы выходит на первый план.

Актуальной и сравнительно новой областью для изучения является исследование коммуникативного воздействия межъ-

языковой интерференции, которая связана со степенью понимания иноязычной речи носителями языка.

В этой связи ставится вопрос о целесообразности стремления к избавлению от акцентных характеристик в неродной речи. Должна ли такая цель ставиться перед изучающими неродной язык? В англоязычной литературе, посвященной проблеме влияния акцента на понимание неродной речи, используется термин «допустимый акцент». В конце прошлого столетия были опубликованы многочисленные работы, посвященные проблеме понимания акцентной неродной речи [7; 12]. Большинство авторов высказывают мнение о том, что стремление к избавлению от иноязычного акцента не должно быть первоочередной задачей в процессе овладения неродной речью. Достижение взаимного понимания собеседников возможно и с сохранением акцентных характеристик в устной речи на иностранном языке.

Дальнейшая разработка проблемы языковых контактов и их результатов, проявляющихся в речи билингвов, несомненно, перспективна. Одним из ее важных направлений может стать вопрос о выявлении отношения носителя языка к носителям акцентной речи и связи между речевыми и социальными характеристиками двуязычного индивидуума.

Литература

1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
2. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука 1977. 312 с.
3. *Вишневская Г. М.* Билингвизм и его аспекты : учеб. пособие. Иваново, 1997. 99 с.
4. *Жлуктенко Ю. А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Вища школа, 1974. 176 с.
5. *Розенцвейг В. Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике, вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 5–22.
6. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
7. *Anderson-Hsieh J., Johnson R., Koehler K.* The relationship between native speakers' judgements of non-native pronunciation and devi-

ance in segmentals, prosody and syllable structure // *Language Learning*. 1992. Vol. 42. P. 529–555.

8. *Ellis R.* The study of second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1994. 824 p.

9. *Felps D., Gutierrez-Osuna R.* Developing objective measures of foreign-accent conversion // *IEEE Transactions on Audio, Speech & Language Processing (TASLP)*. 2010. Vol. 18, no. 5. P. 1030–1040.

10. *Jilka M.* The Contribution of Intonation to the Perception of Foreign Accent: doctoral dissertation. University of Stuttgart, 2000. 225 p.

11. *Lado R.* Linguistics across Cultures. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1957. 160 p.

12. *Munro M. J., Derwing T. M.* Processing time, accent, and comprehensibility in the perception of native and foreign-accented speech // *Language and Speech*. 1995. Vol. 38. P. 289–306.

13. *Odlin T.* Language transfer: cross-linguistic influence in language learning. Cambridge (UK) & New York: Cambridge University Press, 1989. 210 p.

14. *Scovel T.* Foreign accents, language acquisition, and cerebral dominance // *Language Learning*. 1969. Vol. 19. P. 245–325.

15. *Thomason S., Kaufman T.* Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, CA: University of California Press, 1988. 411 p.

16. *Wei L.* Syntactic binding, semantic binding and explanation of crossover effects // *Foreign Languages Research*. 2003. Vol. 3. P. 73–78.

Т. С. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

**Активные процессы
в языке современной публицистики
(на примере заголовков региональной прессы)**

Процессы, происходящие в современном русском языке, проявляются в языке средств массовой информации, в том числе газетной периодики. Это объясняется тем, что «публицистическая сфера напрямую связана с областью социальных отношений и быстрее всех реагирует на общественные изменения» [2, с. 26]. Изменение идеологии газет, смещение акцентов при освещении событий в первую очередь проявляется в языке. Поворот газет

к реальному человеку, к его «мелким» заботам, «неинтересной», простой, трудной жизни обуславливает активизацию разговорных, просторечных, жаргонных и даже грубых и бранных элементов [1, с. 12]. Изменение концептуальной лексики газет – свидетельство наступления нового этапа в развитии отечественной прессы.

Газетный заголовок, будучи важной частью текста, выполняющий не только информационную, но и рекламную функцию, должен привлекать внимание читателя. От его структуры, формы зависит интерес к публикации потенциального читателя. В этой связи становится понятно, почему заголовку большое внимание уделяют как журналисты, так и лингвисты.

В настоящей статье рассмотрим тенденции, которые характерны для современных газетных заголовков. В качестве материала использованы региональные газеты («Известия Калмыкии», далее – ИК; «Хальмгүнн», далее – ХУ; «Парламентский вестник», далее – ПВ; «Элистинская панорама», далее – ЭП; «Калмыцкий университет», далее – КУ и др.).

В первую очередь обращает на себя внимание изменение системы заглавия: помимо собственно заголовка, в современных газетах активно используются заголовочные комплексы, которые поясняют, уточняют или объясняют название:

В библиотеку будут ходить вечно (заголовок). Одним из центров культурной и литературной жизни республики является Национальная библиотека имени А. Амур-Санана, где проходят Дни поэзии, литературные встречи, посвященные творчеству писателей и поэтов республики, деятелям науки и искусства Калмыкии, устному народному творчеству народов России. Она является и информационным центром, так как связана с крупнейшими библиотеками страны, также здесь идет и оцифровка книжного фонда. Об этом рассказала в своем интервью директор Национальной библиотеки Надежда Уластаева (подзаголовок; ХУ, 11 мая 2017 г.).

Пример – премьер (заголовок). Общественная палата РК реализует новый проект «Час с министром». Он позволяет упрочить обратную связь власти и общества. Проект старто-

вал 3 мая, в котором принял участие глава кабинета министров РК Игорь Зотов (подзаголовок; ХУ, 24 мая 2017 г.).

Здесь подзаголовки объясняют необычное название.

Подзаголовки могут кратко информировать о содержимом публикации: *Они не лечат человека, но спасают все человечество* (заголовок). *Сегодня, 24 мая, в 9 раз мы отмечаем День ветеринарного работника РК. Не будет преувеличением, если сказать, что мы сопричастны к этому празднику. От профессионализма и компетентности ветеринарных служб напрямую зависят здоровье жителей республики, безопасность продуктов животного происхождения, успехи и достижения в главной отрасли экономики – животноводстве. Если коснуться истории, то создание этой службы в Калмыкии уходят корнями в прошлые века* (подзаголовок; ХУ, 24 мая 2017 г.).

Посмотрим *«Поедем, поедим!»* (заголовок). 14 мая на НТВ Джон Уоррен расскажет о самых запоминающихся событиях поездки в Республику Калмыкию. Программа *«Поедем, поедим!»* будет способствовать привлечению туристов в Калмыкию, материал для нее о нашей республике снимали впервые (подзаголовок; ХУ, 13 мая 2017 г.).

Таким образом, в современной газете меняется система заглавия: активно используются подзаголовки, информирующие о содержимом текста, помогающие читателю ориентироваться при избирательном чтении газеты.

Теперь сосредоточим свое внимание на языковых особенностях газетных заглавий.

Синтаксические особенности заглавия

Структурно названия публикаций, как правило, состоят из одного предложения. Это может быть простое двусоставное распространенное предложение: *Наши «Вороны» покажут военные навыки, Батор Адучиев провел прием граждан, Калмыцкие чекисты отметят двойной юбилей* (ХУ, 20 мая 2017 г.), *Четыре студента КалмГУ победили в конкурсе «УМНИК-2018»* (КУ, 30 марта 2019 г.), *Пенсионный фонд работает на «хорошо» и «отлично»* (ХУ, 19 марта 2019 г.) и т.п. Такие полные простые предложения в заглавии, хотя и имеют место на газет-

ной полосе, но все-таки используются редко. Еще реже встречаются простые нераспространенные двусоставные предложения, что объясняется их информационной неполнотой: *Мошеники оживились* (ПВ, 30 марта 2019 г.). Крайне редко отмечаются простые предложения, оба главных члена которых выражены именем существительным: *Валентина Горяева – голос нации* (ХУ, 19 марта 2019 г.), *Федор Калмык – живописец с мировым именем* (ХУ, 20 марта 2019 г.).

Односоставное простое предложение в качестве названия публикации – это наиболее частотная синтаксическая форма газетного заглавия. При этом номинативные предложения в заглавиях по-прежнему присутствуют: *Телескопы от яшалтинских школьников* (ХУ, 28 марта 2019 г.), *Путешествие во времени* (ХУ, 18 мая 2017 г.), *Школа жизни для юных* (ХУ, 20 марта 2019 г.), *Рождественское чудо* (ЭП, 10 января 2019 г.), *Первые шаги в должности* (ПВ, 30 марта 2019 г.), *Красное платье Победы* (ХУ, 20 мая 2017 г.) и т.п. Не трудно заметить стандартность, клишированность подобных заглавий. Многие исследователи газет отмечают, что в заглавиях реже стали употребляться назывные предложения. Однако наш анализ свидетельствует об их использовании в региональной прессе: *Талантливый учитель-исследователь*, *Надежды калмыцкого футбола*, *Старинный храм в Кегульте* (ХУ, 20 мая 2017 г.), *Цифровой ликбез для школьников* (ХУ, 24 мая 2017 г.), *Новые имена солдат Победы* (ПВ, 30 марта 2019 г.), *Яркий дебют Калмыкии в Москве* (ПВ, 20 марта 2019 г.), *Жизнь, полная событий* (ЭП, 10 января 2019 г.).

По сравнению с номинативными конструкциями, односоставные глагольные предложения используются в названиях реже: *Полку читателей «ЭП» прибыло* (ЭП, 10 января 2019 г.), *Боеприпасы обезвредили без ЧП*, *Узнали о будущей профессии* (ХУ, 19 марта 2019 г.), *Теперь только работать* (ХУ, 30 марта 2019 г.), *Аграриям помогут*, *Погасил сразу 15 штрафов* (ПВ, 30 марта 2019 г.) и т.п.

Реже стали употребляться названия, образованные на базе отглагольных существительных типа: *Спасены 5 человеческих*

жизней (ХУ, 20 мая 2017 г.). Объяснение этому мы видим в усилении личностного фактора в речи.

Отмечается тенденция оформления заглавий осложненными предложениями, которые, благодаря своей развернутой форме, более полно передают содержание публикации: *Они выжили, несмотря ни на что* (ХУ, 19 декабря 2018), *Благодаря чистильщикам Элиста снова станет городом роз* (ХУ, 18 мая 2017 г.).

Среди названий отмечены неполные предложения, пропущенные компоненты которых легко можно восстановить: *Органы власти – в социальных сетях*, *Джиргала – в числе победителей* (ХУ, 20 мая 2017 г.), *В дружбе народов – единство России*, *Районной больнице – доступность и качество* (ХУ, 31 мая 2017 г.), *Опора хозяйства – преданные делу труженики* (ХУ, 30 марта 2019 г.). Такие конструкции высокочастотны не только из-за их компактности, но и из-за присущей таким конструкциям директивности.

Сложные предложения в названии газетной публикации более редки по сравнению с простыми предложениями. Однако они все же встречаются на газетной полосе, например: *Бизнес покалмычки: от 0 до 1000000, Это мои дети, я их вам не отдам; Калмыкия – Германия: грани сотрудничества, Внимание: у сайгаков – отел* (ХУ, 20 мая 2017 г.). Сложные предложения с подчинением (*Певщица, которую осыпают розами* (ИК, 21 февраля 2003 г.), *Кабинет, который всегда с тобой* (ХУ, 17 мая 2017 г.), *Журналисты, которые умеют работать в команде* (ЭП, 11 января 2017 г.) в названиях используются крайне редко.

Довольно популярны расчлененные названия, состоящие из двух частей. Первая называет тему, а вторая поясняет ее (*Стройки: такую жизнь стерпят только гастарбайтеры* – ИК, 24 апреля 2003 г.; *Сессия Народного Хурала: весеннее наступление законодателей* – ИК, 24 апреля 2003 г.; *В розыске новоселы: кто или что мешает справиться новоселье в срок?* – ЭП, 11 января 2017 г.; *Госпрограмма развития села: надо спешить* – ХУ, 30 марта 2019 г., *Мясное скотоводство: улучшить качество продукции* – ХУ, 19 декабря 2018 г.). Реже заголовки оформляются двумя предложениями: *Не волнуйтесь! Это уче-*

ния; *Хочешь автомобиль? Борись!* (ЭП, 1 ноября 2016 г.); *Вам требуется качественная экспертиза? Обращайтесь в КалМГУ!* (ХУ, 19 марта 2019 г.).

В заголовках, состоящих из двух предложений, второе предложение может дополнять первое, будучи его смысловым продолжением. Они представляют собой парцелляции: *Некрасивые киоски уберут. В центре Элисты* (19 апреля 2003 г.); *Стоματοлогов дети боятся. А зря* (ИК, 9 января 2003 г.), *Не просто драка. Массовая* (ХУ, 29 апреля 2017 г.).

Иногда название оформляется придаточным предложением, для понимания которого читатель должен обратиться к тексту самой публикации: *Чтобы регионы развивались* (ХУ, 30 марта 2019 г., публикация о комплексе мер по ускоренному развитию субъектов с низким уровнем социально-экономического благосостояния), *Чтобы ипотека не была бременем* (ХУ, 19 марта 2019 г., публикация, посвященная ипотечным каникулам), *Чтоб старость была в радость* (ХУ, 28 марта 2019 г., публикация о деятельности директора Дома-интерната для престарелых и инвалидов г. Элисты). Подобные названия эффективны: благодаря своей незаконченности, они возбуждают интерес читателя.

В современных заголовках по-прежнему используются обращения, однако изменился их характер. В советской прессе обращения носили, как правило, обобщенный, лозунговый характер: *Возьмитесь за руки, друзья!* Отсюда преобладание в заголовках того времени неопределенно-личных предложений. В современном заглавии обращение конкретно: *С юбилеем, «Алтнбулг»!* (ХУ, 18 мая 2017 г., публикация посвящена детскому саду № 31 «Алтнбулг»), *Запомните наши лица, потомки!* (ХУ, 18 мая 2017 г., публикация о воинах, погибших в годы Великой Отечественной войны).

В современных названиях используются разные коммуникативные типы высказываний. Преодоление газетной декларативности, адресность мы видим в активизации восклицательных, вопросительных и незавершенных высказываний в заголовках: *Каким быть парку «Дружба»?* (ХУ, 23 мая 2017 г.), *Как не допустить уничтожение пастбищ?* (ХУ, 30 мая 2017 г.), *Кто у нас*

хозяин степи? (ИК, 20 апреля 2003 г.), *Каким станет целевое обучение?* (КУ, 30 марта 2019 г.), *Балка Гашиун против соснового бора?* (ХУ, 11 января 2017 г.), *Будет ли наказан охранник?* (ХУ, 19 марта 2019 г.), *Спокойно спите, орлы-степняки...* (ХУ, 17 мая 2017 г.), *Посади дерево! Возьми с нас пример!* (ХУ, 20 мая 2017 г.), *700 шахматистов играли в дацане!* (ХУ, 19 мая 2019 г.), *Увековечим память воинов 110-й!*, *КалмГУ встречает навруз!* (КУ, 30 марта 2019 г.), *Картинка будет классной!* (ПВ, 30 марта 2019 г.) и т.д.

Часто подобные названия настраивают читателя на определенную тональность. Например, на размышление: *Для чего же мы вместе?* (ИК, 14 декабря 2002 г.), *Жильцы домов и арендаторы: на чьей стороне правда?* (ИК, 23 января 2002 г.), *Кто нас охраняет?* (ИК, 10 января 2002 г.), *Под нами будет кафе-бар?* (ИК, 11 января 2002 г.), *Кому завидует прокурор республики?* (ИК, 1 февраля 2002 г.), *Почему я так изменилась?* (ИК, 4 января 2002 г.), *Древний разум был сильнее?* (ИК, 4 января 2002 г.) или на эмоциональный подъем: *Встречайте зул!* (ИК, 8 декабря 2002 г.), *Здоровая нация – крепкая Россия!* (ХУ, 20 мая 2017 г.), *Сила духа важнее силы мышц!* (ХУ, 20 мая 2017 г.) и т.д.

Сразу несколько задач журналисты решают, используя систему цитации. Это могут быть прямые цитаты: *«Мы сделаем все возможное для привлечения молодых специалистов»* (ХУ, 30 марта 2019 г., интервью руководителя Кетченеровского РМО Санала Годжурова). Главное предназначение цитаты – повышение объективности, достоверности публикации. Помимо цитаты, интертекстуальность, встроенность газетного текста в современную жизнь обеспечивается именами собственными, образами. Это становится обязательным признаком современных газетных текстов: *Романцев все-таки приехал в Элисту; Как Путин расправился с труппами* (ЭП, 13 апреля 2017 г.). Здесь следует обратить внимание на наблюдающуюся в СМИ последнего времени тенденцию номинации известных персон по фамилии, что в принципе не характерно для русского речевого этикета. С другой стороны, иногда на газетной полосе можно встретить заглавие, содержащее фамилию и имя: *Грани талан-*

та Арсланга Санжиева (ЭП, 27 апреля 2017 г.), *Очередная победа Нины Менкеновой* (ХУ, 19 марта 2019 г.) или имя собственное: *Сербская бронза Мингияна* (ХУ, 11 мая 2017 г.). Последняя форма допустима в отношении известной персоны (в данной публикации рассказывается о победе заслуженного мастера спорта России, бронзового призера олимпийских игр 2012 года по греко-римской борьбе, Героя Калмыкии Мингияна Семенова).

Это могут быть цитаты с указанием автора: *А.В. Бадмаев: Хорошо, если у группы был магнитофон* (КУ, 30 марта, 2019 г.); *Бату Хасиков: «В Калмыкии любят и умеют болеть за своих»* (ПВ, 30 марта 2019 г.).

Это могут быть цитаты с указанием не только автора, но и его должности: *Владимир Евстигнеев, главный судебный пристав РК: «Руки еще не дошли»* (ЭП, 11 января 2017 г.).

Прямо цитируя известных персон, журналисты актуализируют текст публикации, повышают его злободневность. Однако, как всякий шаблон, этот способ номинации перестает выполнять ту функцию, на которую рассчитывал журналист, создавая подобное заглавие, особенно когда в одном номере газеты встречается больше одного подобного названия.

Помимо авторских цитат, в названиях могут использоваться цитаты из прецедентных текстов. Обладая лингвокультурологической ценностью, они создают образ, концептуальную информацию: *Доброта спасет мир* (ХУ, 30 мая 2017 г.), *Чтобы не было мучительно больно...* (ИК, 19 апреля 2003 г.), *Мороз и солнце, день чудесный* (ИК, 11 января 2002 г.); *Да будет свет!* (ИК, 22 декабря 2001 г.), *Как в крещенский вечерок девушки гадали* (ИК, 10 января 2002 г.); *Они сражались за родину* (ХУ, 7 мая 2017 г.), *Мечты сбываются* (ХУ, 19 марта 2019 г.). При этом прецедентные высказывания зачастую модифицируются: *Пить или не пить? – Вот в чем вопрос* (ИК, 1 февраля 2002 г.); *И в «Новой Победе» яблони цветут* (ХУ, 28 марта 2019 г.), *Кому на селе жить хорошо...* (ХУ, 20 марта 2019 г.), *Полеты не во сне, а наяву* (ХУ, 19 марта 2019 г.), *Спортсменом можешь*

ты не быть, но бегать хорошо обязан! (ХУ, 20 мая 2017 г.), *Я б в пожарные пошел* (ХУ, 19 марта 2019 г.) и т.д.

В заголовках отмечены хорошо известные «среднему» читателю цитаты из песен, стихотворений, кинофильмов, слоганы: *Конкурс близнецов и двойняшек «Гляжусь в тебя как в зеркало»* (ЭП, 20 мая 2017 г.), *Команда молодости нашей* (ИК, 1 февраля 2002 г.), *Вкусен в детстве раннем первый снег* (ИК, 25 января 2002 г.); *Танцуй, пока молодой!* (ИК, 18 января 2002), *У природы нет плохой погоды?* (ИК, 6 февраля 2002 г.), *Если друг оказался вдруг* (ИК, 16 ноября 2002 г.). Возможны модификации подобных узнаваемых выражений: *Детям – сладости, а школе – спортивный инвентарь*, *За «Державу» не стыдно* (ИК, 9 января 2002 г.), *ТЭЦ плюс электрификация всей Элисты* (ИК, 1 февраля 2002 г.), *На калмыцкой стороне предстоит учиться мне* (ИК, 25 января 2002 г.), *Басанова не танцует под Босанову* (ХУ, 11 января 2017 г.) и т.д. Эти прецедентные феномены, как авторские, так и лингвокультурологические, помогают газетной публикации «встроиться» в историческую память людей, связывают ее с другими текстами культуры.

Частотны в заглавиях и пословицы, чаще всего имеющие разговорный оттенок. Как правило, они используются в модифицированном виде: *Кто рано встает, тому бог дает* (ИК, 26 декабря 2002 г.), *И на нашу улицу пришел праздник* (ЭП, 17 сентября 2016 г.), *Береги деньги смолоду* (ЭП, 4 апреля 2017 г.).

Довольно употребительны в названиях фразеологизмы, как правило имеющие разговорную окраску: *Семеро одного не ждут* (ЭП, 11 января 2017 г.), *Карты в руки малому бизнесу* (ХУ, 19 декабря 2018 г.). При этом они так же модифицируются: *Надеясь на государство, сам не плошай* (ИК, 16 января 2002 г.), *На удачу надейся, а сам не плошай* (ХУ, 20 мая 2017 г.), *Надеясь на себя, иди* (ЭП, 17 января 2017 г.). Некоторые названия, составленные из фразеологизмов, неудачны. Так, фразеологизм *одного поля ягоды* имеет значение ‘одинаковые’, окраску – неодобрительную. В публикации с таким названием рассказывается о счастливой семейной паре Болдыревых. Налицо несоответствие названия содержанию текста.

В использовании в заглавии просторечных и разговорных фразеологизмов (*довести до ума, на все сто, чин чинарем* и т.п.) мы видим отражение главного, по В. Г. Костомарову [4], конструктивного принципа языка газеты – единство стандарта и экспрессии. Ведь устойчивое словосочетание – своего рода штамп, широко используемый в просторечии и имеющий яркую оценочность.

Фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, отрывки из известных советских песен, кинофильмов, прецедентных текстов и т.п., ставшие обязательными приметами газетных названий, органично вплетаются в текст, актуализируя его. Они являются не просто выразительными средствами, но зачастую создают определенную тональность и могут повлиять на читательский выбор. Подобные названия оживляют язык публикаций, создают иллюзию непосредственности, неформальности, близости. Однако не следует перегружать газету средствами выразительности, поскольку в таком случае они могут потерять свою яркость, создавая ощущение пестроты, карнавальности текста. Рассмотренные выше средства, являющиеся переменными признаками публицистического текста [3, с. 57–58], обеспечивают его интертекстуальность, узнаваемость.

Лексический состав заголовков

Разговорная лексика – один из источников экспрессии языка газет. Нацеленность газет и журналов на упрощение сложных проблем, «облегченный» слог, апелляция к повседневному опыту читателя, сокращение дистанции общения между коммуникантами – все это делает разговорный слой обязательным компонентом газетного текста [2, с. 38]. Те изменения, которые наблюдаются в языке публицистики, как правило, фиксируются в заглавиях, рубриках, подзаголовках, тех элементах, которые предваряют текст и влияют на формирование читательского интереса. Наш анализ показывает, что разговорные и просторечные слова и выражения в названиях публикаций встречаются не столь часто. Однако они придают публикации необходимую выразительность, выделяя конкретный текст: *Стихия «дает прикурить»* (ИК, 24 января 2002 г.), *За рулем – без прав и подошфе*

(ПВ, 30 марта 2019 г.). Обладающие особой экспрессией, яркой оценочностью, просторечные и разговорные слова, вне всякого сомнения, оживляют заголовок, привлекают внимание к последующему тексту. Нестандартные заглавия настраивают читателя, помогают воспринимать информацию, не обладающую глобальной актуальностью, а в каких-то случаях определяют отношение читателя к тексту. Продуманная стилистика всех элементов заглавия обеспечивает лучшее усвоение информации читателями.

Выше уже говорилось о том, что заголовки современных публикаций содержательны, не декларативны. Как следствие меняется распределение частей речи, использованных для оформления заголовков. В них уменьшилась доля отглагольных существительных. Это можно объяснить происходящей в современной газете переориентацией на персональность, субъектность современного газетного текста.

Редким, но выразительным способом оживления заголовков является использование противопоставлений: *Большие беды от малых рек* (ИК, 4 января 2002 г.), *Евро и доллар: кто кого?* (ИК, 4 января 2002 г.).

В целях привлечения внимания в названиях используются рифмы: *Привольно людям в Привольном* (ИК, 24 января 2002 г.), *Чтоб урожаем хороший брат, поле нужно удобрять* (ИК, 8 декабря 2002 г.), *Доброту творят добрые* (ИК, 9 января 2002 г.), *В Новый год – в новые дома* (ЭП, 11 января 2017 г.), *Дачникам – удачные участки?* (ЭП, 11 января 2017 г.). Однако не всегда рифма бывает удачной: *У живописного пруда живет поселок Чагорта* (ИК, 23 января 2002 г.). Иногда в названиях обыгрываются отдельные слова: *Апрельские первоцветы* (в публикации речь идет о приеме ягнят в племсовхозе «Черноземельский»).

Таким образом, для современного газетного заголовка как важного структурного элемента публикации характерны такие средства выразительности, как интертекстуальность, разговорность. Вместе с информативностью, достоверностью, они актуализируют текст. Однако не следует забывать о том, что язык газеты не только отражает язык общества, но и в какой-то степени формирует его, влияет на языковой вкус читателей, поэтому

языковой материал газеты должен тщательно отбираться, а журналист должен чувствовать свою ответственность за печатное слово.

Литература

1. *Есенова Т. С., Бонет О. А.* Разговорные и просторечные элементы в современном газетном репортаже // Русский литературный язык: грани и границы. Челябинск, 1998.
2. *Казак М. Ю.* Язык газеты. Белгород, 2012.
3. *Клушина Н. И.* Стилистика публицистического текста. М., 2008.
4. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

С. А. Колобова

Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

Русский язык как фактор качественного обеспечения современной международной безопасности

В современных условиях глобальной неопределенности, сопровождаемой управляемым хаосом, особое значение приобретает решение задачи национальной идентичности [2]. Именно поэтому эффективное осуществление языковой политики в интересах безопасности стран и народов, обладающих лучшими традициями самоорганизации и самобытности, приобретает большое значение. Государственный язык, как таковой, всегда выступает мощнейшим инструментом консолидации народонаселения и обеспечения надежной безопасности всей системы жизнедеятельности любого государства, включая Россию [4].

Русский язык является четвертым языком по распространенности в мире. Он является родным для 300 миллионов человек на Земле. Прежде всего, русский язык следует оценивать в качестве официального языка Российской Федерации [2]. Его возможности в сложнейшем деле межэтнической интеграции, языковой консолидации и этнокультурной идентификации,

а главное, в решении всевозможных проблем качественно нового обеспечения единства российского государства поистине безграничны [2].

Справедливо отмечает известный российский ученый-языковед М. М. Зязиков: «Роль русского языка в современных условиях становится все более значимой в связи с постоянными изменениями, происходящими в стране и мире. История развития нашей планеты объективно указывает, что такая великая, уникальная и самобытная страна, как Россия, была, есть и всегда будет оставаться могущественной державой, несмотря на неоднократные внешние вызовы. Русский язык издревле являлся и остается языком межнационального общения, посредством которого преодолевается языковой барьер между представителями разных этносов внутри одного многонационального государства, а взаимопроникновение национальных культур только способствует его укреплению и обогащению...

Великое будущее нашей страны, лидирующая роль России на международной арене в условиях новой конфигурации сил и многополярности мира, несомненно будет сопровождаться существенным ростом значения и звучания русского языка. В перспективе русский язык следует рассматривать как язык глобальной коммуникации. Достаточно вспомнить об огромной территории Земли с многомиллионным населением, которая была охвачена русским языком. Например, в эпоху СССР русский язык был основным и единственным языком межнационального общения советских людей, его изучали и на нем общались в странах Восточной Европы, а сегодня он остается по-прежнему единственным и основным языком межнационального общения на постсоветском пространстве.

Не сомневаюсь, что из опыта прошлого следует заимствовать мощные механизмы воспитания гражданского сознания и формирования межнациональных и межконфессиональных отношений народов нашей страны, отдавая дань уважения достоинству каждого народа» [1].

В любом случае, именно русский язык реально способствует сближению всех народов, изучающих его. Более того, именно

он, распространяясь на огромных пространствах, является мощным стабилизирующим механизмом межнационального общения, позволяя реализовывать на практике богатые традиции межгосударственного общения в интересах России и дружественных ей стран ближнего зарубежья. Он, однако, нуждается в действенной защите от всевозможных угроз на всем постсоветском пространстве, на Украине, Прибалтике и в дальнем зарубежье.

Правильная идентификация государственного устройства Российской Федерации становится главной государственной задачей. Она позволит власти надлежащим образом организовать на всей территории государства межнациональное взаимодействие всего населения. При этом русский язык окажется по-настоящему государственным, что в свою очередь позволит провести эффективную языковую политику в интересах всего народа. Это приведет к укреплению конструкта «цветущей сложности» (К. Леонтьев), т.е. настоящей гармонии всех живущих народов на обширном российском пространстве без исключения. Значение русского языка приобретет особый смысл, так как значительно повысит конкурентоспособность всех представителей постсоветского пространства и многих других территорий, население которых сотрудничает с Россией. Гармония международного взаимодействия окажется действенным средством укрепления международной безопасности. Целевые программы изучения русского языка народами постсоветского пространства положительно повлияют на процесс рекрутирования многих, если не всех, национальных элит тех государств, которые сотрудничают с Россией. Обеспечение безопасности всех народов, взаимодействующих с Россией на самых различных уровнях положительно скажется для всех без исключения обстоятельств прогрессивного движения вперед. Оно положительно скажется на решении важной проблемы воздействия интенсивности и правильного обустройства миграционных потоков, имеющих особое значение для современной России. Кросс-культурная доминанта языковой политики в интересах всех народов России и соседствующих с ней государств окажется весьма мощным средством единения России и соседствующих стран в интересах всего человечества [1].

Следует подчеркнуть, что несомненно правы ученые-культурологи, занимающиеся социокультурной прогностикой: необходимо выработать механизмы развития и критерии мультикультуральности и адекватности как подрастающего поколения, так и отдельной личности в условиях полиэтнического и многонационального общества; регулировать процессы развития инкультурации и аккультурации, которые в настоящее время не должны быть хаотичны, их необходимо направлять и регулировать; разработать технологии мягких социальных взаимодействий, – поэтому мы давно говорим, что «политика (не только миграционная!) должна быть культурной».

Вместе с тем культура невозможна без языка как семиотической (знаковой) системы, кроме того, язык – важнейший коммуникатор. От правильного и грамотного использования языка при коммуникации, от культуры речи и ее контекста во многом зависит понимание сказанного, но также и смысл, содержание и окрас самой коммуникации, а, следовательно, и отношений между коммуникаторами, которые зачастую представляют разные национальности. Иными словами, язык – средство коммуникации и формирования межнациональных отношений и культуры, а незнание или неумение им воспользоваться отрицательно сказывается на формировании межнациональных (и не только!) отношений. Так, мигранты, прибывшие в Россию из стран СНГ и дальнего зарубежья, должны освоить фундамент (в том числе и посредством русского языка) национального культурного наследия того народа (его геополитические, этнорелигиозные и другие особенности ментальности), в государство которого они мигрируют [1].

Необходимо отметить, что наличие культурных констант говорит о существовании определенных культурных закономерностей, характерных для развития в целом мировой культуры, а их преломление в национальном самосознании – о содержательной спецификации константных символов, идей, предметов материальной культуры. Их освоение явится базовой культурной компетенцией личности, создаст позитивный имидж России, который мигранты будут транслировать не только «своему»

обществу за рубежом, но и своим детям, которые продолжают эту своеобразную трансляцию [1].

Следует подчеркнуть, что именно русский язык, по сути, вместе с культурой сформировал Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивал связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур» [1].

Современное состояние международного сообщества, в период острой борьбы с терроризмом, однозначно указывает на главную и лидирующую роль России в деле сохранения мира на Земле. В новом устанавливаемом миропорядке Россия выступает многонациональной цивилизационной моделью, в которой русский язык играет одну из первостепенных ролей, но и выполняет ряд фундаментальных и цементирующих функций [1].

Таким образом, эту роль русского языка следует считать стратегической, – настолько важен русский язык, его сохранение, изучение и распространение не только в масштабах России, но и за ее пределами. По сути, именно данное обстоятельство наиболее положительно повлияет на решение всех без исключения проблем, имеющих отношение к международной безопасности в целом.

Литература

1. *Зязиков М. М.* Русский язык и его роль в современном мире // Геополитика и патриотическое воспитание. 2016. № 14.
2. *Икиликян С. Г.* Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2017. № 32.
3. *Колин К. К.* Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 2(12).
4. *Рыбин В.* Государственный язык как орудие власти. – СПб: Питер, 2018.

Н. С. Степанова

Доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка
и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан
Юго-западного государственного университета (Курск)

Литературно-художественное наследие как источник нравственной и культурологической информации

Общемировая смена культурной парадигмы оказала влияние на эволюцию позиции отечественной гуманитарной науки в отношении источниковедческого статуса литературно-художественного наследия, актуализировав вопрос о том, может ли литературно-художественное наследие выступать в качестве источника исторической и культурологической информации. Вопрос о нравственном потенциале литературной классики не дискутируется.

Из всего корпуса суждений на этот счет, рассмотрение и оценка которого находятся за пределами нашего выступления, предложим в качестве рабочих постулатов следующие: художественная литература имеет ценность «как источник, отражающий ментальность своего времени» [2, с. 67] и литература имеет свойство «слышать музыку» происходящих перемен, интуитивно улавливать существующие в обществе настроения задолго до того, как они будут систематизированы на языке науки и найдут отражение в историографии и культурологии [3, с. 76–85].

Объективно три фактора, считает И. А. Манкевич, придают литературно-художественному тексту статус источника социально-культурной информации:

уникальность экспрессивных способностей слова как основополагающего «атома» и первичного элемента интертекстуального взаимодействия;

коммуникационная природа литературного текста;

эволюция читательского опыта, способствующая новому прочтению текста другой эпохи (новая историческая, социокультурная, эмоциональная ситуация).

Особый интерес к истокам духовности представляет обращение к наследию деятелей русской культуры конца XIX – первой половины XX в., оказавшихся по воле судьбы в эмиграции.

Не вызывает сомнения исключительность значения русской литературы, литературы серебряного века, привнесенной в результате трагического «исхода» в литературную и культурную ситуацию Европы, для становления новой европейской и российской культурной и философской парадигмы. «Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из таких испытаний и таких мук – такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины» [1, с. 428].

Автобиографическая проза первой волны русской эмиграции – явление уникальное, потому что никогда ранее не возникало и никогда более не повторилось такой комплекс социально-политических и культурно-исторических обстоятельств развития русской литературы.

Как творческий итог осознания «пути жизни» – сложной и противоречивой судьбы поколения, они «выполнили одно из своих главных предназначений, став банком неотторжимых соков и богатств общей, коллективной памяти» [Н.С].

При всем различии конкретных биографических обстоятельств и художественных систем в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции обнаруживаются черты содержательной общности главенствующие в сознании поколения незабываемые нравственно-ценностные ориентиры, обретенные в процессе внутреннего движения и изменения человека, смысл и значимость которых востребованы духовной ситуацией сегодняшнего времени, – инвариант, реализованный во множестве индивидуальных художественных вариантов, представленных конкретными литературными текстами.

В корпусе литературоведческих исследований представлен широкий спектр суждений по этому поводу: от констатации глубокого конфликта между писателями двух поколений первой волны эмиграции до признания их общности, того, что при всем несходстве художественных миров «они полноправно принад-

лежат к родной стихии, более того, стали охранителями отечественной культуры» [1, с. 114].

И действительно, тип авторского сознания, способы художественного мышления у каждого из рассматриваемых нами писателей, с одной стороны, неповторимо индивидуальны, уникальны и беспрецедентны; с другой – обладают общими, неизблемыми духовными константами, обусловленными принадлежностью к одной и той же эпохе, одной и той же стране; одной и той же ментальностью, становлением и формированием в одной и той же системе образования и воспитания, общностью личной и творческой судьбы.

Однако сейчас, по прошествии почти ста лет, мы воспринимаем их как представителей одной генерации, разделяя убеждение, что «великие художественные открытия рождаются не изолированно, не в замкнутой творческой лаборатории отдельного, пусть и гениального, писателя, а в результате взаимодействия своеобразных, даже взаимно несовместимых внутренних миров, взрыва творческой энергии, порожденной этим взаимодействием» [1, с. 124].

«Ведь мы сами – живые куски нашей России; ведь это ее кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это ее дух молится в нас и поет, и думает, и мечтает о возрождении и ненавидит ее врагов... она в нас, она всегда с нами; мы слеплены из ее телесного и духовного материала, она не может оторваться от нас так же, как мы не можем оторваться от нее. И куда бы ни забросила нас судьба, в нашем лице дышит и молится, и поет, и пляшет, и любит стихия нашей Родины... Да, я оторван от родной земли, но не от духа, и не от жизни, я не от святынь моей Родины; и ничто и никогда не оторвет меня от них» [2, с. 73].

Более общей эмигрантской судьбе предшествовала самостоятельная дореволюционная биография каждого из писателей, в силу этого в их автобиографических произведениях можно отчетливо увидеть разные грани российской действительности и жизнь различных слоев русского общества.

Иван Алексеевич Бунин, как и его герой Алексей Арсеньев, принадлежал к роду «знатному, хотя и захудалому», к обеднев-

шему русскому дворянству, жившему на скудные доходы в своих ветшавших имениях.

Повествуя о детстве и юности своего героя, Алексея Арсеньева, т.е. о 70–80-х гг. XIX в., И. А. Бунин пишет, что он рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее», восхищается настоящей русской жизнью, обильной, как нигде, законном порождении «исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире. С теми же высокими интонациями о своей «золотой» России повествует Иван Сергеевич Шмелев – горожанин, москвич, коренной обитатель Замоскворечья – Кадашевской слободы, выходец из торгово-промышленной среды, из семьи, отличавшейся Истовой религиозностью, патриархальностью взглядов: «Я смотрю через золотистое хрустальное яичко... Все золотое, все: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня... и небо золотое, и вся земля. И звон немолчный кажется золотым мне тоже, как и все вокруг»; «Широка Россия, – без весов, на глаз... Богато жили».

Михаил Андреевич Осоргин принадлежал к столбовому дворянству – очень старым великорусским дворянским семьям, значащимся в Бархатной книге, где род Ильиных (настоящая фамилия писателя) отнесен к потомству Рюрика.

В. В. Набоков, который принадлежал к одной из богатейших и сановных российских семей, осмыслил Россию как страну, указывающую путь к откровению, дающую исцеление от паралича воли и душевной смуты, став, таким образом, одним из мыслителей, утверждающих ее лидерство среди других стран.

В. В. Набоков на материале XX в. он показал ее двойственную природу – Россия-сад и Россия – северная страна (Зембля, Зоорландия, Эстотия), – избегнув национально-культурной спеси, побуждающей представлять свою страну как лучшую на свете.

Ни одно из этих автобиографических произведений нельзя назвать полномасштабной картиной эпохи – в этом смысле они несопоставимы, например, с тем, что в свое время сделал А. И. Герцен, который тоже был эмигрантом и создал свое ме-

муарно-автобиографическое произведение «Былое и думы» в эмиграции.

Причины этого заключаются не в масштабе личности, не только в том, что это были другие условия и другие мотивы, а в сути творческих задач и в отношении к истории.

Писатели-эмигранты разделяли убеждение о том, что «история души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа», и, как персоны с ярко выраженной духовностью, нравственностью, все время находившиеся в процессе самосотворения личности, в своей автобиографической прозе показали, как духовность, идущая из глубины, становится силой, образующей и поддерживающей личность в человеке.

Внутренняя логика развития культурной ситуации в XX в. определила отношение к эстетической родословной, обусловила соотношение традиций и новаторства в литературе русской эмиграции.

Это была иная литература, иная художественная система со своей поэтикой, эстетикой, своим художественным миром, которая не только смогла учесть достижения европейской литературы, но и, в свою очередь, оказала сильнейшее влияние на ее дальнейшее развитие.

Это внимание к корням и вековым устоям, основополагающим началам жизни, гордость родословной, ощущение родины, дома и семьи, родителей как первого космоса, определившего порядок мироустройства.

При этом ценность собственной жизни утверждалась через иные ценности, представлявшиеся более высокими:

осознание великой миссии хранения «священного огня», возвышенное стремление спасти и передать будущим поколениям истинную русскую литературу и русскую культуру, ощущение благородной миссии сохранения самих «вечных основ человеческого существования, не только в России, но и всюду пошатнувшихся» – миссии, с которой они вполне справились.

Таким образом, исторически и объективно принадлежа к первой волне русской эмиграции, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, В. В. Набоков, М. А. Осоргин, И. С. Шмелев в созданных ими

художественных автобиографических произведениях не просто воспроизвели главные события своей жизни с ее уникальными эмоциональными переживаниями и мировоззренческими установками, но выразили духовный, нравственный опыт, типичный для своей генерации.

Можно признать, что их автобиографические произведения, отражающие события большой или малой (частной) истории, для массовой (читательской) аудитории стали источником исторических, социокультурных, нравственных представлений, обогащающих культурный тезаурус и способствующих формированию массового сознания.

Литература

1. *Ильин И. А.* О русской идее // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М.: Айрис-Пресс, 2002.

2. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.

3. *Предтеченский А. В.* Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского университета. 1964. № 14. С. 76–85.

СЕКЦИЯ I

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л. М. Блинкова

Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)

Идиомы с компонентом-этнонимом в русском и английском языках: лингвокультурологические особенности

В последнее время отмечается повышенный интерес к лингвокультурологическим исследованиям, к изучению взаимодействия языка и культуры, к объяснению особенностей национального лингвокультурного пространства, что является основанием для выделения лингвокультурологии в отдельную лингвистическую дисциплину. Лингвокультурологические исследования проводятся преимущественно в двух основных направлениях: теоретическом и прикладном. В теоретических лингвокультурологических работах проводится детальный анализ базовых понятий, исследуется дисциплинарный статус этой науки, определяется её отношение с такими областями знаний, как этнография, философия, психология. В практических работах теоретические разработки используются для решения конкретных лингвистических задач. Среди прикладных исследований можно выделить сравнительную лингвокультурологию, которая исследует лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных по определенным параметрам этносов, и сопоставительную лингвокультурологию, которая изучает особенности менталитетов разных наций через язык [1, с. 28–29].

В данной статье рассматриваются лингвокультурологические особенности идиом с компонентом-этнонимом в русском и английском языках. В составе идиом этнонимы несут информацию о культурно-историческом опыте народа, репрезентируют ценностные ориентации носителей того или иного языка.

Как отмечает В. Телия, смысл фразеологизма, если он оказывается культурно значимым, соотносится с теми кодами культуры, которые известны носителю языка. «Соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом и составляет содержание культурно-национальной коннотации, которая и придает культурную маркированность не только значениям фразеологизмов или слов, но и смыслу целых текстов» [2, с. 219]. Данное положение актуально и для этнонимов, поскольку они входят в состав стереотипных идиом.

Переосмысленные фразеологизмы, в отличие от прямых номинативных, обозначают явления из жизни человека, номинируют сферу социальных отношений и, в основном, касаются его этических, моральных, нравственных качеств, этнонимы указывают на определенные черты того или иного этноса. Но все этнонимы одинаково фразеологически активны. Так, например, этнонимы *Dutch*, *French*, *Chinese*, *Indian*, *Turkish* образуют наибольшее число переосмысленных словосочетаний в английском языке, а итальянский, китайский, латинский, татарский, цыганский, немецкий – в русском:

Chinese puzzle – an intricate puzzle; anything intricate and hard to solve (китайская головоломка; трудноразрешимая задача; китайская грамота).

Talk Turkish – to talk bluntly and directly (говорить начистоту).

In Dutch – in trouble (в затруднительном положении).

Итальянская забастовка – вид забастовки, во время которой бастующие являются на место, но не работают или делают вид, что работают.

Немецкая аккуратность – чрезмерная педантичность в чем-либо.

Китайская стена – о полной изолированности от внешних влияний.

Этноним, входящий в переосмысленные словосочетания, является культурно маркированной языковой единицей. По мнению В. Телии, при наличии у фразеологизма национально-культурной маркированности, она должна «иметь свое средство реализации в его знаковой организации и свой способ указания на эту специфику» [2, с. 214–215].

Рассмотрим особенности реализации культурно-национальной специфики во фразеологизмах на следующих примерах:

Italian hand – a meddling, interference, or craftiness of a subtle nature (нежелательное влияние, вмешательство в чьи-либо дела).

Согласно значениям слов, входящих в дефиницию словосочетания *Italian hand*, ядерными семами значения этого фразеологизма выступают нежелательное вмешательство, хитрость, нечестность. Ассоциативный признак «итальянцы хитрые и изворотливые» полностью реализуется за счет этнонима *Italian*, который отсылает к представителям данного народа и указывает на то, какие черты им присущи.

Рассмотрим структуру значения словосочетания *to take a French leave* (to leave without saying goodbye). Ядерной выступает сема «уйти», а конкретизирующим компонентом «не попрощавшись». Сема оценки «так поступать нехорошо» и ассоциативный признак «англичане считают, что так обычно поступают французы, с которыми у них напряженные отношения в силу определенных исторических причин» маркированы коннотативно, а признак этничности есть выразитель данной маркированности.

Во фразеологизме *китайские церемонии* (быть излишне вежливым) реализуется эмотивно-оценочная окраска за счет ассоциативного признака «русским не нравятся манеры обращения китайцев».

Отношение к иностранцам всегда предполагало определенную настороженность, интерес и любопытство. Противопоставление себя иностранцам находит отражение в предрассудках и предубеждениях, возникших на основе исторического, литературного или личного опыта общения, т.е. на уровне народной психологии.

В отражении национального менталитета важное значение приобретают также пословицы с компонентом-этнонимом:

*An **Irishman** before answering a question always asks another.*

*No money, no **Swiss**.*

*After shaking hands with a **Greek**, count your fingers.*

Упрям, как финн.

*Не дай Бог лихому, злomu **татарину**.*

*Суций **француз** – говорлив и опрометчив.*

В приведенных примерах репрезентируется отношение к представителям других национальностей.

В корпусе английских идиом широко представлены фразеологизмы с компонентом-этнонимом **Dutch**. Практически во всех значениях данных устойчивых словосочетаний прослеживается негативно-оценочная характеристика голландцев. Они, по мнению англичан и американцев, обладают следующими качествами:

1) жадность, прижимистость. Данная черта представлена во фразеологизмах *Dutch treat / lunch / supper / date* (угощение (свидание), на котором каждый платит за себя);

2) расчетливость голландцев, стремление получить выгоду представлена во фразеологизме *Dutch agreement / bargain* (соглашение (делка), выгодное только для одной стороны);

3) пристрастие к спиртному, актуализируемое во фразеологизмах с этнонимом **Dutch** восходит к традиции голландских солдат пить алкоголь перед сражением: *Dutch courage* (пьяная удаль), *Dutch headache* (похмелье), *Dutch feast* (пирушка, на которой хозяин напивается первым);

4) высокомерие, строгость, приписываемые голландцам, находят отражение во фразеологизмах *Dutch uncle* (тот, кто критикует и поучает) и *to talk like a Dutch uncle* (читать мораль);

В русской языке наиболее частотными оказались фразеологизмы с этнонимом **татарин**. Представителям данной народности приписываются следующие качества:

1) злость: *злее злого татарина*;

2) во фразеологизмах актуализируется значение большого количества представителей этой народности: *татарскому мясо-еду нет конца*;

3) во фразеологизмах указывает на то, что время расцвета татар прошло: *Ныне про татарское счастье только в сказках слышать*;

4) ненужность, бесполезность: *Нет проку в татарских очах; Ешь медведь татарина – оба не надобны*.

Высокую частотность в составе русских фразеологизмов продемонстрировал и этноним **немец**. В русской фразеологической картине мира представлены следующие ассоциации с представителями данной национальности:

1) изобретательность: *Немец хитер: обезьяну выдумал*;

2) точность: *Немецкая (т.е. точная, школярная) ученость*;

3) во фразеологизмах подчеркивается значительная разница между русскими и немцами: *Что русскому здорово, то немцу смерть*.

Фразеологизмы с этнонимом **цыган** актуализируют следующие стереотипы относительно данной нации:

1) склонность к обману: *Цыгану без обману дня не прожить; Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается*;

2) бедность, отсутствие постоянного места жительства: *Беспоместный цыган; Цыган что голоднее, то веселее*.

Высокую степень негативного отношения демонстрируют фразеологизмы с этнонимом **поляк**:

1) во фразеологизмах актуализируется значение того, поляки занимают разбоем, живут нечестными доходами: *Что дальше в Польшу, то разбою больше*;

2) склонность к пьянству: *пьяный как поляк*.

Таким образом, пословицы с этнонимами выражают то или иное суждение, в образной форме обобщают факты действительности, именуют типовые жизненные ситуации и отношения между народами. Они также отражают мировоззрение этноса через систему установок и стереотипов, фиксируя этнические стереотипы. Одним из основных признаков структуры фразеологизмов с этнонимом является коннотативный компонент, который в значительной степени создается за счет этнонима [3, с. 47].

Рассмотрение коннотаций, реализуемых фразеологизмами с компонентом-этнонимом, свидетельствует о том, что и в англ-

лийской, и в русской фразеологии актуализируются, прежде всего, отрицательные качества и характеристики других нации и приписываются положительные характеристики своему народу. Тем самым реализуется противопоставление «свой – чужой».

В английской и русской языковой картинах мира наблюдаются совпадения (полные и частичные) и различия. Совпадения по этническим стереотипам имеют место относительно таких наций, как итальянцы (хитрые и нечестные) и немцы (изобретательные и педантичные). Частичное совпадение по этническим стереотипам было отмечено по отношению к грекам, полякам и китайцам. Расхождения по этническим стереотипам были зафиксированы в отношении таких наций, как русские и французы. В ряде случаев этнические стереотипы являются специфическими. Для русской языковой картины мира, по сравнению с английской, уникальными выступают этнические стереотипы по отношению к финнам, эстонцам, мордвинам, калмыкам, чувашам, шведам и украинцам. Для британской/американской языковой картины мира специфическими являются стереотипы по отношению к мексиканцам, американским индейцам, ирландцам, шотландцам, валлийцам, колумбийцам, канадцам, египтянам и голландцам. Наличие уникальных этнических стереотипов обусловлено различиями в географическом положении, а также культурными, экономическими и иными контактами представителей различных наций.

Литература

1. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
2. *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 2009. 288 с.
3. *Титаренко Н. В.* Национально-культурный компонент фразеологизма в сопоставительном аспекте: на материале русского, английского и испанского языков: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 200 с.

Н. Е. Дмитрусенко

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
(Ташкент, Узбекистан)

**Роль знаков препинания
в фольклорно-сказовом повествовании Н. С. Лескова,
А. М. Ремизова, П. П. Бажова, Б. В. Шергина**

Пунктуация – это одно из средств оформления письменной речи. Как известно, основное назначение пунктуации – указание на смысловое членение речи. Вместе с тем пунктуация тесно связана с интонацией, хотя прямой зависимости между ними нет. Обе служат средствами выражения смысла речи, только интонация – в устной речи, пунктуация – в письменной. Некоторые лингвисты (сторонники интонационной теории пунктуации) полагают, что знаки препинания служат для обозначения ритмики и мелодики фразы. Например, А. М. Пешковский считает, что пунктуацию определяет ритмомелодическая сторона речи. По его мнению, пунктуация отражает не грамматическое, а «декламационно-психологическое расчленение речи», и для расстановки знаков важно установить, чему они соответствуют в устной речи [1, с. 7]. Л. В. Щерба, развивая взгляды А. М. Пешковского на пунктуацию, «старается определить существо ритмомелодии, которая выражает «членение потока нашей мысли» и «некоторые смысловые оттенки» [1, с. 7]. Однако, по мнению А. Б. Шапиро, «средства ритмомелодии во много раз богаче и многообразнее, нежели средства пунктуации» [6, с. 52]. Н. С. Валгина, поддерживая мнение А. Б. Шапиро, отмечает, что «довольно часто ритмомелодическое членение текста... не совпадает с членением того же текста посредством знаков препинания» [1, с. 11]. Она считает, что прямой и полной зависимости пунктуации от ритмомелодии быть не может, так как «последняя всегда отчасти субъективна и индивидуальна», и пунктуация, построенная на ритмомелодии, никогда не приобрела бы таких «необходимых, социально значимых качеств, как стабильность и общепринятость» [1, с. 11]. Как нам представляется, это очень верное заме-

чание, однако, если имеет место имитация разговорной речи в речи письменной, то система знаков препинания в первую очередь работает на создание иллюзии устного говорения, фиксацию интонации устной речи.

Устная речь характеризуется ритмомелодической гибкостью. Писатель, создающий произведение, ориентированное на устную речь, конечно, не воспроизводит «натуралистически» интонацию устной речи, а только улавливает ее основную тенденцию – резкое повышение тона в синтагме, что создает впечатление интонационной прерывистости, и стремление к расчлененности речи.

Для реализации этой тенденции устной речи в фольклорно-сказовом повествовании Н. С. Лесков, А. М. Ремизов, П. П. Бажов, Б. В. Шергин используют парцеллированные, сегментированные структуры, повторы-подхваты, вводные и вставные конструкции, обособленные члены предложения, отграничиваемые от основной части предложения с помощью отделяющих (точка, запятая, тире) и выделяющих (две запятые, два тире, скобки) знаков препинания.

Дополнительное средство создания гибкой ритмоинтонации устной речи – расчленение речевого потока фольклорно-сказового повествования путем индивидуально-авторской паузирования текста, осуществляемой с помощью авторских знаков препинания. Авторские паузы всегда неожиданны и заключают в себе экспрессию. Нарушая синтагматическую цепочку и актуализируя вследствие этого наиболее важную с точки зрения автора часть высказывания, они подчеркивают «адресованность» речи рассказчика и придают своеобразное звучание письменному тексту, ориентированному на произнесение. В фольклорно-сказовых стилизациях Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, П. П. Бажова, Б. В. Шергина акцентироваться могут как главные, так и второстепенные члены, присловные и приосновные распространители (обстоятельства, детерминанты и т.д.), связанные с основным предложением или отдельными его членами как обязательной, так и необязательной связью. Акцентирование, подчеркивание осуществляется посредством выноса члена в ко-

нец предложения (сопровожаемого зачастую дислокацией или инверсией синтаксически связанных членов) и паузального отделения от предшествующих членов, на что в тексте указывают индивидуально-авторские знаки препинания, как правило, тире, а также выделения усиленным логическим ударением. При этом, чем обязательнее связь отчленяемого индивидуально-авторским знаком препинания компонента предложения, тем сильнее экспрессивно-стилистический эффект подобной индивидуально-авторской паузировки текста. Акцентно-динамическая структура такого высказывания часто оказывается рамочной. Например: «созвал бы скорее со всего королевства самых сановитых бояр и велел им всю премудрость обдумать в большой думе засветло и подать себе перед сумерки все дело чистое – на ладóшечке» (Лесков, «Час воли божьей») – отделение необязательного члена сопровождается его дислокацией; «И вторые петухи пропели – перед зарей. И трéтьи петухи пропели – на сáмой заре» (Ремизов, «Воробьиная ночь») – отделение необязательного члена (детерминанта) сопровождается его инверсией; «Вот и надумал тем богатством себе и всей ватаге – го́ловы откупить, а кому не случится голову свою вынести – тому добрую память в людях оставить» (Бажов, «Ермаковы лебеди») – в данном примере два индивидуально-авторских знака «тире»: один выделяет обязательный член (инфинитивный компонент вместе с зависимой словоформой с объектным значением), другой стоит на месте традиционного знака – «запятой», разграничивающей главную и придаточную часть сложноподчиненного предложения.

В следующем примере результатом использования индивидуально-авторских знаков «запятой» и «тире» является глубокая пауза и перепад тона, способствующие экспрессивному выделению, подчеркиванию субъекта: «Бывало, заведут избомытье, – подобием постная Наталья Петровна и телоносная Опроксенья» (Шергин, «Старые старухи»). Расчленение предложения благодаря авторским знакам на отдельные синтагмы сопровождается инверсией подлежащего.

Следует отметить, что самый излюбленный знак всех авторов – тире. Реже встречается многоточие. Оба знака, создавая резкий перепад тона, указывают обычно на внезапность, неожиданность наступления действия, его быстроту и интенсивность, например: «...а сам как сиганет и – полетел, только хвост зачиклечился» (Ремизов, «Змей»); «А там разбили сорок сороков, тридцать три бочки, – и хлынуло пиво-мед пьяное-распьяное» (Ремизов, «Воробьиная ночь»); «Я оглянулся и... повалился в ноги им, старой дружине моей» (Шергин, «Егор увеселялся морем»). Обычно с помощью таких авторских знаков отделяется однородное сказуемое, следующее за союзом «и».

В сказах П. П. Бажова и Б. В. Шергина с помощью индивидуально-авторского знака многоточия в сопровождении с восклицательным знаком в общеязыковом употреблении передается эмоциональный характер речи сказителя. Например: «И хлоп из одного ствола... в Хозяйку!» (Бажов, «Приказчиковы подошвы»); «Дрогнул я, сдернул кукуль, а над головами-то... аэроплан!!!» (Шергин, «В отнесе морском»). Как правило, индивидуально-авторский знак многоточие, отделяющий второстепенные члены предложения, создает эффект неожиданности. Употребление тройного восклицательного знака в последнем примере передает повышенное эмоциональное состояние говорящего.

Многоточие в фольклорно-сказовом повествовании указывает также на незавершенность мысли, на желание рассказчика сообщить нечто большее, оставшееся в подтексте, например: «Плясать первая мастерица, а ежели песню заведет с переливами, ну...» (Бажов, «Дорогое имечко»).

Иногда многоточие свидетельствует о подыскивании рассказчиком слова, которое бы более точно и ярко передавало его мысль. Например: «Ребят Глафира навела... целую рощу!» (Бажов, «Золотые дайки»); «Конечно, при гостях пронзительность глаз делаешь, а... все не мои» (Шергин, «Митина любовь»). Такое многоточие, обозначая паузы между членами предложения, создает впечатление спонтанности речи рассказчика, одновременности ее обдумывания и произнесения.

Индивидуально-авторские паузы отделяют обычно экстенциональные элементы структуры (главным образом однородные сказуемые и детерминанты), что объясняется их менее тесной связью с остальным высказыванием, чем интенциональных элементов, связанных с высказыванием обязательной связью. Такие паузы отмечаются в сказах П. П. Бажова и Б. В. Шергина, которые характеризуются большей ориентацией (чем произведения Н. С. Лескова и А. М. Ремизова) на устную речь.

Функциональная нагрузка индивидуально-авторской паузирования текста в фольклорно-сказовом повествовании оказывается неоднозначной. С помощью индивидуально-авторских знаков препинания не только осуществляется членение речи на минимальные синтагмы, но и создается интонация живой речи. Индивидуально-авторская паузировка текста, сопровождаемая инверсией и дислокацией отделяемых членов, позволяет зафиксировать основные особенности устно-разговорной ритмоинтонации. Благодаря индивидуально-авторским знакам препинания и особому порядку слов создается специальная акцентная структура высказывания: паузальное выделение в отдельную синтагму слов, наиболее важных в смысловом отношении и несущих на себе наиболее сильный акцент (логическое ударение), что порождает рамочную акцентную структуру, свойственную устной речи. Актуализация слова сопровождается экспрессией, которая направлена, прежде всего, на слушателя (читателя).

Впечатление звучащей речи поддерживается и посредством использования разнообразных знаков препинания в общеязыковом употреблении (–, ; , :), расчленяющих сложное высказывание на относительно самостоятельные сегменты и передающих определенные смысловые отношения. Например: «Целыми днями бродит медвежонок по лесу, а устанет – ляжет где-нибудь на солнышке и смотрит: и как муравьи с своим царством копошатся, и как цветочки да травки живут, и как мотыльки резвятся, – все ему мило и любопытно» (Ремизов, «Медведюшка»).

Богатая система пунктуационных знаков характерна, прежде всего, для фольклорно-сказового повествования Н. Лескова. Несмотря на то, что строевыми синтаксическими элементами

повествования данного автора являются бессоюзные и сложно-подчиненные предложения усложненной конструкции, они воспринимаются как произносимые. Например: «Король сделался радостен: велел послов накормить, напоить и в его собственной бане отмыть и хорошенько выпарить, а сам подошел к старцам с улыбкой приветною; но как увидал, какие они сидят испитые, тщедушные – в чем душа в теле держится, то и от страха и руки врознь» (Лесков, «Час воли божьей»). Благодаря паузам различной длины, как бы имитирующим «переводы дыхания», достаточно объемные предложения воспринимаются как состоящие из коротких фраз. В результате не только создается интонация живой речи, но и реализуется ее вторая тенденция – членение на минимальные синтагмы.

Таким образом, в фольклорно-сказовом повествовании знаки препинания несут функциональную нагрузку, отличную от той, которую они обычно выполняют в другом письменном тексте. Знаки препинания, которые осуществляют индивидуально-авторскую паузировку текста, а также отделяют и выделяют различные синтаксические конструкции (вставные, водные, парцеллированные, сегментированные, повторы-подхваты, повторы-стыки), представляющие собой экономные формы передачи информации, имитирующие спонтанность и ассоциативность устной речи, членят высказывание на минимальные, уравненные по количеству фонетических слов синтагмы либо объемные предложения на отдельные высказывания. Они не только помогают передать смысл высказывания, но и воссоздают в письменном тексте фольклорно-сказового повествования темпоритм, свойственный устной разговорной или художественно обработанной народнопоэтической речи.

Вместе с тем индивидуально-авторские знаки препинания помогают передать эмоциональное состояние говорящего и экспрессию, направленную, прежде всего, на читателя.

Литература

1. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие. М.: Наука, 2004.

2. *Виноградов В. В.* Проблема сказа в стилистике // О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980.

3. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 2001.

4. *Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С.* Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М., 1979.

5. *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Просвещение, 1987.

6. *Шапиро А. Б.* Современный русский язык. Пунктуация. М., 1974.

7. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Д. С. Кулмаатов

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

**К истории употребления
некоторых восточных лексических единиц
в старинных русских переводах
среднеазиатских дипломатических документов XVII в.**

Традиция изучения деловых письменных памятников, начатая еще в XVIII в. и продолженная в XIX в., занимала и занимает внимание ученых и нашего столетия. За это время исследователями проанализировано колоссальное количество актового материала, в частности, разработаны вопросы их классификации, методы изучения. Но немалое количество деловых памятников, хранящихся в архивах, всё еще ждут своих исследователей. Таковыми являются, например, среднеазиатские дела, извлеченные нами из фондов Посольского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве – 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой», которые характеризуют не только внутреннюю, но и внешнюю деятельность – связи царских канцелярий со среднеазиатскими ханскими канцеляриями.

Среднеазиатские ярлыки писались арабской графикой в канцеляриях Хивинских и Бухарских ханств на двух официальных

среднеазиатских языках – «тюрки» и «фарси». Например, из двух грамот хивинского хана Исфендияра, направленных в одно и то же время – 1641 г. астраханским воеводам и боярам, одна была написана на «тюрки», а другая – на «фарси» [8, с. 102].

Челобитные среднеазиатских послов также писались арабской графикой на «тюрки» или «фарси» после их приезда в Россию, а потом переводились на русский язык. Русские переводы писались русской скорописью XVII в. Об этом свидетельствуют сами документы, сохранившиеся в фондах среднеазиатских дел РГАДА.

Русские переводы со среднеазиатских языков – тюрки и фарси были одним из важнейших явлений культурной жизни Московской Руси и Средней Азии XVII в. Их выявление и изучение представляет безусловный интерес в связи с проблемой истории взаимодействия и взаимовлияния русского и среднеазиатских языков, с проблемой образования и развития языка русской народности.

Важным является тот факт, что многие из этих памятников имеют своеобразную точку контроля в виде оригинала на среднеазиатских языках – тюрки, фарси, которые могут быть исходной позицией для анализа восточной лексики, заимствованной русским языком.

В этом отношении большой интерес представляет, в частности, употребление тюркского слова *мирза* в старинных русских переводах среднеазиатских деловых памятников XVII в. Например, оно фиксируется в значении «должностное лицо, занимающееся канцелярскими делами» в значении «должностное лицо, занимающееся канцелярскими делами» в челобитной хивинского посла Девлета Мамета царю Алексею Михайловичу от 26 мая 1658 г.¹: «Астраханской воевода д(ь)къ у мурзь и у танбовских

¹ Русские тексты XVII в. передаются средствами современной графики. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Для облегчения чтения текста, написанного русской скорописью XVII в., сокращенные написания не сохраняются и соответствующие буквы, использованные нами для раскрытия того или иного слова, пишутся в круглых скобках. Личные собственные имена и географические названия также пишутся, в соответствии с нынешними правилами, с прописной буквы.

головь и у всяких чиновъ люди (спрашивали. – Д. К.) что тот Пермаметка какой ч(е)л(о)в(е)къ и в обыскахъ сказали тот Пермаметка Абул Газы хана (хивинского. – Д. К.) холопъ» [РГАДА, фонд 134, опись I, 1657 год, дело I, лист 88].

В тюркском оригинале, написанном в арабской графике на среднеазиатском тюрки, слово *мурза* имеет соответствие *ازرمه* [mīrzā] (см. об этом: [9, с. 19–20]).

Согласно Л. З. Будагову, «... ازريمه (вм. *مدازريما*) [mīrzā (вм. *āmīrzādə*). – Д. К.] сын князя или человека замечательного, *каз. тат. мурза*, дворянин (у крымских татар этот титул придавался к именам из благородной фамилии. Слово это употребляемое без собственного имени, как звание значит: секретарь, писарь; поставленное после собственного имени, означает князя из шахской фамилии, царской крови, как некогда называли и потомков Тимура; вначале собств. имени – соответствует слову господин, всякий грамотный человек, редактор)» [2, с. 612].

В письменных памятниках древнерусского языка слово *мурза* встречается довольно часто. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» это слово впервые свидетельствует в Повести о разорении Торжка (список XVII в.) под 1315 г.: «Царь Батый посла по мурзы и по князи» [10, с. 309]. В русских письменных памятниках встречается и другая форма этого слова – *мирза*. Указанный словарь его впервые фиксирует в Львовской летописи (список XVI в.) под 1159 г.: «А Булгаиръ мирзе велель государь молыть, что имь оборонь учинить отъ Шавкаль, какъ его царской доволь б(уд)еть» [10, с. 167].

Слово *мурза* (*мирза*) регистрируется и другими словарями: в Этимологическом словаре славянских языков Ф. Миклошича «**мурза** – грязный человек» [15, s. 205]; его мы находим и в Этимологическом словаре К. Локоча: «*русс. мурза, мурза* – татарский большой сановник» [14, s. 6]; Терминологические материалы Г. Е. Кочина отмечают: «**мурза, мырза** – категория командующего класса, знати в татарском государстве» [6, с. 198]. У В. Даля по поводу этого слова имеется следующее замечание: «**мурза** – татарский князек, наследственный старшина; нашими

законами не представлено им особых прав, а местами слово это обратилось в бранное: татарин, бусурман» [5, с. 367].

М. Фасмер, возводя русское слово мурза к тюркскому, пишет, что оно «заимств. из араб.-перс. emīrzadā «княжский сын» [13, с. 12]. В данном случае следует внести некоторое уточнение: арабско-персидское сложное слово *اميرزاد* [āmīrzādā] состоит из двух частей – арабского *امير* [āmīr] «эмир, правитель, князь, государь» и *داد* [zādā] «рождённый, сын» и дословно обозначает «рождённый от эмира», «сын эмира», которое переводилось обычно на русский язык как «княжеский сын». Арабское слово *امير* [āmīr], обозначающее титул потомков Пророка, перешло в персидский язык в сокращенном виде – *مير* [mīr]; персидское слово *داد* [zādā], попав в тюркский язык, изменило свою структуру, т.е. в результате отпадения второго слога *اد* [dā] подверглось упрощению, а первый слог *از* [zā] присоединился к корню. В персидском языке слово *اميرزاد* [mīrzā] употреблялось в следующих значениях: «мирза; писец, писарь, секретарь бухгалтер; родственник потомка Пророка по женской линии (титул мирза присвоен в Персии всем принцам крови, – в таком случае он ставится после имени... а также всякому грамотному интеллигентному человеку, но тогда он стоит перед именем ...)» [4, с. 843].

Нельзя согласиться также с мнением Л. П. Крысина о том, что слово *мирза* перешло в русский язык непосредственно из персидского языка, а *мурза* – из «[казах. *murza*, *tat.* *myrza* < перс. *emīrzadā* княжеский сын]» [7, с. 509].

На наш взгляд, в русский язык персидское слово проникло из тюркского в виде *мурзá*, а его вариант – *мурзá* возник на русской почве в результате замены нелабиализованного краткого гласного звука и с лабиализованным гласным звуком у в первом слоге, это, во-первых. Во-вторых, следует констатировать, что в письменных памятниках тюркских языков XVII в. арабско-персидское слово *اميرزاد* [mīrzā] писалось без краткого звука *и* – *ازمه* [mīrzā], поэтому оно русскими переводчиками и писцами читалось и писалось двояко.

Между тем заметим, что семантическую структуру, характерную для персидского языка, сохранил ряд тюркских языков.

Например, в Узбекско-русском словаре «**МИРЗА** 1. *ист.* писарь, писец; секретарь; 2. *перен.* грамотный человек; <...> 3. *уст.* господин; человек, принадлежащий к привилегированному классу...» [12, с. 263]; в Татарско-русском словаре «**мирза** *сущ. ист.* мурза, мирза; дворянин» [11, с. 212].

Анализ памятников русской деловой письменности и лексикографических источников, связанных с изучением истории слова *мурза/мирза* в русском языке, показывает, что историческое изучение семантической эволюции заимствованных слов является важным предварительным этапом на пути построения исторической типологии структурно-семантических сходств и различий определенных групп лексем разносистемных языков. Об этом свидетельствуют и устойчивые словосочетания, содержащиеся в текстах письменных памятников, касающихся русско-среднеазиатских дипломатических связей. В частности, ознакомление с протоколами аудиенций, составленными в связи с приездом и отъездом среднеазиатских послов, показывает, что они заключают в себе устойчивое словосочетание *класть руку*, передающее представление послов с принимающей стороны. Оно в протоколах «чина» по приезду (**А.**) среднеазиатских послов располагается в их начальной части, а в протоколах «чина» по отпуску (**Б.**) – конечной части. Например, начальная и конечная часть протоколов «чина» по приему и отпуску бухарского посла Эдема от 1619 г. выглядят соответственно следующим образом:

А. «А во РКЗ [1619] м году августа въ АІ [11] де(нь) был у г(о)с(у)д(а)ря на дворе на приезде бухарской Имамкулы царя посоль Эдем... какъ посол в(о)шел в золотую полату и явил ево г(о)с(у)д(а)рю челомъ ударить думной диакъ Иванъ Грамотинъ г(о)с(у)д(а)рь пожаловал велел позвать посла к руке и клал на нево свою ц(а)рскую руку...» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 3].

Б. «Во РКИ [1619] м году мая въ КГ [23] д(е)н(ь) был у г(о)с(у)д(а)ря на дворе на отпуске тот же бухарской посол Эдемъ... велель г(о)с(у)д(а)рь посолскому ж думному диаку Ивану Грамотину молыт послу речь а какъ Иван речь изговорил

и г(о)с(у)д(а)рь пожаловал велел посла позвать к руке и клал на него свою ц(а)рскую руку...» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 5–6].

Данные письменных памятников XVI–XVII вв. показывают, что обычай класть руку на посла применялся российскими царями только по отношению к мусульманским послам. А западным же послам московские государи давали целовать свои царские руки. Этот посольский обычай хорошо описан в ответной речи российского посланника Григория Васильчикова персидским посланникам, имеющейся в его статейном списке в Персию (1588–1589): «...коли бывают у государя (Федора Ивановича) нашего царского величества отъ христианскихъ государей послы и посланники, отъ цесаря римского и короля литовского и отъ иныхъ хритианскихъ государей, и государь нашъ царское величество темъ посломъ и посланникомъ даетъ целовать свою царскую руку; а на басурманскихъ государей послов кладеть руку. А государя нашего пословъ хритианские государи даютъ по тому же руку целовать, а басурманские государи кладуть руки» [3, с. 33]. Например, официальный приём российского посланника Ивана Хохлова хивинским ханом Арапом в его статейном списке 1622 г. описывается следующим образом: «И ц(а)рь де Арапъ спрашивал о г(о)с(у)д(а)р(е)ве ц(а)р(е)ве и великого кН(я)зя Михаила Федоровича всеа Русии здоровье Иван де про г(о)с(у)д(а)р(е)вл здоров(ь)е сказал а после де тово звал их к себе сести и клал на него и на переводчика руку и велел сести» [РГАДА, ф. 109, оп. I, 1622 г., д. 1, л. . 13].

Восточный обычай класть руку на посла, широко практиковавшийся во дворе российских царей, означал, что правитель берет его под свою защиту. Необходимо заметить, что, согласно дипломатическим правилам тех лет, обеспечение безопасности иностранных послов считалось одной из главных задач правителей государств. Поэтому среднеазиатские послы в начальном протоколе своих челобитных (написанных в арабской графике на среднеазиатском тюрки), адресованных на имя российских правителей, надеясь на их покровительство, писали: *اغی هانیپ ملاء ماشدایپ*: *padîshâh æâlâm rânâhîğ* – дословно: государю, покровителю ми-

ра. Согласно Л. З. Будагову, «п. *rānāh* (кирг. произнос. *rānāh*) убежище, покровительство; *æalāmpṛānāh* – убежище мира, тот к кому все прибегают для защиты и помощи, царь» [1, с. 319].

Приведенный материал свидетельствует, что устойчивое словосочетание *класть руку*, не зафиксированное словарями русского языка, было калькировано с тюркского языка и в памятниках деловой письменности, связанных с русско-восточными дипломатическими отношениями, использовалось преимущественно в значении «приветствовать; приветствуя, взять под свою опеку». Наверное, фразеологизм *целовать руку* в текстах русской письменности XVII в. употреблялось также в этом же значении.

Подводя итог, можно отметить, что дипломатические сношения Московского государства со среднеазиатскими ханствами благоприятствовали развитию делопроизводства, взаимопроникновению терминов царских и ханских канцелярий, а также совершенствованию дипломатического переводческого дела.

Литература

1. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I. 810 с.
2. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Типография Императорской АН, 1871. Т. II. 416 с.
3. Веселовский Н. И. Прием в Россию и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях (по документам Московского главного архива Министерства иностранных дел) // ЖМНП. 1884. Кн. 7. С. 69–105.
4. Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь. М.: Наука, 1976. Т. II. 962 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. II. 584 с.
6. Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.–Л., 1937. 489 с.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2010. 944 с.
8. Кулмаматов Д. С. Среднеазиатские деловые документы в русском переводе XVII в. – источник истории русского языка // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 101–110.

9. Кулмаматов Д. С. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). М.: МПГУ, 1994. 109 с.
10. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1982. Вып. 9. 357 с.
11. *Татарско-русский словарь.* Казань: Татарское кн. изд-во, 1988. 462 с.
12. *Узбекско-русский словарь.* М.: Госиздат, 1959. 839 с.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. III. 671 с.
14. *Lokotsch K.* Etimologisches Wörterbuch der europäachen (germanischen, romanischen und slavischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927. 764 s.
15. *Miklosich F.* Etimologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 629 s.

О. Ж. Латипов

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
(Ташкент, Узбекистан)

Коннотации вокруг лексемы «хлеб» в русском, узбекском и английском языках

Бесспорно то, что хлеб одинаково дорог для всех народов мира. О нем сложено несчетное количество песен, сказок, поговорок и пословиц, не потерявших свою актуальность и по сей день, и это неспроста, ибо они призывают нас с уважением относиться к хлебу. В русском языке можно встретить большое количество паремий, несущих коннотации с положительным эмоциональным зарядом: *хлеб вскормит, вода вспоит; блюда хлеб на обед, а слово на ответ; откуда есть хлеб да вода, все не беда; чья земля, того и хлеб; хлеб всему голова; у кого хлебушко, у того и счастье; там и рай, где хлеба край; свой хлеб сытнее; хлеб наш насущный: хоть черный, да вкусный; хлеб – кормилец; хлеба край, так и под елью рай; пот на спине – так и хлеб на столе; гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной; у кого хлеб родится, тот всегда веселится; и беду можно с хлебом съесть.*

Негативное, нежелательное состояние человека находит свое отражение в клишированных единицах типа: *горек обед без хлеба; доплясались, что без хлеба остались; голодной куме всё хлеб на уме; без хлеба сыт не будешь; без соли, без хлеба – половина обеда; худ обед, когда хлеба нет; хлеб ногами топтать – народу голодать; без соли невкусно, а без хлеба несытно; хлеба ни куска, и стол – доска; без хлеба и медом сыт не будешь; без хлеба и у воды жить худо; хлеба ни куска – везде тоска; без хлеба святого всё приестся; без хлеба смерть, без соли смех; без хлеба и без каши ни во что и труды наши; там хлеб не родится, где кто в поле не трудится.*

Если первая категория паремий призывает нас дорожить хлебом насущным, то вторая категория предупреждает о негативных ситуациях, которых человек должен опасаться.

В монографии отечественного ученого-паремиолога П. У. Бакирова «Пословицы – энциклопедия народной жизни» в качестве примеров с компонентом «хлеб» приведены следующие паремии: «Хлеб – батюшка, вода – матушка»; «Хлеб на стол, так и стол – престол, а хлеба ни куска, так и стол – доска»; «Хлеб да вода – богатая еда»; «Калач приестся, а хлеб никогда»; «Зимой без шубы не стыдно, а холодно; а в шубе без хлеба и тепло, да голодно»; «Не шуба греет, а хлеб»; «Это еще не беда, коль есть хлеб и вода, хуже нет беды, когда нет ни хлеба, ни воды»; «Хлеб в пути не тягость: поедим – еще пойдем»; «Едешь на день – хлеба бери на неделю»; «Хлеб убирать – не пир пировать»; «Хлеб да вода – здоровая еда»; «Рыба не хлеб: ею сыт не будешь» [2, с. 63].

Данную лексику можно встретить также в составе загадок: *и жнет, и косит, а хлеба не просит* (комбайн) [1, с. 680].

В узбекском языке с данной лексемой образованы следующие фразеологизмы: **нон емоқ** – бирор нарсадан фойдаланиб тирикчилик ўтказмоқ, кун кечирмоқ (ср.: доим ҳовли, ер жанжалидан нон еб юрадиган бир элликбоши, афандининг йўлини тўсиб, кўрган тушини айтиб берди) «Латифалар»; **нон синдириши** (ёки **ушатиши**) этн. – никоҳ тўйи маросимларининг бир қисми: қиз томон, яъни унинг ота-оналари совчи юборган

томонга ўз розилигини бергач, совчилар келтирган дастурхон очилиб, шу розилик белгиси сифатида нон синдирилиши ва тўй билан боғлиқ масалаларнинг белгиланиши, ҳал қилиниши (часть ритуалов свадебного обряда: обычно почтенные люди ломают лепешку после того, как родители невесты дают согласие на свадьбу).

Компонент «хлеб» является ключевым в составе следующих сложных слов: *нонкўр* – яхшиликни билмайдиган, нон кўр қиладиган, бировнинг берган туз-намаги, нон-тузи қадрини билмайдиган, яхшиликка ёмонлик қилувчи, тузини еб, тузлуғига тупурувчи; *кўрнамак*, *нонтепки* (неблагодарный); *нон-намак* – нон-туз; *меҳмондўстлик* (гостеприимство); *нон-намак бўлмоқ* – сухбатда бўлмоқ, биргаликда овқатланмоқ (быть собеседником, вместе трапезничать, т.е. завязать дружбу); *бирор ўтиришда*, *меҳмонда бирга бўлмоқ*; *нон-насиба* – в том же значении, что и *нон-намак*; *нонтопар* – нон топадиган, даромад келтирадиган (приносящий прибыль); *нонхўр* – боқиманда, текинтомоқ, текинхўр (лодырь, дармоед) (ср.: ўз уйида бир нонхўр ортиши махдумга, албатта, ёқмас эди. А. Қодирий, Меҳробдан чаён) [4, с. 60, 61].

Паремии узбекского языка несут как положительный, так и отрицательный эмоциональный заряд: «*нондан улуг нарса йўқ* – важнее хлеба нет ничего; *нон ҳам нон, увоғи ҳам нон* – крошка от хлеба тоже хлеб, т.е. в значении: крошка хлеба также дорога, как и сам хлеб (соотв. копейка рубль бережет); *нон пишгунча қулча қуяди* (буквально: пока большая лепешка испечется, маленькая подгорит); пока женят старшего сына, у младшего терпение лопнет; *нони бутун* в значении: он полностью обеспечен; *нонга қорни тўқ* (он ни в чем не нуждается); *нонини туя қилмоқ* (несет шуточный тон) – обмануть кого-либо, присвоив львиную долю чего-либо; *нон гадойи бўлиб қолмоқ* – окончательно обнищать; стать нищим, попрошайкой; *нон урсин (нон ҳақи)* клятв. (буквально: пусть меня хлебом побьют) честное слово; ей богу клянусь; да будь я проклят; *нонини яримта қилиб қўймоқ* – отбивать хлеб у кого-либо» [1, с. 139, 140].

Уважение и почет по отношению к хлебу проявляются также и в поговорках типа: «Нон – авлиё, ош – машойих» (Хлеб – чудотворец, пища – мудрые предки); «Нон – асли дон» (Хлеб – суть зерна); «Нон боласи – нон ушок» (Дитя хлеба – хлебная крошка); «Нон мўллиги – эл тўклиги» (Изобилие хлеба – радость народа); «Нон қон бўлса, қон – жон» (Если хлеб станет кровью, то кровь – душой); «Нонга эътибор – элга эътибор» (Уважение к хлебу – уважение к народу); «Нонга хурмат – элга хурмат» (Почет хлебу – почет народу) [2, с. 60].

«*Нондек азиз бўл*» (будь таким же почитаемым и ценным, как хлеб) – такими словами обычно благословляют представители старшего поколения своих детей, родных и близких.

В английском языке частотными являются следующие идиомы: «*ask for bread and be given a stone* – просить хлеба, а получить камень; *bread and butter* или *daily bread* – хлеб насущный; *bread and circuses* – хлеба и зрелищ; *break bread with somebody* – преломить хлеб с кем-либо, разделить трапезу с кем-либо; пользоваться чьим-либо гостеприимством, быть гостем кого-либо; *cast one's bread upon the waters* – «отпускать хлеб по водам», т.е. делать добро, не ожидая благодарности; *earn one's bread* – зарабатывать на пропитание, зарабатывать на жизнь; *eat somebody's bread* – есть чужой хлеб, жить на чужой счет; *eat the bread of affliction* – есть горький хлеб унижения; хлебнуть горя; *eat the bread of idleness* – вести праздную жизнь, даром есть хлеб, лодырничать; *have one's bread buttered on both sides* – как сыр в масле кататься; *quarrel with one's bread and butter* – бросить занятие, дающее средства к существованию, действовать вопреки своей выгоде; *take the bread out of somebody's mouth* – отбивать хлеб у кого-либо; лишать кого-либо куска хлеба, средств к существованию» [3, с. 106, 107].

В результате анализа коннотативных значений образных выражений со словом «хлеб» в трех неродственных языках были выявлены следующие соответствия: *bread and butter* – хлеб насущный; *нонини яримта қилиб қўймоқ* – отбивать хлеб у кого-либо – *take the bread out of somebody's mouth*; *eat the bread of affliction* – чужой хлеб горек – *ўзганинг нони миннатли бўлади*;

хлеб – кормилец – нон – ризқу-рўзимиз; break bread with somebody – нон-намак бўлмоқ; нонга қорни тўқ – have one's bread buttered on both sides – как сыр в масле кататься.

Данные соответствия могут послужить добротным материалом в процессе перевода текстов художественной литературы с одного языка на другой, а также имеют прямой выход к вопросам межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Абдурахимов М. М.* Узбекско-русский и русско-узбекский словарь. Ташкент: Академнашр, 2014.
2. *Бакиров П. У.* Пословицы – энциклопедия народной жизни. Ташкент: Академнашр, 2018.
3. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 942 с.
4. *Ўзбек тилининг изоҳли лугати.* Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 3-жилд. Т., 2008.

Н. Г. Рогозинникова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(Ташкент, Узбекистан)

Мотивема «белый» в названиях свадебных салонов

Названия свадебных салонов образуют один из участков эргонимического пространства. Эргонимы – наименования деловых объединений людей. Чаще всего подобные объединения создаются с целью получения прибыли, в связи с чем эргоним рассматривают как коммерческое имя с присущими данному классу лексем особенностями. Коммерческая номинация в последние десятилетия все чаще привлекает внимание лингвистов, так как с развитием рыночных отношений появляются все новые коммерческие объекты, требующие именования. Исследования этой области номинации проводились Н. А. Гусейновой, Г. С. Куликовой, М. Е. Новичихиной, О. Б. Сиротининой, Т. В. Шмелёвой, Т. В. Щербаковой, О. Е. Яковлевой и др. Т. В. Шмелёва отмечает, что «взрывообразный рост числа объ-

ектов, требующих собственных имен, вызывает увеличение ономастикона (в первую очередь, городского) и расширение диапазона ономастической техники, или языковых средств производства онимов» [3]. В то же время многие проблемы коммерческой номинации остаются неразработанными.

Отличительной чертой современных коммерческих имен является то, что они живо реагируют на веяния времени, языковую моду, изменения в предпочтениях современного потребителя товаров и услуг. Они призваны привлечь внимание к товару, магазину, фирме, заставить купить товар или воспользоваться услугой.

Удачным считается название, несущее какую-либо значимую для потенциального потребителя информацию. Эта информация должна быть комплексного характера, сообщая не только о специфике товаров или услуг (рациональная информация), но и об их качестве (рекламная информация). Предмет продажи или услуга могут быть названы прямо или символически. Символическое название должно сохранять ассоциативную связь с данным товаром или услугой. Каждый участок ономастического пространства обладает своим «набором» ассоциативных связей с картиной мира потенциального потребителя, в нем можно выявить определенный комплекс так называемых мотивем.

Мы выявили некоторые наиболее частотные мотивемы, на основе которых создаются собственные уникальные и яркие названия свадебных салонов. Мотивированность слова, по определению О. И. Блиновой, – особое свойство любого слова, позволяющее осознать взаимообусловленность слова и его звучания; соотнесенность слова с однокоренными или одноструктурными словами. Мотивированное слово, или мотивема, – это такое слово, значение и звучание которого обусловлено в современном языке другим однокоренным словом (мотивирующим слово, мотиватором) и (или) одноструктурным словом [1]. В ряду семантических отношений, связывающих мотивему и мотиватор, исследователи выделяют и метафорические отношения. Мы также будем использовать термин «мотивема» для

обозначения мотивировочного признака, лежащего в основе названия.

Со свадьбой ассоциируется белый цвет, поэтому многие названия созданы на основе мотивемы «белый».

Данные названия различны по характеру, семантике и составу.

1. Онимы, в которых указание на белый цвет прямое, не опосредованное; прилагательное «белый» не создает образности, не является эпитетом: *Белое, Белое платье*.

2. Онимы, как содержащие лексему «белый», так и без нее, в состав которых входят прецедентные (т.е. обладающие культурологическим фоном) названия птиц: *Белый Лебедь, Белый голубь, Аист, Два лебедя*. Лебедь в русской языковой картине мира ассоциируется с понятием «верность», голубь – с понятиями «нежность» и «кротость», аист – птица, «приносящая детей». Как видим, все ассоциации актуальны для вступающих в брак.

3. Онимы, представляющие собой онимизированные названия мифологических существ, ассоциирующихся с понятиями «любовь», «доброта», «забота»: *Амур, Ангел, Белый ангел*. Обычно аллегорически их изображают с белыми крыльями или в белых одеждах.

4. Опосредованно, символически значение «белый» передается через названия цветов, имеющих белый цвет: *Ромашка, Жасмин*, а также *Вишневый сад*. Цветы – обязательный атрибут свадьбы, как и букет невесты.

5. Онимы, представляющие собой онимизированные названия драгоценных камней белого или близкого к нему цвета: *Перламутр, Жемчуг, Жемчужина*. Украшения из жемчуга считаются символом изысканности, благородства.

6. Единственное природное явление, ассоциирующееся с белым цветом, мягкостью, легкостью, счастьем и послужившее названием свадебному салону – *Облака*.

7. Достаточно активны названия с «кондитерской» составляющей, поскольку в них к основной мотивеме добавляется тема «сладкая жизнь» и ассоциации со свадебным тортом: *Сахарная пудра, Зефир, Бизе, Белый шоколад*.

8. Названия свадебных аксессуаров, неизменных элементов убранства невесты, опосредованно выражающие значение «белый», также обладают способностью онимизироваться: *Вуаль, Фата*.

Довольно часто исследователи обращают внимание на выбор при номинации русского или иноязычного слова, кириллической или латинской формы графической записи наименования. Это важная проблема, поскольку иноязычные названия значительно активизировались и теснят, а в некоторых участках ономастического пространства – и вытесняют вовсе, русские названия. Никто из исследователей не призывает к отказу от иноязычных коммерческих наименований, так как это невозможно с учетом происходящей глобализации. Г. С. Куликова отмечает: «Понятно, что включение иноязычных номинаций в язык современного города обусловлено процессом интеграции России в мировую экономику. Однако зарубежный опыт формирования „языка улицы“ свидетельствует о возможности исключить или максимально ограничить применение в городских номинациях иноязычных слов» [2]. Считаем, что коммерческая номинация должна вырабатывать умение реагировать на чуждые элементы и развиваться, создавая новые самостоятельные единицы.

Не являются исключением и названия свадебных салонов, в том числе и с мотивемой «белый»: *In white, Белый Авантаж*. (Авантаж [франц. *avantage*] – устар. обозначение выгоды, удачного, выигрышного положения и превосходства. Словосочетание «Быть в авантаже» обозначало «предстать в наилучшем блестящем виде» и «выглядеть в наиболее выгодном свете». Это слово и сейчас можно встретить в литературе, так как возвращение к старому стало очень модным).

В современных условиях, при отсутствии системных исследований и научно обоснованных рекомендаций, процесс коммерческой номинации носит преимущественно стихийный характер. Создание новых ономастических единиц осуществляется людьми, не имеющими специальной лингвистической под-

готовки. Это приводит к тому, что не все создающиеся сегодня в большом количестве названия можно считать удачными.

Неудачным номинационным экспериментом нам кажется название салона *Белая ворона*, представляющее собой устойчивое сочетание с отрицательной коннотацией, не вызывающее положительных эмоций. Название *Девушка в белом* у образованного человека вызовет в памяти строчку С. Есенина: «Да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю в голубом» – ассоциации, явно нежелательные перед свадьбой. Названия салонов *Белая Леди* и *White Chicks* («Белые ципочки» – американская кинокомедия, в которой два афроамериканских мужчины выдают себя за белых женщин), с нашей точки зрения, также неудачны, поскольку лексема «белый» в них актуализирует в языковом сознании значение «человек с белым цветом кожи». Подобные эргонимы, хотя и привлекают своей необычностью, на наш взгляд, не выполняют своей основной функции – содержать информацию, актуальную для потенциального потребителя, создавать положительный имидж фирмы, товара, услуги.

Таким образом, современное эргонимическое пространство представляет собой обширное поле для дальнейшего глубокого исследования.

Литература

1. *Блинова О. И.* Мотивационное значение слова // Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984.
2. *Куликова Г. С.* Русские и иноязычные коммерческие номинации (на материале городских наименований Саратова) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8.
3. *Шмелёва Т. В.* Алфавит в ономастиконе // Российский лингвистический ежегодник. Красноярск, 2006. Вып. 1(8).

Д. С. Саъдуллаев

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
(Ташкент, Узбекистан)

О некоторых активных процессах в речевой практике СМИ

Речевая практика СМИ в настоящее время является наиболее динамично развивающейся частью речевой практики общества в целом. Постоянно и интенсивно растет объем порождаемой здесь речевой продукции, усложняется структура речевой сферы СМИ, активно развивается внутренняя стилевая дифференциация, меняется в сознании общества статус текстов, порожденных в сфере СМИ.

Сетования относительно разрушения языковых и этических норм в СМИ нецелесообразны точно так же, как и перестроечные и постперестроечные восторги, вызванные кажущимся богатством и выразительностью этого языка, а также «свободой» слова.

Переходный период давно завершен, активные процессы в общественной жизни и в языке пошли на спад, наступил период относительной стабилизации. Из всего потока нововведений языковая система отбирает целесообразное, забывая и выбрасывая то, что себя не оправдало. Сейчас уже можно делать определенные выводы о состоянии языка СМИ, не опасаясь, что через полгода они устареют.

Прежде всего отметим **меняющееся соотношение между устной и письменной речью**. Мы всё больше слушаем и всё меньше читаем. Именно благодаря СМИ объем устной речи постоянно растет и в речевой практике общества в целом. Однако наше внимание должен привлекать не только количественный, но и качественный аспект происходящего. Для речевой культуры общества важно соотношение активной и пассивной форм устной речи, или, попросту говоря, количества говорящих и слушающих. Общая ситуация складывается таким образом, что количество говорящих уменьшается, а количество слушающих уве-

личивается. Кроме того, уменьшается количество времени, которое в среднем обычный рядовой человек тратит на говорение.

Решающее воздействие оказывает следующий фактор. Та устная речь, которую мы слышим, – это преимущественно речь, порождаемая в системе СМИ различными техническими устройствами: радио- и телевизионная речь, записи на компакт-дисках, аудио- и видеокассетах, речь в компьютерных записывающих устройствах и т.п. На подобную речь возможна лишь пассивная реакция. Все попытки интерактивного общения в сфере СМИ общую ситуацию в принципе не меняют. Таким образом, огромное количество населения пребывают в среде чужой устной речи, которая порождается в коммуникативной ситуации, отчужденной от них, на которую они лишены возможности активно и ответственно реагировать.

Та речь, которую тиражируют СМИ, в основном порождается профессионалами речи, для которых речевая деятельность является основой их профессиональной деятельности. Средний уровень такой профессиональной устной речи всегда выше среднего уровня устной речи непрофессионала. Это позволяет обществу ориентироваться на речь СМИ, которые выполняет в обществе образовательную функцию. Однако есть одно важное «но». Речь профессионала всегда находится под идеологическим давлением. Она по природе своей манипулятивна. И тут возникает вопрос: как воздействует на личность это постоянное погружение в агрессивную речевую среду? Это не та ситуация, когда человек погружен в чтение художественной литературы.

Еще одна важная особенность речевой практики современных СМИ – это всё более **углубляющаяся стилевая дифференциация**. Стилиевое разнообразие прессы увеличивается прежде всего за счет появления изданий нового типа, созданных на основе таких стилеобразующих концепций, которые раньше в практике советских СМИ отсутствовали. Укажем в качестве примера на оппозиционные издания, а также на издания, ориентированные на проблемы экономики. Совершенно новыми для нас по своей стилевой концепции являются «бульварные» газеты и журналы. Иной стала печатная продукция для

молодежи: старые издания поменяли свою стилевую концепцию (например, российский журнал «Ровесник»), появилось много новых, причем по характеру речевой фактуры они рассчитаны на разные возрастные группы. Существенное место среди текстов СМИ заняли женские и мужские журналы, созданные на основе стилевых концепций, разработанных в узбекской печати. Укажем в качестве примера на журнал «Саодат». Заметим попутно, что специфика современной речевой ситуации в СМИ характеризуется непропорционально большим удельным весом журнальных изданий. При этом концепции многих из них обществом еще не осознаны.

Гораздо более разнообразными, по сравнению с доперестроечными временами, становятся и электронные СМИ. Создаются телепередачи с принципиально новыми стилевыми концепциями. Появилось большое количество радиостанций FM-диапазона. Доступ к эфиру всё чаще получают не только профессионалы речи – журналисты, но и рядовые носители языка, многие из которых оказываются весьма одаренными в речевом отношении. Та живая русская речь, которая так высоко ценилась В. И. Далем, теперь стала доступна миллионам телезрителей.

В речевой практике СМИ происходит восстановление того типа публичной речи, которая широко была развита в дореволюционной России, а затем ушла из обихода эпохи (имеем в виду формирование **массива публичной фатической речи**). Светские салоны, визиты, приемы – вот сфера её бытования в XIX в. В настоящее время именно СМИ стали той нишей в речевой практике общества, в которой происходит восстановление этой разновидности речи, столь необходимой для речевой социализации личности. Фатический тип общения преобладает, на наш взгляд, в многочисленных передачах FM-диапазона.

Речевой облик современных СМИ складывается под весьма существенным влиянием разговорности. Сфера СМИ всегда была сферой, которая вбирала в себя достижения всей речевой практики общества в совокупности. Не случайно одним из важных признаков текста СМИ считалась его вторичность. Сейчас

в этом взаимодействии СМИ с другими сферами речевой деятельности совершенно особое по степени важности место занимает взаимодействие СМИ с речевой практикой, сложившейся в сфере бытовой повседневной разговорной речи.

Публицистический стиль всегда заимствовал из разговорной речи лексические и синтаксические единицы. Но в данном случае речь идет не о заимствовании слов и конструкций, а о гораздо более глобальных вещах. Сфера СМИ, которая ранее всегда была ориентирована прежде всего на сферу книжной речи, сейчас всё более и более поворачивается в сторону разговорности. И заимствование разговорных слов и конструкций – это лишь один частный момент этого глобального процесса. Самое главное здесь – изменение характера взаимоотношений с читателем. Читатель стал ближе, СМИ подошли к читателю на более близкое расстояние в том смысле, в каком в бытовой повседневности мы ближе к собеседнику, чем в официальной обстановке, где мы отделены в общении друг от друга нейтральным расстоянием. Это сближение с читателем влечет за собой и изменение характера речевых отношений. Они становятся более диалогизированными, экспрессивными и более эмоциональными. Это происходит не за счет простого увеличения экспрессивных единиц в речи, а за счет внедрения в публичное официальное общение тех речевых стратегий и тактик, которые считались приемлемыми лишь в неофициальном общении.

Внешне это усиливающееся влияние разговорности проявляется в электронных СМИ – в увеличении количества различных ток-шоу, в увеличении авторских программ, в допущении к микрофону непрофессионалов речи. В печатных СМИ – в большей раскрепощенности речевого поведения, в меньшей степени его регламентации, в появлении изданий, ориентирующихся на бытовую сторону существования человека, и прежде всего бульварных изданий. Последние интересны тем, что ориентация на сферу быта носит для них стилеобразующий характер.

Однако, несмотря на многообразие стилевых явлений, центром речевой практики СМИ в целом по-прежнему прямо и непосредственно обозначена **связь с характером господ-**

ствующей идеологии. Смена идеологии, которая произошла в последние годы, привели к тому, что изменился речевой облик как газет и журналов, так и электронных СМИ. Если в доперестроечный период везде господствовала одна и та же идеология, которая определяла речевой облик прессы, то теперь идеологическая борьба вылилась на страницы печати, в телеэфир, и это привело к появлению многочисленных частных изданий. В результате идеологические СМИ приобрели стилевую многоплановость.

Считалось, что язык тоталитарной идеологической прессы – это язык, состоящий из слов-фантомов, слов, за которыми нет реального содержания: *борьба за мир, международное рабочее и коммунистическое движение* и т.п. Этот язык стали называть «новоязом». Однако анализ современных идеологических изданий показывает, что каждая идеологическая эпоха, в том числе и современная, обладает своим «новоязом». Идет борьба за формирование смыслового наполнения ключевых слов идеологических систем. Г. Зюганов и А. Чубайс по-разному объясняют в своих изданиях, что такое «приватизация», «средний класс», «гражданское общество» и т.п. Узко понимаемые идеологические потребности и сейчас в максимальной степени определяют речевой облик общественно-политических изданий.

Появление различных партийных изданий привело к тому, что в публичную речь стали в большом количестве проникать **агрессивные типы речевого поведения**, которые раньше были возможны только в сфере бытовой повседневной речи, но и там они считались малоприемлемыми. Возникли издания, для которых идея агрессивного речевого поведения стала конституирующей, стилеобразующей идеей. Наиболее ярким образцом изданий подобного рода в России явилась газета «Лимонка». Прямые оскорбления, угрозы, речевой цинизм, пренебрежение общепринятыми моральными, нравственными и этическими ценностями – постоянные и характерные черты текстов этого издания. Вызывает удивление только то, что газета не была запрещена сразу же после того, как проявила свою сущность, а просуществовала несколько лет, насаждая атмосферу вседоз-

воленности, жестокости, этического беспредела. Агрессивный тип речевого поведения был положен в основу некоторых телевизионных передач, например с Дмитрием Нагиевым. В некоторых случаях в сферу публичной речи попадает даже нецензурная лексика. Крайняя степень проявления агрессивности в сфере СМИ создают атмосферу вседозволенности, распушенности.

Литература

1. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд. СПб., 1999.
2. *Романов А. А.* Политическая лингвистика. Функциональный подход. М., 2002.
3. *Саъдуллаев Д. С.* Язык – стабильная и надежная Родина. Ташкент, 2007.

И. А. Чергинская

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Категория условных отношений в семантико-синтаксическом строе современного русского языка

Основной задачей высшей школы сегодня является производство новых знаний, подготовка специалистов с инновационным стилем мышления, разработка и внедрение в учебный процесс новых педагогических технологий. Решающим условием успешного и динамичного развития страны становится качество высшего образования. Именно поэтому проводится государственная политика, направленная на повышение эффективности и конкурентоспособности вузов. Образовательные реформы направлены на достижение каждым гражданином нашей страны уровня, при котором, получив соответствующее образование и квалификацию, он сможет стать востребованным специалистом в любой стране мира.

Важнейшими направлениями в системе образования были и остаются гуманизация и гуманитаризация образования, т.е. раскрытие способностей обучаемого и удовлетворение его разнообразных интеллектуальных потребностей, обеспечение приоритетности национальных и общечеловеческих ценностей, гармонизация отношений личности, общества и окружающей среды; формирование у учащихся эстетически богатого мировоззрения, высокой духовности, культуры и творческого мышления. Основными инструментами, которые могут реализовать перечисленные задачи и важнейшей составляющей структуры личности обучаемых выступают язык, речь, а также способность к межличностному общению. Данный фактор обуславливает необходимость эффективного формирования языковой культуры обучаемых как на родном, так и на неродном, русском языке, который, будучи одним из мировых языков, продолжает оставаться языком общения и профессиональной деятельности в полиэтнической среде не только в нашей республике, но и за ее пределами.

В настоящее время уделяется большое внимание изучению и развитию русского языка и русской культуры. Ведь процессы глобализации, в которые мы все вовлечены, требуют, чтобы студенты получали более качественную и прочную языковую подготовку.

Важным компонентом учебного материала при обучении русскому языку в высшем учебном заведении является наряду с другими универсальными категориями (пространства, времени, количества, качества, причины, цели, следствия и др.) категория условных отношений, которая имеет разнообразное языковое выражение – лексическое, морфолого-синтаксическое, стилистическое. К сожалению, не все студенты владеют в должной степени всеми этими средствами, хотя усовершенствованная учебная программа предусматривает новые подходы к изучению русского языка – в контексте органической взаимосвязи с личностью обучаемого, учетом его возрастных и психологических особенностей, интересов, потребностей и ценностных ориентаций.

В семантико-синтаксическом строе русского языка условные отношения занимают одно из важных мест.

Проанализировав и сопоставив разные подходы в лингвистической литературе к раскрытию сущности условных отношений, мы установили для себя следующее: условные отношения представляют собой такие отношения, при которых какое-либо действие, событие или явление становится возможным или невозможным, реализуется или не реализуется в зависимости от другого действия, события или явления, которое создает условия для реализации или нереализации, возможности или невозможности действия, события или явления.

В качестве основного морфологического выразителя условных отношений в современном русском литературном языке можем выделить предложно-падежные формы имен существительных.

Самостоятельное значение условия характерно для предложно-падежных форм существительных, где: 1) существительные обозначают отсутствие чего-либо как условия осуществления действия или признака. Они употребляются в родительном падеже с предлогом **без** (*Без общения человеку очень трудно жить на свете*); 2) существительные употребляются в синтаксической конструкции, где утверждается наличие чего-либо, что является условием для совершения действия. Существительные стоят в родительном падеже с предлогом **в случае** (*В случае отмены рейса пассажиры могли бы сдать билеты*); 3) существительные обозначают условие для реализации какого-либо действия или явления и стоят в родительном падеже в сочетании с предложными формами **при наличии, при отсутствии**, которые по своей функции приближаются к производным предлогам (*При наличии характера школа хорошо воспитывает*); 4) существительные употребляются в родительном падеже в сочетании с формой **в зависимости от**. В таких сочетаниях четко прослеживается прямая связь между явлениями, их взаимная зависимость (*В зависимости от обстоятельств дальнейшие наши планы могут измениться*); 5) существительные ставятся в творительном падеже с предлогом **с**. В таких предложениях уста-

навливается соотношение между двумя явлениями, из которых одно служит условием реализации второго (*С приходом весны все деревья расцветают*); б) существительные употребляются в предложном падеже с предлогом **при** (*При всем желании, я не могу исполнить ее волю*).

Предложно-падежные формы с самостоятельным значением условия участвуют в выражении условных отношений постоянно. Поясняя остальную часть высказывания, они сообщают ей значение обусловленного события, способствуя тем самым формированию условных отношений в простом предложении.

Предложно-падежные формы с ситуативным значением условия приобретают его в предложении под влиянием характера обусловленного события, мыслимого в условной, мотивированной связи с другим событием. Значение обусловленного события, под влиянием которого предложно-падежная форма приобретает значение условия, имеют предикативные основы вместе с зависимыми от них словами, если сказуемое (главный член) выражено: а) формой сослагательного наклонения в условном значении (*Без длинных бы ушей он в милость не попал* (И. Крылов)); б) формой будущего времени единичного действия или сочетанием инфинитива с модальным словом со значением возможности или необходимости (*Люди не смогли бы составить прогноз изменения природы без учета данных о хозяйственной деятельности людей и о ее влиянии на природу*); в) формой индикатива со значением временной обобщенности (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* (посл.)). Значение обусловленного события могут приобретать и основы неглагольных предложений обобщающего характера (*На вожжах и лошадь умна* (посл.)).

Среди предложно-падежных форм с ситуативным значением условия можно выделить группу присловных распространителей, участвующих в выражении условных отношений регулярно. Эту группу составляют предложно-падежные формы, в роли стержневого слова которых выступают: отглагольные существительные, конкретные существительные предметного

значения, отвлеченные существительные со значением свойства, качества, состояния, существительные со значением лица.

Необходимость употребления предложно-падежной формы со значением условия определяется не лексико-грамматическими свойствами отдельного слова, а тем, что между предложно-падежной формой и основной частью высказывания в соответствии с задачами коммуникации устанавливаются мотивирующие отношения: одно обуславливает другое. Поэтому в любом предложении с условными отношениями предложно-падежная форма со значением условия не может быть изъята без ущерба для смысла высказывания.

Литература

1. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 2003. 352 с.

2. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2001. 160 с.

А. Н. Хавдок, З. Г. Хуажева

Адыгейский государственный университет
(Майкоп, Россия)

Фразеологические и паремические единицы как способ выражения ментальности народа в адыгских сказочных текстах

В исследовании лингвокультурного пространства любого народа вопрос взаимовлияния языка и культуры является главным. Это связано с тем, что этнос выражает свои национально-культурные установки именно посредством языковых единиц. «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым перекодированием перевести на язык культуры другого народа» [5, с. 20]. Следовательно, специфические черты карти-

ны мира этноса отражаются в языковом сознании ее носителей и, следовательно, влияют на речевую деятельность.

Образы сознания получают внешнюю форму с помощью языковых средств всех уровней, но особенно ярко этот процесс наблюдается в лексике и фразеологии. Отметим, что фразеологическое поле включает в себя не только фразеологизмы, но и пословицы, поговорки, афоризмы, идиомы, крылатые выражения.

Фразеологическая картина мира (ФКМ) – это «особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни и народного духа, отраженный и зафиксированный в содержании языковых форм фразем [3, с. 78]. Основными элементами ФКМ выступают паремические единицы, которые в экспрессивной форме отражают систему ценностных ориентаций народа.

В адыгской лингвокультуре устойчивые воспроизводимые идиоматические конструкции представлены в различных видах текстов, от фольклорных до авторских. Однако наше внимание привлекают именно сказочные тексты, в которых наиболее полно и глубоко выражаются особенности языкового сознания и ментальные стереотипы адыгского народа.

По словам Р. Файзуллаевой, «имеются два вербальных способа выражения признаков национального колорита: 1) первый связан с выражением специфики национального колорита при помощи слов, связанных с национальным образом жизни (топонимы, ономастика, реалии, слова, обозначающие родственные отношения, национальные и религиозные обряды, отражающие признаки эпохи, национальной манеры, облика, поступков и т.д.); 2) ко второму способу выражения специфики национального колорита относятся компоненты национального колорита, связанные со спецификой языковой структуры: идиомы, пословицы и поговорки, вульгаризмы, жаргонизмы, диалектизмы, междометия, сравнения, эпитеты и др.» [8, с. 8].

Необходимо отметить, что выявление основных нравственно-этических ценностей адыгского народа невозможно без рассмотрения лексических компонентов адыгской фразеологической картины мира. Анализ текстового материала показывает,

что в адыгских сказочных текстах эти единицы представлены фразеологизмами, пословицами и поговорками, например:

«...Клалэм ыложъыни ышлэжъыни ымышлэу, эпэгъогъохызэ пачъыхъэм дэжъ къыкIижъы Iэгум дэхъагъ. КъырикIукI-рикIукIыжъэу цагум дэтэу къызелъэгъум, пкIэгъуалэр къещыщыгъ.»

– Джьыри сьид къэхъугъ? – ылуи къеупчIыгъ.

ЗыгъэгумэкIырэ Иофыр инкIэгъуалэ рIотагъ.

– Ари зыгорэу хъун. Аслъан цыритIур къэтымыхъызэрэ къом ыцитIу къэтхъынэу къытаIогъагъэмэ, ащыгъум тыраубытэгъагъ. Ау джы гукIодыгъо цыIэжъэп» [1, с. 216].

Пер.: «...Не зная, что сказать и как быть, парень вышел от царя с поникшей головой и зашел во двор. Увидев его ходящим во дворе взад-вперед, белый конь заржал.

– Что еще случилось? – спросил он.

Юноша рассказал коню о том, что его волнует.

1. – И с этим можно что-то поделать. Было бы хуже, если бы нам приказали принести два кабаньих клыка раньше, чем мы добыли льяят. А теперь не стоит падать духом» (перевод наш. – А. Х.).

2. Из приведенного контекста видно, что адыгской ментальности свойственно фразеологическое наименование явлений действительности. «Фразеология в каждом языке специфична, она связана с фоновыми знаниями носителей языка, традиционными формами трудовой деятельности, особенностями уклада быта, образом жизни этноса в целом» [6, с. 210].

3. Сознание адыгов оперирует фразеологическими единицами *епэгъогъохызэ – с поникшей головой, гукIодыгъо цыIэжъэп – не стоит падать духом* для создания образного языкового пространства данного сказочного текста. В основе выразительности указанных языковых единиц – семантическая двуплановость, проявляющаяся при описании таких психологических состояний человека, как печаль, отчаяние, безысходность. Необходимо отметить, что фразеологическое единство *гукIодыгъо цыIэжъэп – не стоит падать духом* является тропом с метафорическим значением, а фразеологическое сочетание *епэгъогъохызэ – с поник-*

шей головой коннотативно окрашено. Высокая коннотативность фразеологических единиц обусловлена их внутренней формой, т.е. наглядным представлением, на основе которого осмысливается и воспринимается само обобщенно-переносное значение.

Следует подчеркнуть, что в адыгских сказочных текстах анималистического содержания наиболее устойчивые элементы мировоззрения сконцентрированы именно во фразеологических выражениях, которые являются базовыми единицами, передающими ментальные особенности адыгского народа, и широко распространены в данном материале, например:

«...Цыгъохэр кызызэ!ок!эхэм чэтыу хъаджэр къахэхъагъ.

*– Дэгъоу шъукъызэ!ук!агъ, тхъаишъуегъэпсэу, – къари!уагъ ахэмэ чэтыу хъаджэм. – Ау мыр зэ!ук!ан!э хъуцтэп. Шъо хъакум шъуихъэри сэ хъакупчъэм сыкъы!ут!ысхъацт. Сэ шъуас!ори нахъ зэхэшъухын, шъо къаишъу!орэри нахъ тэрэзэу сэри зэхэсын. Жъы сыхъугъ, **стхъак!умхэр жъаажъэх**» [2, с. 27].*

Пер.: *«...Когда мыши собрались, вышел к ним кот-хаджи.*

*– Хорошо, что собрались, спасибо, – сказал им кот-хаджи. – Но это неподходящее место для сбора. Залезьте лучше в печку, а я сяду возле печной двери. Так и вы будете меня лучше слышать, и я буду лучше слышать, что вы говорите. А то я стал стар, **туг на ухо**» (перевод наш. – А. Х.).*

В данном контексте слово *жъаажъэ* [досл.: *неповоротливый, медлительный*] употребляется в переносном значении. Рассматриваемая языковая единица имеет идиоматический подтекст, который можно трактовать как *туг на ухо, глуховат*. Данный фразеологизм еще раз подтверждает глубину и образность языкового сознания адыгов.

Можно согласиться с мнением А. Ш. Траховой, которая утверждает, что «устойчивые единицы адыгского языка представляют собой особые концептуальные структуры, в которых в образно-символьной форме кодируются национально и культурно маркированные важнейшие моральные нормы и этические стереотипы. В этом смысле устойчивые обороты всех типов (фразеологизмы, пословицы, поговорки) выполняют функцию поведенческих регулятивов, имплицитно отражающих мо-

рально-этическую квалификацию тех или иных действий, поступков» [7, с. 15].

Поскольку вся мудрость народа собрана в сказочных текстах, они являются средоточием и транслятором традиций, обычаев и нравственно-этических норм адыгов, например:

«...Арыти аубыти тхылъыр къэзыхъыгъэ кIалэр аукIыгъ. ЗэкIэ зэрэхъугъэр нэужым къэнэфагъ. Цыфхэу зэхэзыхыгъэхэм «ифэшъуашэр къыцшыIыгъ, машэ зытIырэр машэм ефыжъы» аIуагъ» [2, с. 143].

Пер.: *«...Поэтому принесшего книгу парня поймали и убили. Впоследствии выяснилось, как все произошло. Люди сказали: «получил он по заслугам; кто роет яму другому, сам в нее попадет»* (перевод наш. – А. Х.).

Из приведенного иллюстративного материала видно, что адыгские сказочные тексты содержат в себе обязательный философский подтекст. Они создавались адыгами не столько для развлечения, сколько для поучения молодежи, собиравшейся во круг стариков в кунацких (комнатах для гостей). Практически все анализируемые сказочные тексты заканчиваются нравственным выводом, из которого следует, как нужно и как не нужно вести себя с людьми. И данный контекст завершается пословицей *машэ зытIырэр машэм ефыжъы* – *кто роет яму другому, сам в нее попадет*, содержащей нравственно-этический вывод истории: поступай с другими так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой. И если причинишь зло другому человеку, то оно обязательно к тебе вернется.

Важно отметить, что образный язык и лаконичность формы адыгских афоризмов создаются путем частого использования разнообразных повторов. Так, в приведенном материале адыгское языковое сознание оперирует таким лингвистическим приемом, как лексический повтор: повторяется лексема *машэ* – *яма*.

Примечательно то, что пословица в адыгском языке обозначается термином *гуцыIэжъ* – *старое слово*. «Термин „*гуцыIэжъ*“ образован от слияния двух слов – *гуцыIэ* (слово) и *жъы* (старое)... По-видимому, форму „*гуцыIэ*“ + „*жъы*“, что должно было означать „*жъым игуцыI*“ (слово старца), за-

менили одним словом – „*гуцыIэжъ*“ (*старое слово*), старое изречение» [9, с. 16].

Обращает на себя внимание и то, что концовка сказочных текстов о животных часто имеет притчевый характер. В ней содержится мораль, выражающая гибкий ум адыгского народа в назидательной форме, например:

«...– *Джары, пицы аслъан хъэкIэ-къуакI, къарыу закъокIэ шиIэн шыIэн, акъылрэ къолайрэ пхэмылгъэу!*» [2, с. 22].

Пер.: «...– *Вот видишь, лев, царь зверей, одной силой ничего не добьешься, если у тебя нет ума и сноровки!*» (перевод наш. – А. Х.).

В данном ситуативном контексте появляется необходимость прибегнуть к назиданию в форме изъяснительного наклона. Подобные выражения можно рассматривать как «констатирующие пословицы», в которых, по словам Л. А. Гутовой, «сентенциозность выражена косвенно» [4, с. 15].

Следует отметить, что из лексического фонда адыгского языка складывается языковая картина мира народа. Ментальные особенности закрепляются на лексико-семантическом уровне конструкций. Особенно наглядно этот аспект представлен во фразеологических единицах, которые сосредотачивают в своей семантике культурно-ценностные приоритеты адыгского народа.

Как видно из приведенного материала, фразеологические и паремические единицы являются одними из базовых языковых формул в системе лингвистических средств, передающих ментальность адыгского народа.

Таким образом, анализ языкового пространства адыгских сказочных текстов позволяет выявить отразившиеся в нем национально-культурные черты народа и описать особенности репрезентации в данных текстах нравственно-этических норм адыгов.

Литература

1. *Адыгэ* пшысэхэр. Зэхэзыгъэуцагъэр Шамсэдин Хъут. Мыекъуапэ: Краснодарскэ тхыль тедзапIэм и Адыгэ отделение, 1989. Н. 233.

2. *Адыгэ* пшысэхэр. Зэхэзыгыэуцаугьэр Щамсэдин Хьут. – Мыекьуапэ: Краснодарскэ тхыль тедзапIэм и Адыгэ отделение, 1990. Н. 232.

3. *Буянова Л. Ю.* Фразеологизм как этнокогнитивное средство и результат языковой игры // Ученые записки Таврического университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. Симферополь, 2012. Т. 25(64), № 2(1), ч. 3. С. 77–80.

4. *Гутова Л. А.* Адыгские императивные пословицы и поговорки в сравнительном освещении: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 158 с.

5. *Леонтьев А. А.* Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания, 1993. 174 с.

6. *Санлыер Д. Ф.* Языковое воплощение концептов, характеризующих духовный мир человека (на материале татарской, турецкой, чувашской и английской лингвокультур) // Вестник АГУ. Вып. 3. Майкоп, 2009. С. 210–213.

7. *Трахова А. Ш.* Особенности концептуализации морально-нравственной сферы личности: на материале устойчивых оборотов русского и адыгейского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2007. 402 с.

8. *Файзуллаева Р.* Национальный колорит и художественный перевод. Ташкент: Фан, 1979. 112 с.

9. *Чуякова Н. М.* Малые жанры адыгского фольклора. Майкоп: Издательство «Меоты», 1999. 167 с.

Н. Э. Шакурбанова

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Контаминированные полипредикативные конструкции, отображающие пейзажные зарисовки и описания

Контаминированные типы сложных синтаксических конструкций могут использоваться автором и для отображения художественного описания картин природы. Благодаря многокомпонентности синтаксических конструкций автор может более полно отобразить пейзажные реалии, а читатель, в свою очередь, может более точно представить их и понять то, что сказал автор.

Данная функция может осуществляться не всеми контаминированными типами сложных синтаксических конструкций. Не способны отображать различные описания предложения, относящиеся к контаминированным типам «бессоюзное сложное предложение как компонент сложной конструкции с подчинительной связью» и «сложносочиненное предложение как компонент сложной конструкции с подчинительной связью», потому, что эти типы не характерны для обрисовки картин природы и различных описаний, и автор не использует их для этой функции в романе.

Для художественных описаний картин природы характерно использование сложных предложений смешанной конструкции, в основе которых сочинение предложений, а подчинение играет второстепенную роль, например:

1. Сложноподчиненное предложение как компонент сложной конструкции с сочинительной связью.

На Бронной уже зажглись фонари, а над Патриаршими светила золотая луна, и в лунном, всегда обманчивом, свете Ивану Николаевичу показалось, что тот стоит, держа под мышкой не трость, а шагу [2, с. 385].

1. Данное предложение является контаминированным.
2. Первый логический компонент является сложносочиненным предложением.
3. Второй логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным.
4. Логические компоненты связаны сочинительной связью, союзом «и».

Он поместился не на той стороне, где был открыт подъем на гору и с которой было удобнее всего видеть казнь, а в стороне северной, там, где холм был не отлог и доступен, а неровен, где были и провалы и щели, там, где, уцепившись в расщелине за проклятую небом безводную землю, пыталось жить большое фиговое деревцо [2, с. 478].

1. Данное предложение является контаминированным.

2. Первый логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с однородным соподчинением придаточных места и определительного.

3. Второй логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с однородным соподчинением придаточных места.

4. Связь между логическими компонентами сочинительная, с союзом «а».

Кавалерийская ала, забирая все шире рыси, вылетела на площадь, чтобы пересечь ее в сторонке, минуя скопище народа, и по переулку под каменной стеной, по которой стлался виноград, кратчайшей дорогой проскакать к Лысой Горе [2, с. 380].

1. Данное предложение контаминированное.

2. Первый логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным цели.

3. Второй логический компонент является сложноподчиненным предложением с придаточным определительным.

4. Связь между логическими компонентами сочинительная, с союзом «и».

2. Эту функцию может выполнять и другой контаминированный тип **сложноподчиненное предложение как компонент сложной конструкции с бессоюзной связью**, который встречается в романе реже.

В тот же час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея [2, с. 354].

1. Данное предложение является контаминированным.

2. Первый логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с однородным соподчинением придаточных времени.

3. Второй логический компонент представляет собой бессоюзное сложное предложение.

4. Связь между компонентами бессоюзная.

Но, выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада с пальмами на чудовищных слоновых ногах,

площадь, с которой перед прокуратором развернулся весь ненавистный ему Еришалаим с висячими мостами, крепостями и – самое главное – с неподдающейся никакому описанию глыбой мрамора с золотой драконовой чешуей вместо крыши – храмом Еришалаимским, – острым слухом уловил прокуратор далеко внизу, там, где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада городской площади, низкое ворчание, над которым взмывали по временам слабенькие, тонкие не то стоны, не то крики [2, с. 374].

1. Данное предложение контаминированное.

2. Первый логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным определительным.

3. Второй логический компонент является сложноподчиненным предложением с неоднородным соподчинением придаточных места и определительного.

4. Связь между логическими компонентами бессоюзная.

3. Наряду со всеми приведенными типами существует и еще один контаминированный тип, который способен отображать пейзажные реалии и различные описания – это тип **сложноподчиненное предложение как компонент другого сложноподчиненного предложения.**

Бешеные рукоплескания потрясли зал до того, что Никанору Ивановичу показалось, будто в люстрах запрыгали огни [2, с. 472].

1. Предложение контаминированное.

2. Первый логический компонент представляет собой простое предложение.

3. Второй логический компонент представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным.

4. Связь между логическими компонентами подчинительная, с союзом «что».

Из приведенных примеров видно, что самым частотным типом, способным отображать художественное описание картин природы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», является тип «сложноподчиненное предложение как компонент сложной конструкции с сочинительной связью».

Литература

1. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967.
2. Булгаков М. Записки покойника. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1990.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1978.

А. Г. Шереметьева

Национальный университет Узбекистан имени Мирзо Улугбека
(Ташкент, Узбекистан)

Об омонимии русских «нулевых» морфем

Морфема, традиционно понимаемая как минимальная значимая единица языка, представляет собой лингвистический знак, т.е. единство формы и содержания, означающего и означаемого. Особым случаем являются так называемые нулевые морфемы – значимые единицы, не имеющие в синхронии (формального) фонематического выражения.

Дефиниция понятия «нулевой» представлена в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «нулевой» (отрицательный)... выполняющей определенную лингвистическую (семиологическую) функцию без специального (звукового) выражения, а лишь через противопоставление выраженным (положительным) элементам того же ряда или парадигмы, лишенный формального выражения и приобретающий лингвистическую релевантность лишь по отношению к маркированному члену противопоставления» [1, с. 272].

Нулевая флексия (нулевое окончание), т.е. «окончание, материально не выраженное и выделяемое в слове по сопоставлению с соотносительными формами, в которых оно материально представлено» [2, с. 212], вошло даже в школьную практику преподавания русского языка. Заметим, однако, что для нулевых флексий характерна омонимия: *стол – И.п. м.р. ед.ч. сущ.; рук –*

Р.п. мн.ч. сущ.; нес – м.р. ед.ч. прош.вр. глагол; весел – м.р. ед.ч. краткое прилагательное.

Выделение нулевых суффиксов не является столь же бесспорным. Так, в ряде исследований допускаются исключительно формообразовательные нулевые суффиксы в примерах типа *поставь* при сопоставлении с *продолжи, помести* [2, с. 213]. В этом случае и в формах прошедшего времени типа *нес*, помимо нулевой флексии, выделяется и нулевой формообразовательный суффикс (сравним: *несла, несли*). Таким образом, возможны сразу два нулевых формообразовательных аффикса: *нес + нулевой суффикс + нулевое окончание*.

Нулевые словообразовательные суффиксы характерны для отглагольных и отадективных существительных с абстрактным значением. Например: *ход – отходить*. Ср.: *ходьба, хождение*; *синь – от синий*. Ср.: *синева, синька*.

Квалификация подобных примеров как результатов безаффиксного словообразования или усечения некорректна. Здесь представлена типичная аффиксация (суффиксация), обусловленная изменением частеречных характеристик производного (транспозиционные словообразование).

Словообразовательное значение таких производных (абстрактное действие или абстрактный признак) наряду с материально выраженными деривационными суффиксами способно выражаться и нулевыми суффиксами. Как видим, нулевые суффиксы в примерах типа *ход* и *синь* являются омонимичными так же, как и омонимичные нулевые флексии в этих существительных: И.п.м.р. и И.п.ж.р. Следует указать и на возможность межуровневой омонимии нулевых аффиксов словообразования и формообразования.

На наш взгляд, выделение «нулевых» деривационных суффиксов со значением женскости целесообразно в производных *супруга, кума* (от *супруг* и *кум*). Такая трактовка более соответствует закономерностям русского словообразования, чем приписываемая типичным флексиям словообразовательная функция.

Имеющее исторические корни явление «беглости гласных» в корнях и аффиксах при морфонологическом анализе должно

квалифицироваться как чередование гласных *o* (*e*) с нулем звука: *день – дня, дневник, сон – сна, снотворное, ташкентец – ташкентцы*.

В некоторых случаях считаем возможным выявление в структуре сложных слов (композигов) «нулевых» интерфиксальных морфем с соединительным значением. Ср.: *русско-английский* и *урду-английский*.

Для морфонологических характеристик производного слова существенным является выявление особой «нулевой» морфонологии в процессе конструирования словообразовательной основы на базе основы формообразования в примерах типа *учительниц(а)* от *учитель*. Производящая основа и словообразовательная основа совпали по фонемному составу как разноуровневые омонимы, т.е. «переход» основы из формообразования в словообразование не сопровождается обычными материально выраженными явлениями усечения-наращения основы, фонемными или акцентными альтернативами. При совпадении основ необходимые морфонологические изменения могут квалифицироваться как нулевые [3, с. 128].

Итак, выделение «нулевых» объектов в русской морфологии, словообразовании и морфонологии вполне вписывается в общее представление о лингвистических «нулях», однако «нулевые» объекты неоднородны. Для них характерны отношения внутриуровневой и межуровневой омонимии.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Розенталь Д. Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
3. *Шереметьева А. Г.* Основы общей и русской вариологии. Ташкент, 2012.

У. Дж. Эсанов

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
(Ташкент, Узбекистан)

Заимствования из классических языков в произведениях Н. С. Лескова и способы их пояснения

Значение малопонятных слов в произведениях мы иногда узнаём из окружающего контекста или из обстоятельств высказывания, но смысл некоторых слов и обстоятельств требует авторского толкования или издательского пояснения в конце книги. Большое внимание в этом отношении привлекает произведение русского писателя Н. С. Лескова. В частности, он выделяет в своем знаменитом произведении «Соборяни» одну группу слов – городской лексикон или слова книжного характера, приносимые служителями церкви:

...отец протопоп... потом о губернаторе, которого осуждал за неуважение ко владыке и за постройку водопроводов, или, как отец протопоп выражался, «акведуков»;

– Акведуки эти, – говорил отец протопоп, – будут ни к чему, потому город малый, и притом тремя реками пересекается... (Соборяне, 1.2 – 4, 16).

Помещик Плодомасов вернулся из столицы и привез и мне (протоиерею Савелию Туберозову. – У. Э.)... небольшую стеклянную лампочку с горящей жидкостью «керосин», или горное масло, что добывается из нефти (Соборяне, 1, 5 – 4, 80).

Слово «акведук» – бытовое. Оно использовалось в духовно-семинарской среде. В творчестве Н. С. Лескова семинаризм встречается часто, например, «Соборянах» – греческого происхождения «аксиос»:

– ...Да, я за безбожие кого вам угодно возделаю.

Это-с, батюшка закон, а не что-нибудь. Да-с, это очень просто кончается: замотал покрепче руку ему в аксиосы, потряс хорошенько, да выпустил, и ступай, мол, жалуйся, что бит духовным лицом за безбожие... (Соборяне, 1, 3 – 4, 19–20).

В примечаниях дается пояснение («...замотал покрепче руку аксиосы... – «Аксиос!» (греч. – достоин!) провозглашалось при пострижении в духовный сан. Отсюда и волосы в быту духовенства получили название – аксиосы» (4, 526).

Слово «аксиос» у Н. С. Лескова употребляется в прямом значении, но не в духовно-семинарской среде, хотя дьякон является представителем этой среды:

– Ну-с, я уж это, разумеется, понимаю, что это на мой счет с Алексеем Никитичем про двуличность, – подойду, униженно вину свою, чувствуя, поцелую ручку и шепну: «Достоин, государина, достоин сего, достоин!»

– Аксиос, – заметил дьякон.

– Да-с, аксиос. Этим укоренением вины своей, по всякую минуту, их, наконец, и успокоил (Старые годы в селе Плодомасове, 6 – 3, 272).

Лекарь опять расхохотался, а дьякон побледнел и сказал:

– Послушай, отец лекарь, ты шути, шути, только пропорцию знай: ты помни, что я духовная особа!

– Ну да ладно! Ты скажи хоть, где у тебя астрагелюс?

Незнакомое слово астрагелюс произвело на дьякона необычное впечатление: ему почудилось что-то чрезвычайно обидное в этом латинском названии щиколотки... (Соборяне, 1, 7 – 4, 92–93).

К малоизвестному слову «астрагелюс» в этом же предложении приводится его русский эквивалент «щиколотка». Тем самым здесь дается пояснение незнакомому читателю латинского слова «астрогелюс». Сцена встречи Ахиллы, вернувшегося из столицы, и отца Савелия насыщена такими словами.

Н. С. Лесков дает очень яркую характеристику «ахиллиному» увлечению: «Бог знает, что он рассказывал: это все выходило пестро, громадно и нескладно, но всего более в его рассказах удивляло отца Савелия то, что Ахилла кстати и некстати немилосердно уснащал свою речь самыми странными словами, каких он до поездки в Петербург не только не употреблял, но, вероятно, и не знал!..».

По мнению Р. И. Бигаева, «прием диалогического перевода состоит в том, что новое слово объясняется в разговоре или ав-

тора с читателем, или же в разговоре героев произведения» [1, с. 22].

Н. С. Лесков через героя разъясняет смысл латинских слов не только другому персонажу, но и читателям:

– Сонька его совсем заполонила, разбойница, но вы... одно слово: *veni, vidi, vici*.

– Что это значит?

– Пришёл, увидел, победил.

– Оооо! Мне это пока вовсе не нужно (Некуда, 1, 16 – 2, 98).

Диалогический способ – это один из наиболее четких и доходчивых методов толкования иностранного слова в тексте, так как сохраняется стилистическая целостность восприятия текста и читателю не приходится отрываться от чтения произведения. Однако такой способ занимает относительно много места в произведении, поэтому его используют сравнительно редко.

Н. С. Лесков применяет еще один способ перевода: он вводит в текст иноязычные слова и тут же использует их русские эквиваленты: «Таким это было горем для моего знакомого, что у него чуть не развилась настоящая *nostalgia* со всеми явлениями рекрутской тоски по родине» (Островитяне, 13 – 3, 107).

В данном случае нельзя утверждать, что этот способ является приемом прямого перевода. Н. С. Лесков употребил лексические единицы «*nostalgia*» и «тоска по родине» в одном предложении, чтобы избежать повтора. Слово «ностальгия» в то время еще не было хорошо известно в русском языке (роман «Островитяне» был написан в 1886 г.). Писатель, давая это греческое слово – *νοσταλγία* в латинском написании *nostalgia*, раскрыл его значение дальнейшим контекстом в пределах одного предложения, поместив туда его русский эквивалент – тоска по родине. Данное слово в устаревшей теперь орфографической (и произносительной) форме – «ностальгя» – было включено уже в первое издание словаря В. И. Даля и определено как медицинский термин: «тоска по родине, как душевная болезнь» [3, с. 555]. Впрочем, укрепившийся сейчас орфографический вариант был в ходу еще во времена В. И. Даля и Н. С. Лескова. Он отмечен, например, в «Полном словаре иностранных слов»: «Ностальгия – *гр. мед.*

Тоска по родине; болезнь, замечаемая у людей, находящихся вдали от места их постоянного пребывания» [7, с. 352].

Особо следует сказать о постраничном пояснении к этому слову в 11-томном собрании сочинений Н. С. Лескова 1956–1958 гг. В прижизненном издании собрания сочинений Н. С. Лескова 1889–1891 гг. и в журнальном никаких примечаний к слову *nostalgia* нет, поскольку значение его ясно из контекста. В двух последних современных изданиях появилось постраничное примечание в конце страницы (3, 107; III, 372), что совершенно излишне из-за нескольких причин: автор дает хорошее разъяснение. Не менее распространен в произведениях Н. С. Лескова перевод иноязычных предложений с использованием пояснительного слова «то есть»: «Наверху, под заглавием, Розанов выставил очень красивое место из апофтегм Гиппократов: «*Quod medicamenta non sanat ignis sanat, quod ignis non sanat ferrum sanat, quod ferrum non sanat mors sanat*». Hippocrates: Apophthegmata. То есть: «Чего не вылечивают лекарства – вылечивает огонь; чего не вылечивает огонь – вылечивает железо; чего не вылечивает железо – вылечивает смерть» (Некуда, 2, 2 – 2, 254).

Пояснения, данные самим автором произведения, делятся на две части. В конце латинского высказывания, после указания его источника, Н. С. Лесков дает перевод самой латинской цитаты. Это он делает для того, чтобы связать высказывание Гиппократов с текстом и тем самым сохранить его целостность. После длинного, сложного латинского предложения стоит точка, а перевод дается в другом предложении. Приведенное выше высказывание Гиппократов Н. С. Лесков употребляет в несколько иной редакции еще и в рассказе «Инженеры-бессребреники». В отличие от первого употребления, здесь все высказывание и его перевод автор дал в одном большом предложении. Но при этом перевод он помещает в скобки: «На стене его комнаты, в доме, за семью верстой, осталось начертание апофегмы Гиппократов: „*Quod medicamenta non sanat, ferrum sanat; quod ferrum non sanat – ignis sanat; quod ignis non sanat, mors sanat*“ (то есть „что не вылечивают лекарства, то вылечивает железо; что не вылечивает желе-

зо, то излечивает огонь; что не излечивает огонь, то излечивает смерть“») (Инженеры-бессребреники, 26 – 8, 285).

В следующем примере латинская пословица поясняется также при помощи союза «то есть»: «Honestus rumor alterum patrimonium est¹, говорит мудрая латинская пословица, то есть: хорошая репутация заменяет наследство» (Островитяне, 6 – 3, 40). Эта пословица является законченным предложением, но в отличие от предыдущей цитаты Н. С. Лесков дает пояснение ее значения после общей авторской характеристики высказывания внутри одной фразы и после запятой. Автор поясняемую и поясняющую части использовал как единое целое, что не отвлекает внимание читателя от целостного восприятия текста.

Часто пояснение незнакомого слова при помощи синонима происходит в диалоге героев:

Сей балсам пользует салвомо оному Стомахе помогает ему к варению укрепляет сердце, утоляет запор чрева полезный противо утеснения персей и старого кашля. <...>

– Не все понимаем», – сказала хозяйка. – Это из Белой Криницы иноки, что по поповщине, принесли. Помогать, точно, во всем помогает, а не понимаем. Тови-то, это мы поняли; должно, что поняли; а стомаха, уж все спор идет. Что такое это стомаха?

– Желудок – отвечал Розанов, продолжая рассматривать курьезную рекламу.

– Желудок? – Агафья Ивановна! а, Агафья Ивановна! – назвала хозяйка.

– Слышите: стомаха-то, это желудок называется, а не то, что мы думали...» (Некуда, 2, 8 – 2, 343, курсив авторский).

Здесь непонятым является слово «стомах». «Стомах [греч. stomachos] (книжн., устар., ритор. и ирон.). Желудок, утроба» [9, стлб. 533]. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» слово «стомах» получило следующее пояснение: «Стомах ... *Устар.* Желудок, утроба» [8, стлб. 941]. Несколько громоздкое, но точное определение этого слова в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова заменено в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» более кратким и, на наш взгляд, не вполне вразумительным пояснением. По данным словарей видно, что «Толковый словарь русского языка»

под редакцией Д. Н. Ушакова более правильно раскрывает не значение, а стилистическую окраску и сферу употребления – более точно, хотя нужно было еще указать, что оно семинарское.

Слово «стомах» греческое, известное в латинском языке. Вероятно, в связи с этим В. И. Даль, отличавшийся нелюбовью к использованию без надобности иностранных слов, не включил семинарское слово «стомах» в состав своего словаря, хотя оно было хорошо известно в кругу грамотеев. Например, врач Розанов, что видно из приведенной цитаты, знает значение этого слова. Нераспространенное слово «стомах» поясняется в тексте общеизвестным синонимом желудок.

Слово «стомах» активно использовалось в церковнославянской письменности. Оно употреблено в Новом Завете, в первом послании Павла к Тимофею: «К тому же не пей воды, но мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов» [6, стих 23].

Благодаря семинаристам выражение со словом «стомах» стало крылатым, что отмечает в своей книге «Крылатые слова» С. В. Максимов: «По словарю Даля, а особенно по его пословицам, таких изречений, которые могли выйти из стен семинарии, насчитываются десятки. Таково, например, название вина, переданное цельным выражением: „его же и монаси приемлют“, и оправдание потребления первых и следующих чарок: „стомаха ради и частых недугов“» [2, с. 109].

В дальнейшем в связи с ослаблением знаний классических языков слово «стомах» переходит в пассивный словарный запас русского языка.

Итак, Н. С. Лесков для большей выразительности вводит в текст художественного произведения древнегреческие и латинские слова, хотя при этом прибегает к различным способам их пояснения. Но в дальнейшем количество непонятных для читателя таких лексических элементов художественной речи этого писателя будет постепенно расти, так как некоторые общеупотребительные слова с течением времени станут менее употребительными и их использование, естественно, создаст некоторые затруднения для читателей.

Контексты произведений Н. С. Лескова, содержащие различные способы заострения внимания, касаются варваризмов (иноязычных вкраплений), введенных в текст художественных произведений из древнегреческого и латинского языков не только для придания художественной речи большей выразительности, но и для отражения языковой ситуации, сложившейся к середине XIX в. в российском обществе. Между тем в контекстах сами варваризмы давались графическим способом, т.е. латиницей, а их пояснения – неграфическими способами: 1) диалогическим переводом; 2) переводом в скобках; 3) буквальным переводом после тире; 4) приемом прямого перевода, состоящего в том, что автор вводит иноязычное слово в текст и здесь же использует его русский эквивалент; 5) переводом, подключенным с помощью пояснительных слов «то есть», «значит».

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что пояснения, данные писателями непосредственно в тексте, очень существенны для лексикографов. Приходится только сожалеть, что составители словарей не всегда обращают внимание на авторское толкование слов, которое помогает более полному раскрытию семантики слов в словарях.

Литература

1. *Бигаев Р. И.* Некоторые приемы введения заимствованных слов в язык художественного произведения // Ученые записки Ташкентского вечернего ПИ им. В. Г. Белинского. Работы по языкознанию. Ташкент, 1959. Вып. 1. С. 17–28.
2. *Максимов С. В.* Крылатые слова. М.: ЭКСМО, 2003. 384 с.
3. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. М., 1863.
4. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989.
5. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: Худ. лит., 1956–1958.
6. *Новый завет.* Первое послание Павла к Тимофею. Гл. 5, стих 23.
7. *Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.* СПб., 1861.
8. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. М.–Л., 1950–1965.
9. *Толковый словарь русского языка:* в 4 т. / под ред. Д. И. Ушакова. М., 1935–1940.

СЕКЦИЯ II

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Д. А. Балич

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Своеобразие ранней поэзии Антонио Мачадо

На рубеже XIX–XX вв. Испания переживала перемены во всех областях жизни. Утрата колониальных владений и осознание обществом того факта, что Испания превратилась во второразрядную европейскую страну, в общественных настроениях преобладали ощущения неуверенности, неустойчивости, и упадка.

Особое место в горячих дискуссиях о судьбах страны заняла группа писателей, которых историки назвали «поколением 1898 г.» туда входили писатели – Унамуно, Пио Бароха, Валье Инклан, Антонио и Мануэль Мачадо. Они призывали выработать новый путь развития общества с опорой на все то, что сохранилось в Испании, на народ, самобытную культуру, испанский язык, испанское классическое искусство и литературу на европеизацию Испании.

Этот период времени характеризовался необычайным подъемом и расцветом литературы и искусства.

Среди выдающихся писателей, поэтов и мыслителей поколения 1898 г. А. Мачадо считали и до наших дней продолжают считать бесспорным обладателем уникального лирического голоса.

Антонио Мачадо-и-Руис (Antonio Machado y Ruíz, 1875–1939), замечательный испанский поэт, родился в Севилье в июле 1875 г., его отец дон Хосе Мачадо был известный испанский фольклорист. Один из его братьев был художник, другой замечательный поэт-лирик, автор безупречных по форме и содержанию сонетов, знаток андалузского фольклора. Отец привил сыновьям любовь к народной поэзии, которая проявится в дальнейшем творчестве Антонио Мачадо в стиле народных копл (частушек) и в свою очередь, окажут влияние на творчество молодого Гарсия Лорки, Рафаэля Альберти, Мигеля Эрнандеса.

В 1893 г. семья А. Мачадо переехала в Мадрид. В своей творческой биографии А. Мачадо пишет: «...в восемь лет я оказался в Мадриде, куда переехали мои родители, и начальное образование я получил в Свободном институте просвещения, за что выражаю своим педагогам глубокую благодарность и искреннюю любовь... Моими любимыми занятиями были прогулки и чтение книг. Я немного путешествовал по Франции и Испании».

К своим автобиографическим запискам в 1934 г., А. Мачадо добавил сведения о том, что в 1902 г. в Париже он лично познакомился с Оскаром Уайльдом. Познакомился и подружился с никарагуанским поэтом Рубеном Дарио – считавшимся главой испано-американского модернизма. Как и другие поэты-современники, А. Мачадо почтительно называл Р. Дарио своим учителем, посвятил ему несколько стихотворений, в том числе 1916 г. стихотворение «На смерть Рубена Дарио».

Нельзя не упомянуть и некоторое влияние на раннее творчество А. Мачадо последнего испанского поэта-романтика Густаво Адольфо Беккера. От него Мачадо унаследовал простоту языка, образ недостижимой возлюбленной. От французского поэта-символиста Верлена, в его поэзии появился образ символ. В последующем творчестве А. Мачадо избавится от всех влияний, обретет свой собственный неповторимый стиль.

В 1902 г. вышла первая небольшая книжка стихов «Уединения» (Soledades) за которым в 1907 г. вышел сборник «Одиночества, галереи и другие стихотворения» (Soledades, Galerías y otros

роетас). Страсть к одиноким прогулкам по городу и окрестностям породила образ лирического героя – путника, путешественника, мечтателя. Поэт как бы рассказывает о себе:

Я обошел немало тропинок
И немало дорог измерил.
По каким морям я не плавал
На какой не ступал я берег.

Стихотворения «Иду, размышляя», «Горизонт», «Канте хондо».

«Элегические куплеты». В разделе «Юмор, фантазии, заметки» напечатаны стихотворения «Мухи», «Советы». «Однажды уснул я ночью». В «Галереях» и в сборнике «Другие стихотворения».

В 1907 г. А. Мачадо, по возвращению из Парижа, получает должность преподавателя французского языка в университете Сории, там он женился, и там, вскоре овдовел. От туберкулеза умерла его первая муза – юная жена Леонор. При жизни Леонор Антонио Мачадо не посвятил ей ни одного стихотворения, но после ее смерти им были написаны проникновенные стихи в память о ней.

В стихах А. Мачадо о любви появляется образ второй музы поэта, Пилар де Валдеррама которой он дает поэтическое имя Гиомар и посвящает циклы стихов «Песни Гиомар» и «Другие песни Гиомар».

Тебе моря творят буруны в пене,
И радуга – сиянье над горами,
Фазан рассветный – пенье, оперенье,
Сова творит очей огромных пламя –
Тебе, о Гиомар!

В раннем творчестве поэта проявились и другие образы и темы. Они развивались на всем протяжении его творческой деятельности. Это темы дороги в цикле «Поля Кастилии», стихотворения «По землям Испании», «Поля Сории», «Дороги», «Женщины Ламанчи».

Тема жизни и смерти, поиск духовного, вытекают из размышлений поэта о времени, об основном мотиве лирической поэзии. По замечанию З. И. Плавскина, в стихах «поэт сохраняет два плана – внешний и внутренний, осуществляя почти неуловимые переходы от одного к другому с помощью «ключевых образов», нескольких устойчивых тем»¹.

Тема времени возникает из воспоминаний, из сновидений: «Ушедших времен приметы, // кружева и шелк обветшалый, // в углу забытые четки, // паутина под сводами залы...». Время подразумевает не только настоящее или прошлое в стихотворении «Призрачное завтра», поэт размышляет о будущем своей Родины. «...Есть Испания совсем иная эта // все искупит, не предаст и не склонится...».

В сборнике стихов «Поля Кастилии» 1919 г. звучит социально-философская тема. В сборнике собраны стихи о трудовом крестьянстве, философское размышление в стихотворении «Засохшему вязу», в котором поэт, отождествляя себя с изображенным в стихотворении полу засохшим деревом, на котором распустилось несколько зеленых листочков, говорит: «...и обернувшись к жизни, к свету, буду // от дней весенних ожидать // для сердца своего второго чуда».

Образ одинокого наполовину сгнившего дерева превращается в символ человеческой жизни, который останется в поэзии А. Мачадо. Поэт сливает тем самым образ с символом.

Пейзажные зарисовки так же воплощают движение времени. «Площадь. Темную листву раздвинув, // тяжелеют ядра апельсинов. ...Радость детства в тихих закоулках // запустелых древних захоlustий, // где порою встретим ненароком // тень былого – и проводим с грустью».

Образ фонтана – это тоже своеобразный символ времени. Вода струится, отсчитывает уходящее время. «Вода источника льется, // струится, плещет и грезит, // лижет, почти немея // мохом поросший камень». В стихотворении описан «полуденный

¹ Плавскин З. И. Испанская литература XIX–XX вв. М.: Высшая школа, 1982. С. 110.

парк зимою, старик повторяет: «Солнце! О, как прекрасно солнце! Играют дети»¹. Это и элегические воспоминания о детстве, юности, об уходящей любви.

Иногда поэт использует цветную палитру, стихотворение строится на цветовых образах, «Лимон запыленный» желтый цвет – символ тоски, «белые стены» – чистота, невинность. «Замшелый фонтан» здесь зеленый цвет – это «любовные печали легенд старинных». Солнце – пылающий шар, // луна – фиолетовый диск.

Запахи так же вызывают элегическое настроение в «невинных ароматах» ассоциация с чистым дыханием любимой.

«...Альбааки благоуханье и мяты тончайший запах, // Ты видишь – чистые руки // погружаю в тихую воду, // хочу волшебных плодов коснуться, // что грезят на дне сегодня». Грезы и реальность здесь почти не различимы.

Размышление поэта о времени приводит его к мыслям о смерти.

Его волнует судьба не личности, но мира души. «Неужели наковальни и горнила души создают только прах, работают на ветер?»

«...Подожди – неминуемо должен мой сосуд разлететься». По сути дела это вопрос о судьбе поэзии. Он будет развиваться в дальнейшем творчестве поэта, которое с успехом будет продолжаться до 1939 г.

В последние годы жизни, поэт создает сборник стихов «Война» (La guerra, 1937 г). Он открывается стихотворением «Преступление было в Гранаде» (El crimen fue en Granada), посвященное трагической гибели Ф. Г. Лорки.

В конце января 1939 г. А. Мачадо спасаясь от испанских фашистов, вместе с республиканцами пересек границу Франции. В маленьком пограничном городке Кольюр он тяжело заболел и скончался 22 февраля 1939 г.

Говорят, что он скончался от тоски по Родине.

¹ Плавский З. И. Испанская литература XIX–XX вв. М.: Высшая школа, 1982. С. 110.

После трагической смерти поэта, в кармане его старого пальто нашли смятый обрывок бумаги, на котором была написана одна единственная строчка: «Эти лазурные дни и солнце моего детства...» (Estos días azules y el sol // de la infancia...).

Е. А. Ермолин

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)

Трансметареализм, постреализм, метамодернизм и трансавангард как ситуативные характеристики русского литературного процесса в начале XXI в.

Смысловая открытость нового искусства, независимость литературной жизни в современной России от канона и схоластики создают возможность свободного поиска актуальных определений литературного процесса. В момент, когда плюрализм аксиоматизируется в культуре и социуме как норма, сложилось представление об отсутствии готовых ответов на любые вопросы литературного движения, о неокончателности и незавершенности процесса формулирования истины. С этим связано разнообразие предлагаемых дефиниций литературного процесса.

Рассмотрим четыре попытки описать формат современного литературного процесса в целом.

В 1998 г. Н. Иванова предложила как литературную новость концепт трансметареализма. В ее понимании «трансметареализм Бакина, Ермакова, Дмитриева, Маканина отличается от реализма эпигонского не только „поисками истины“, но и особой художественной стратегией. <...> Экзистенциальное отчаяние, напряженность чувств, интенсивность страданий? Да, конечно. Но еще и обязательное и необходимое слияние по крайней мере трех качественных характеристик: развертывание текста как единой многоуровневой метафоры; интеллектуализация эмоциональной рефлексии; проблематизация „проклятых вопросов“ русской классики (например, вариации ответов на „достоевский“ вопрос

о спасении мира красотой). Преодолевая постмодернистскую ситуацию, трансметареализм вбирает то, что наработано постмодернистами, – интертекстуальность, гротеск, иронию». Впрочем, по логике автора, этот концепт не описывает все литературные явления современности, Н. Иванова вводит еще два вектора литературной динамики: беллетристику масскульта и «литературу существования» [5].

Думается, догадки Н. Ивановой отражают все же скорее эпизодическое проявление быстроменяющегося литературного ландшафта. Возможно, поэтому ее концептуальная идея не было поддержана.

Еще раньше, в 1993–1995 гг., Н. Лейдерман и М. Липовецкий предложили в качестве понятия, охватывающего разнообразие литературной динамики, термин «постреализм». По словам авторов этой «гипотезы», «Первые значительные шаги в направлении постреализма в современном литературном процессе были сделаны в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в поздней прозе Юрия Трифонова («Опрокинутый дом», «Время и место») и в так называемой «прозе сорокалетних»» [7, с. 587]. Представителями этого течения, как считали М. Липовецкий и Н. Лейдерман, являются М. Харитонов, А. Дмитриев, Ю. Буйда, В. Маканин, Л. Петрушевская и многие другие.

Н. Лейдерман и М. Липовецкий апеллировали к идеям М. Бахтина, заложившего, в их понимании, основу «релятивистской эстетики, которая предполагает взгляд на мир как на вечно меняющуюся, текучую данность, где нет границ между верхом и низом, вечным и сиюминутным, бытием и небытием» [6, с. 239]. Постреализм – это «новая парадигма художественности. В ее основе лежит универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира открытости авторской позиции по отношению к нему» [7, с. 584].

Самое важное в теории постреализма – решимость ввести современную литературу в круг экзистенциальных проблем. По мысли авторов, этим понятием можно было охарактеризовать художественные попытки осмысления экзистенциального по-

единка личности с хаосом жизни. Признаки духовной ситуации – разрыв с традициями, потеря преемственной связи с прошлым и неверие в будущее. Гармонии и порядка в мире нет. Его базисная, единственная и неотменимая данность – хаос. С этим приходится считаться литературе, которая являет собой опыт самоопределения в тотальном хаосе, в кромешном мраке жизни.

Поначалу писатели играли с хаосом – так возник постмодернизм. Но затем тип отклика на ситуацию меняется. В произведениях постреалистов происходит реабилитация космоса. Писатель создает среди хаоса собственный гармонизированный мир, свой собственный свет в сердце тьмы. Это выращивание смысла из бессмыслицы – без зерна, на пустом месте, усилием личной воли. Бытие в небытии.

Художник-постреалист не ограничивает себя в выборе средств повествования, соотнося их лишь со своей целью, но во всяком случае отказывается от абсолютизации игрового начала и не принимает постмодернистского релятивизма. Авторами упраздняется монополия постмодернистской установки на игровое взаимодействие с хаосом. Если готового смысла в мире нет, нужно его построить своими руками.

Тоска по смыслу брезжит в теории постреализма. Постреализм выглядит уже не просто новым литературным методом, но и новым методом жизни. В обосновании постреализма немало намеков на своего рода богостроительство. Авторами теории вводится закон взаимозависимости, а именно – сочувствия, взаимных участия и помощи. Литература видится обезболивающим и успокаивающим средством, а еще – агитатором за чувства добрые. Она призвана ослабить железную хватку тревог и забот, кольцом сжимающих человеческое сердце, заглушить страх, загладить беду и боль человека добротой и лаской, приобщить к сентименталистскому набору добродетелей.

В свое время мне уже приходилось полемизировать с авторами этой концепции [4]. Теоретики постреализма ведут к тому, что он – единственная альтернатива и перспектива; поиск «готового» лада, «готового» смысла безнадежен; невозможность вселенской гармонии, панкосмического порядка – аксиома, не под-

лежащая проверке, расхожая, обыденная истина, пресное знание о настоящей природе вещей. Но едва ли необходимо соглашаться с меланхолической убежденностью во всевластии хаоса. Спору нет, рубеж XX–XXI вв. – это очевидная кульминация хаоса и какофонии. Теперь острее, чем в минувшие времена, ощущается условность и относительность многих культурных традиций. Прежние гармонии обернулись шумами. Но даже если в бытии есть для человека всего только одна точка подлинности, построение, основанное на вере в тотальность хаоса, рушится. Гвалт и хаос кончаются там, где начинается вечность. И литературные свидетельства такого рода не менее убедительны (в прозе В. Залотухи, Ю. Малецкого, М. Вишневецкой, В. Сотникова, А. Бушковского и др.).

В недавнее время из Голландии в Россию был экспортирован концепт метамодернизма, понимаемого как новый этап в истории культуры (и литературы в частности). Исходно он был изложен в масштабном программном эссе «Заметки о метамодернизме» культурологов Т. Вермойлена и Р. ван ден Аккера [8]. По их мнению, продуктивная сила постмодернизма к концу 2000-х гг. иссякает и на смену ему приходит новый фазис культуры. Культурная индустрия, в частности, отказывается «от тактик имитации и паратаксиса для таких стратегий, как миф и метаксис, от меланхолии – для надежды, и от эксгибиционизма для ангажемента».

Наиболее отчетливое запечатление метамодернизм, по-видимому, находит в «неоромантической чувственности». Во всех сферах искусства на смену отстраненности и злой иронии пришли искренность и открытость. В литературе это движение от деструктивной иронии М. Уэльбека, Б. И. Эллиса, Д. Франзена, Х. Мураками, Д. Игана, М. Джулай, в чьих книгах сарказм – это способ сорвать маски и показать неприглядную действительность. В 2000-е гг. новые авторы тоже ироничны, но «метамодернистская насмешка внутренне связана с желанием, тогда как постмодернистская насмешка внутренне связана с апатией». В новых книгах есть теплота и сопереживание герою, попытка его «понять».

При этом метамодернизм мыслится Т. Вермойленом и Р. ван ден Аккером как открытая система, поисковая, а не результирующая; он «движется ради самого движения, пробует, несмотря на неизбежный провал; бесконечно ищет истину, которую никогда не ожидает найти».

Этот концепт в самые последние годы активно осваивается в Рунете на портале «Метамодернизм», в том числе осмыслен применительно к русской словесности, что дало противоречивые результаты (см., например, [1]). Ряд соображений о литературном метамодернизме произведен Д. Л. Быковым.

Концепция метамодернизма вступает в переключку со сходным по главному вектору с идеями вышеназванных авторов, определением актуальных тенденций искусства в арт-критике последних десятилетий. Это концепт трансавангарда, который в принципе не менее продуктивно, как мне представляется, описывает литературную реальность наших дней.

Понятие трансавангарда было введено лет сорок назад теоретиком искусства А. Бонито Оливой для аспекта или даже авангарда тогдашнего западного искусства. В работе «Интернациональный трансавангард», написанной в начале 1980-х гг. в соавторстве с европейскими и американскими арт-критиками, А. Бонито Олива объединил под этим названием немецкий неоекспрессионизм, аргентинскую новую образность, французскую свободную фигуративность. А. Бонито Олива отмечал, что трансавангард – это «культурная атмосфера, в которой существует искусство последнего художественного поколения» [2, с. 43]; «трансавангард – это единственно возможный ныне авангард» [2, с. 73].

По самой первой оценке, это состояние культуры, открывающее возможность утвердить новую живописность, экспрессивность, фигуративность, телесность, сильно выраженное личностное начало. Свободное сочетание любых художественных практик и стилей прошлого и свобода историко-культурных ассоциаций не препятствуют в его эстетике стремлению к подлинности. В отличие от постмодернистов современные трансавангардисты ставят серьезную задачу постижения бытия.

Эту характеристику легко наложить на явления современной русской словесности, вписав тем самым ее в мировой художественный контекст. Думается, здесь проявляются общие закономерности литературной и общехудожественной эволюции. Современный литературный трансавангард – это преодоление гипертрофированного художественной практикой в 1990-е гг. игрового концепта, исходящего из представления о самодостаточности игровых манипуляций, рассудочного конструирования. Отвергая фантомно-игровой характер художественной рефлексии как аксиому, как доминанту, трансавангард начала нового века в России вдохновляется идеалами «новой серьезности», пафосом ответственности и ангажемента, долга и миссии. Сущность трансавангарда связана с творческим вызовом огромной силы. Он представляет собой попытку решить неразрешимую проблему: нащупать почву вопреки факту ее отсутствия в конкретно-эмпирическом опыте.

Как мне уже приходилось фиксировать, литературный трансавангард в России – это хронологически поставангард, но это такой «пост», который:

фиксирует ситуацию неистребимого художественного плюрализма (и плюрализма средств выражения, средств существования);

поэтому вполне органично апеллирует к самым разным традициям и вдохновляется разными проектами, включая и отнюдь не авангардистского характера традиции большого размаха (реализм, романтизм и др.);

в принципе не отказывается ни от каких средств традиционного авангарда (включая, например, сюрреализм, дада, экспрессионизм и пр.);

отталкивается прежде всего от непосредственно предшествовавшей ему парадигмы концептуализма, в рамках которой искусство потеряло связь с человеческой жизнью и свелось к манипулированию мыслительными мнимостями [3].

Таким образом, поиски теоретического обоснования современного литературного процесса в России привели на сегодняшний день к неоднозначному результату. Однако если внимательно

но вдуматься в содержание предлагаемых версий описания литературной новизны, в них можно найти немало общего. Трудно сказать, появится ли в близком будущем единая, синтезирующая теория актуального литературного процесса. Но сам по себе генеральный вектор его описания заслуживает внимания.

Литература

1. *Алейникова А.* Русская литература XXI в. и метамодерн. URL: <http://metamodernizm.ru/russian-literature-xxi>.
2. *Бонито Олива А.* Искусство на исходе второго тысячелетия. М.: Художественный журнал, 2003. 217 с.
3. *Ермолин Е. А.* Русская проза, XXI век (Топография российского литературного трансавангарда) // *Russian Philology = Русская филология: Occasional papers*, № 35. Hyderabad, 2016. P. 57–68.
4. *Ермолин Е. А.* Собеседники хаоса // *Новый мир*. 1996. № 6. С. 212–214.
5. *Иванова Н.* Преодолевшие постмодернизм // *Знамя*. 1998. № 4. С. 193–204.
6. *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // *Новый мир*. 1993. № 7. С. 233–252.
7. *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература. М.: Академия, 2003. Т. 2: 1950–1990-е гг. 688 с.
8. *Vermeulen T., van den Akker R.* Заметки о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>.

Н. В. Золотарева

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Особенности употребления эвфемизмов в современном русском языке

В современной лингвистике изучение явления эвфемии является актуальным. Эвфемизмам уделяет внимание большое количество современных ученых: Л. П. Крысин, О. А. Леонтович, В. П. Москвин и др. Л. Н. Шапина считает, что уже несколько десятков лет процесс образования эвфемизмов проходит особенно интенсивно [9, с. 101]. Сейчас одним из наиболее важных

факторов, которые приводят к образованию эвфемизмов в языке, является их способность быть достаточно сильным средством появления новых установок в обществе. Эвфемизмы получают широкое распространение в значимых для человека и общества сферах речевой деятельности (в политических обсуждениях, диалогах, при проведении ток-шоу, в статьях и т.п.).

Чтобы результаты исследования эвфемизмов были более достоверными, нужно принимать во внимание экстралингвистические факторы. И у носителя литературного языка, и у лингвиста это может способствовать появлению внутреннего неприятия, однако в качестве наблюдателя, которому важно все, что происходит в языке, исследователь должен уделять внимание и такого рода фактам [3, с. 139].

Л. П. Крысин [4, с. 400] выделяет следующие моменты, характерные для современного процесса эвфемизации: говорящий дает оценку предмету речи, прямое обозначение которого можно рассматривать – в данной социальной среде или тем или иным адресатом – как грубость, неприличие и т.п.; только некоторые объекты, реалии, сферы человеческой деятельности и человеческих отношений могут вызывать подобную оценку – другие подобной оценки не имеют, остаются нейтральными; поэтому эвфемизации подвергается не всякая речь, а речь, связанная с определенными темами и сферами деятельности; подбор говорящим таких обозначений, которые не просто делают мягче те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а закрашивают суть самого явления: известный, определенный, надлежащий, специальный и т.п.; зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи: чем сильнее желание говорящего контролировать речевую ситуацию и осуществлять самоконтроль, тем более вероятно возникновение эвфемизмов; и, напротив, в неконтролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи эвфемизмы не так часто употребляются, как дисфемизмы; социальная обусловленность представления о том, что может быть эвфемизмом: то, что в одной среде считается эвфемизмом, в другой может иметь иные оценки.

Е. В. Кипрская [2, с. 10] упоминает о том, что поиск подходящей лексики, которую можно употреблять как информативную модель, может стать одним из путей манипуляции языковым сознанием людей. Для этой цели автор предлагает использовать различные эвфемизмы, так как при их помощи есть возможность донести до реципиента необходимую информацию.

И. Н. Никитина [7, с. 113] говорит об основной цели, которую ставят перед собой говорящие при употреблении эвфемизмов в социальных или межличностных отношениях в современном русском языке: это желание не вступать в серьезные конфликты, не вызывать у слушателя чувства так называемого коммуникативного дискомфорта. Желание проявить деликатность, воспитанность или же политическую корректность может также способствовать появлению благозвучных слов. Однако следует отметить, что чаще всего присутствует и другая цель использования эвфемизмов в речи: это желание скрыть или хотя бы частично скрыть суть обсуждаемого вопроса. Выше упомянутая формулировка не вступает в противоречие с данным предположением, оно является ее следствием.

Если слово имеет возможность становиться косвенным по своему значению, оно может считаться эвфемизмом. Многие из слов-эвфемизмов являются отвлеченными существительными. Абстрактность значения слова автоматически приводит к появлению у реципиента максимально размытого или же нейтрального представления об объекте. К примеру, вместо слов «война», «вражда» общественными деятелями, которые стараются не использовать подобную лексику из-за явно отрицательной коннотации, употребляются более нейтральные слова: «дискуссия», «непонимание», реже «конфликт».

Прагматическая установка высказывания оказывает влияние на употребление политических эвфемизмов при конструировании политического текста. А. Ю. Миронина считает, что политические эвфемизмы – это группа слов, которые находят применение в политической коммуникации для замены, которые считаются запрещенными на том или ином этапе развития общества. Целью создания благозвучной лексики является же-

ление избежать прямого наименования всего, что может вызывать отрицательную реакцию со стороны реципиента, а также наносить оскорбление адресату политической коммуникации. Эвфемизмы помогают влиять (причем намеренно) на общественное мнение и даже в определенной степени формировать его [5, с. 9]. И. Р. Гальперин рассматривает политические эвфемизмы как средство представления аудитории неприятной информации в более деликатной форме. Эвфемизмы имеют возможность скрывать те моменты, которые могут вызывать возмущение общественности [1, с. 119]. Следовательно, можно вести речь о том, что эвфемизация речи политических деятелей имеет конкретные задачи.

В ряде случаев в социальной сфере оценка говорящим предмета речи может быть квалифицирована как грубость, резкость, оскорбление и т.п. Поэтому эвфемизации подвергается не всякая речь, а та, которая связана с определенными темами и сферами деятельности. Кроме того, употребление эвфемизмов зависит от контекста и от условий речи: чем более жестким выступает социальный контроль речевой ситуации (и самоконтроль говорящим собственной речи), тем более возможно появление эвфемизмов. В отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений [6, с. 90]. С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма в языке и речи: то, что представляется удачным эвфемическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены.

Чтобы реципиент желаемым образом воспринял то или иное обращенное к нему высказывание, говорящий при создании своего политического текста осуществляет выбор знаковых форм, которые наиболее точно и выгодно отражают замысел и соответствуют типу реципиента [8, с. 128]. Данная функция эвфемизмов является ключевой, но эвфемизмы имеют и ряд вспомогательных функций. Во-первых, это функция собственно-эвфемистическая, которая проявляется в том, что говорящий опасается использовать то или иное слово, предпочитая вместо

него более благозвучную замену. Во-вторых, существует усиленная функция, а именно создание эвфемистических замен ради достижения определенного коммуникативного эффекта. Эвфемистические наименования могут помочь говорящему убедить адресата, навязать ему ту или иную точку зрения, скрыть нежелательные факты или приукрасить их. Манипуляция слушателями производится в политическом дискурсе благодаря данной функции. Политическим деятелям нередко приходится достаточно неопределенно, размыто, завуалированно преподнести слушателям ту или иную информацию. В-третьих, эвфемизмы выполняют в себе социально-регулятивную функцию. Социальная регуляция выражается в том, что неприличные или неприемлемые в определенной ситуации названия событий и происшествий могут заменяться на более благозвучные, менее оскорбительные или менее пугающие. Кроме того, контактоустанавливающая функция эвфемизмов связана с их способностью оказывать определенную помощь в установке и поддержании контакта с собеседником. Говорящий, стремящийся наладить продуктивное, успешное общение, избегает использования прямых обозначений, потому что они могут оттолкнуть адресата, оскорбить его, произвести на него неприятное впечатление, стать причиной недружелюбия, недопонимания, привести к конфликту. Экспрессивная и эмотивная функции свойственны не всем эвфемизмам, а лишь тем, что представляют собой перифрастические наименования, образованные путем метонимических и метафорических переносов. Такие эвфемизмы могут передавать эмоциональное состояние говорящего, оказывать максимально эффективное воздействие на слушателей. Основная особенность эстетической функции заключается в том, что эвфемизмы используются в качестве более утонченных, более приятных и более спокойных обозначений тех явлений действительности, которые приводят к возникновению негативных чувств и эмоций.

Политические эвфемизмы выходят за рамки просто лексических средств сокрытия чего-то неприглядного или конфиденциального. Они становятся одним из главных средств воздей-

ствия на людей с целью полного искажения представления о тех или иных событиях. Они помогают создать положительный или отрицательный имидж политика, объяснить те или иные поступки и решения, заинтересовать своими идеями и политическими предложениями, раскритиковать оппонента и др. Они нередко становятся важным инструментом в руках политических деятелей, так как помогают передавать определенные цели аудитории.

Литература

1. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

2. *Кипрская Е. В.* Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск, 2005. 17 с.

3. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.

4. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–407.

5. *Миронина А. Ю.* Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публ. выступлений Б. Обамы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 19 с.

6. *Навасартян Л. Г.* Дисфемизмы как средство искажения информации в печатных СМИ // Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. Самара: ООО «Изд-во АСГАРД», 2017. С. 88–90.

7. *Никитина И. Н.* Эвфемизмы как объект исследования в британской и американской лингвистике // Вопросы филологии. 2008. № 2(29). С. 111–114.

8. *Чалмова О. А.* Прагматика использования производительного знака в политическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 3(47). С. 128–132.

9. *Шатина Л. М.* Эвфемизмы в социальных сферах деятельности: политкорректность и «деревянный язык» (на примере французского языка) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 147–150.

Е. С. Ивукина

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Семиотика языка и литературы как детерминанты межкультурной коммуникации

Актуальность исследования семиотических концепций обусловлена особым статусом языка в контексте гуманитарного знания. Семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, культуре и философии. Но везде ее непосредственным предметом является информационная система, т.е. система, несущая информацию, в которой знаковая составляющая рассматривается как ее основа. Каковы бы ни были такие системы – действуют ли они в человеческом обществе (как система языка, явления культуры, обычаи и обряды), в природе (коммуникация в мире животных) или человеку (его организм, мышление и психика), они выступают как предмет семиотики. Задачей науки семиотики является исследование объектов, выполняющих функцию знаков и создание общей теории знаков. В целом семиотику можно определить как «науку о знаках, знаковых системах и семиотической реальности» [1, с. 25]. Более того, если пользоваться понятием «язык культуры», то очевидно, что художественная литература, как один из видов массовой коммуникации, должна обладать своим языком, т.е. иметь определенный замкнутый набор значимых единиц и правил их соединения.

Из всего многообразия объектов семиотики наибольшая общность обнаруживается между языком и художественной литературой, т.е. искусством, использующим язык в качестве своего средства выражения, поэтому семиотика языка и литературы образует центр гуманитарной семиотики. Причем произведение художественной литературы может исследоваться в двух плоскостях: во-первых, как объект историко-литературного анализа и, во-вторых, как объект семиотического анализа.

Специфика отечественных семиотических исследований определена еще и тем, что данной проблематикой занимались

либо логики, либо лингвисты, разрабатывая проблематику не общей, а специальной семиотики, чем и обусловлена немногочисленность методологических работ в данной области. Кроме того, появившись в начале XX в., семиотика представляла собой метанауку, т.е. своего рода надстройку над целым рядом наук, оперирующих понятием знака. В этой связи следует отметить, что до сих пор среди лингвистов нет единого мнения по вопросу определения статуса семиотики как единой науки.

Идея создания науки о знаках появилась одновременно у нескольких ученых, но основателями семиотики общепризнанно считаются американский логик и философ Ч. С. Пирс, который предложил определение знака и его классификацию, включив индексы, иконы и символы как составляющие элементы данной классификации и швейцарский лингвист Ф. де Соссюр, предложивший структуру самой семиотики.

Основам семиотики языка и литературы были посвящены труды русских ученых М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Р. О. Якобсона и др. М. Ю. Лотман, как представитель ленинградской литературоведческой школы семиотики, особое внимание уделял исследованию текста культуры, причем само понятие культуры рассматривалось им как центральное, фактически вытесняя понятие языка.

М. М. Бахтин, в свою очередь, утверждал о динамическом характере языкового знака, который проявляет себя не как некая данность, но представляет собой «динамическое отношение между означаемым и означающим, причем означаемое оказывается не каким-либо статическим концептом, а только движением в направлении концепта» [1, с. 48]. Кроме того, М. М. Бахтин был первым, кто сформулировал идею о диалогической природе языка. Если долгое время господствовало представление о монологической структуре языка, то отныне внимание фокусируется на его диалогической природе.

Другая важная мысль М. М. Бахтина связана с представлением о единстве культур, которое предлагает существование как минимум двух каналов. Ученый доказал, что при любом контак-

те двух человеческих «я» с каждой стороны принимают участие «я-для-себя» и «я-для-другого».

Эти идеи совпали с третьей концепцией, принадлежащей к крупнейшим научным открытиям последних сорока лет. Речь идет о гипотезе, описывающей принципы работы головного мозга человека на основе совместного функционирования двух независимых полушарий. Суть идеи в том, что левое и правое полушария головного мозга функционируют с помощью различных семиотических механизмов, причем между ними существуют сложные, диалогические отношения, связанные с тем, что активность одного полушария вызывает возбуждение, в то время как при активности другого возникают процессы торможения механизмов передачи информации [2, с. 92].

На основе этого открытия ученые пришли к выводу, что семиотическая система, т.е. совокупность систем человеческой коммуникации, нельзя свести до примитивной конструкции текстовой передачи «от» – «к». Данный подход предполагает, что отправитель и получатель аутентичны и пользуются одним и тем же кодом при восприятии или получении определенной информации.

Такого рода коммуникация свойственна большому пласту культуры. В параллельной языковой реальности и на другой семиотической основе строится новый механизм – «механизм образования новой информации» [5, с. 73]. Под словосочетанием «новая информация» понимается такая информация, которую нельзя вычленишь из текста с помощью определенного набора заранее заданных правил. Очевидно, что само возникновение нового текста обусловлено присутствием механизма творческого мышления и сознания. Это предполагает, что между тем, как один реципиент кодирует текст и тем, как другой реципиент его декодирует, существует не автоматическое тождество, но отношение эквивалентности.

Таким образом, понятие «диалог» понимается как способ передачи информации между различными кодирующими системами, где диалог предшествует языку, а не язык диалогу. Следовательно, возникает ситуация, в которой две стороны заинте-

ресованы в обмене информацией с помощью языка, который, в свою очередь, рассматривается как коммуникационная система с присущей ей иерархической структурой [4, с. 57].

По мнению М. М. Бахтина, возникает сложная семиотическая ситуация с двойной передачей и с принципиальной ориентацией на чужое слово, со стремлением включить чужое слово в свой собственный язык и тем самым создать возможность диалога [1, с. 21]. Говоря о бахтинском «диалоге», мы имеем дело с совершенно определенным понятием, которым обозначен механизм усвоения новой информации, т.е. такой информации, которая до начала диалогического контакта еще не существовала, но возникла в его процессе.

Кроме того, реальные семиотические системы функционируют в культуре динамично, с присущей им историей. По мнению Ю. М. Лотмана [3, с. 96], система с историей – это то, что изменяется и при этом запоминает свои изменения, это динамическая система, обладающая памятью. Другими словами, если система не является динамической или не имеет памяти, то, по мнению ученых, она не может иметь историю. Язык, напротив, как и любая из всевозможных семиотических систем в области культуры, отвечает этим двум требованиям.

Если принять за аксиому утверждение о том, что семиотическая система изменяется и хранит свои предшествующие состояния в памяти, то тогда возникает ряд вопросов – каковы способы функционирования данного механизма и за счет чего изменяется и развивается сама система? По утверждению Ю. М. Лотмана [3, с. 87], система сама в состоянии породить новый текст только при условии, если имеются различные тексты, которые по-разному закодированы.

Следовательно, культура, язык, текст и наше сознание одновременно функционируют в двух направлениях: с одной стороны, они создают некоторую унифицированную семиотическую ситуацию, гарантирующую информационный обмен, а с другой стороны – деунифицированную семиотическую ситуацию, которая гарантирует как возможность создания нового текста, так и передачу новой информации.

Таким образом, семиотика как наука продолжает оставаться востребованной и динамично развивающейся дисциплиной, представляющей собой синтез философских, культурологических и лингвистических подходов.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6–72.
2. *Егоров Б. Ф.* М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман // Бахтинские чтения. Витебск, 1998. Т. 3. С. 83–96.
3. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970. 220 с.
4. *Соломоник А. Б.* Позитивная семиотика: о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2011. 192 с.
5. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства. М.: URSS, 2016. 334 с.

Е. В. Колотнина

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Закономерности развертывания метафоры в публицистических текстах экономической тематики

В настоящее время внимание современных исследователей привлекают вопросы когнитивной лингвистики, а именно изучение метафоры, закономерностей моделирования, метафорических моделей, что позволяет лучше понять специфику национальной картины мира, закономерности метафорического моделирования в современном русском языке. Метафорическая модель образно представляет ту или иную денотативную сферу с использованием лексики, которая в первичном значении относится к иной сфере. Большой вклад в разработку теории ме-

тафорического моделирования сделан современным ученым А. П. Чудиновым.

Предметом исследования в данной статье становятся метафорические модели и их роль в организации текстов.

Материалом для анализа послужили посвященные экономическим проблемам тексты, опубликованные в современных, издаваемых на русском языке периодических изданиях.

Как указывает М. Н. Кожина, в современной лингвистике существует «три основных, наиболее распространенных» понимания сущности текста: текст как явление реального функционирования языка, как единица речи; текст как единица общения (например, в лингвосоциопсихологии, семантике текста в концепции А. И. Новикова)» [2, с. 23]. Для нас наиболее значимо понимание текста как единицы речи, которую И. Р. Гальперин определил следующим образом: «Текст – это произведение речетворного процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с этим типом документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1, с. 18].

Как известно, основными параметрами текста как единицы речи являются его цельность (целостность) и связность.

Объем журнальной статьи дает широкие возможности для использования потенциала метафоры и в то же время способствует целостности восприятия системы метафор.

Концептуальная метафора – одно из важнейших средств категоризации, концептуализации и оценки действительности в современных публицистических текстах. Она позволяет передавать информацию в яркой и доступной форме и обладает прагматическим потенциалом.

Существующая в том или ином тексте система концептуальных метафор может способствовать восприятию данного текста как определенного единства.

Как указывает Ю. А. Сорокин, связность текста – это «рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов в языке (речи), есть некоторая дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка» [3, с. 65].

К числу обеспечивающих связность текста элементов языка во многих случаях относится и система метафор: как показывают даже предварительные наблюдения, метафоры в рассматриваемых экономических текстах часто представляют собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему. Организующим звеном системы становится та или иная метафорическая модель.

Как показывает А. П. Чудинов, политические тексты часто организованы таким способом, что в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели [4, с. 105–106]. В этом случае в тексте обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих этой модели. И эта система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое.

Способность к разворачиванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры. Например, если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора (деятельность СЭД – это война), то можно ожидать ее разворачивания по самым разнообразным фреймам: война ведется по определенным законам, в ней есть победители и побежденные, в войне принимают участие различные подразделения, войсковые группы, участники военных событий применяют различные виды вооружений и т.д. Слияния и поглощения компаний часто представляются при помощи метафоры брака, компании представлены в виде женихов и невест, слияния и поглощения в виде браков и разводов.

Исследование закономерностей разворачивания метафорических моделей в пределах текста позволяет выделить основные виды такого разворачивания: ярко выраженное доминирование одной модели и параллельное разворачивание двух-трех моделей.

Ученые выделяют ряд наиболее значимых для восприятия позиций текста, таких как начало и концовка текста, его заголовок, эпиграф. Метафора, оказавшаяся в сильной позиции, воспринимается как наиболее значимая. Она способна организовать всю метафорическую систему текста.

Автор журнальной статьи свободен на этапе выбора языковой формы, он пользуется как традиционными номинациями, так и новыми, но количество типов разворачивания метафор ограничено.

Рассмотрим варианты разворачивания метафор в тексте.

В рамках одного текста в языке разворачиваются метафоры, относящиеся к одному фрейму. К данному варианту относим сценарии, в которых не менее 70 % метафор относятся к одному фрейму. Часто уже заголовок таких статей метафоричен, после заголовка следует ряд метафор, поддерживающих метафору заголовка. Одна из метафор становится доминантной и может использоваться несколько раз. Такой вариант в русском языке не относится к наиболее встречаемым.

Другим типом разворачивания метафоры в тексте становится многоаспектное развертывание метафор, принадлежащих разным моделям. Приобретающие функцию метафорической доминанты, метафоры модели лишь эпизодически взаимодействуют с метафорами смежных или оппозиционных моделей.

В небольшой по объему статье может использоваться обнаруживается несколько случаев метафорического словоупотребления, относящихся к разным моделям.

Примеры развертывания в рамках одной публикации метафор, принадлежащих фреймам одной модели с эпизодическим включением метафор других моделей характерны для русского языка.

Третьим вариантом становится развертывание в тексте метафор, принадлежащих различным параллельным или оппозиционным моделям. Заголовок может не нести сильной метафорической нагрузки, но давать представление о содержании статьи. Такой вариант является наиболее встречаемым в русском языке.

В текстах такого типа втор пользуется широким набором метафорических средств, среди которых представляется сложным выделить доминанту.

Итак, исследование позволяет выделить три основных вида развертывания концептуальной метафоры: в первом случае абсолютное большинство метафор в тексте относится к одной и той же модели, во втором – абсолютное большинство метафор принадлежит не только к одной модели, но даже лишь к одному фрейму этой модели, в третьем случае в тексте параллельно развертывается две-три ведущих модели.

Литература

1. *Гальперин И. П.* Стилистика. М.: Либроком, 2010, 2014. 336 с.
2. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта, 2008. 464 с.
3. *Сорокин Ю. А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 61–73.
4. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 254 с.
5. *Сайт* журнала «Эксперт». URL: <http://expert.ru>.

А. С. Лиходзиевский

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Традиции американского фольклорного юмора в американском сатирическом романе второй половины XX в.

В литературе США исторически сложилась особая взаимосвязь между юмором и сатирой. Практически одно не существует без другого. Почти нет произведений чисто юмористических (в них почти всегда встречается сатирический оттенок или сатирический элемент в виде отдельной детали, черты и т.д.). В то же время в сатирическом в целом произведении всегда присутствуют юмористические вставки в виде отдельных эпизодов,

сцен, образов и т.п. Разумеется, это встречается и в литературе других стран.

Но для американской литературы это особенно характерно. На тесное единство сатиры и юмора в США уже давно обратила внимание критика. Х. Томпсон и Г. Кэнби в статье о юморе в «Литературной истории США» (1955) пишут: «...Юмор и сатира нераздельны там, где изображается человеческий характер, сформированный нашим обществом» [1, с. 306]. Точки зрения, что американский юмор всегда нес в себе сатирические тенденции, придерживаются и русскоязычные исследователи [2]. Такая взаимосвязь юмора и сатиры создает особый колорит художественному произведению, возможны многочисленные взаимопереходы, юмор незаметно перерастает в сатиру и наоборот. Иногда эти переходы видны ясно, они контрастны. Но иногда эти переходы осуществляются незаметно и в этом случае очень трудно определить, где кончается юмор и начинается сатира. Результатом этой взаимосвязи становится высокохудожественный образ, созданный своеобразно, специфично. Перед авторами раскрываются богатые возможности, предоставляемые буйной комической образностью. Американский сатирик никогда такой возможности не упускает.

Американская комическая литература имеет свои неповторимые национальные особенности, отличающие ее от литературы других стран. Этому вопросу посвящено множество исследований американских филологов, из которых самые известные – это работы К. Рорк «Американский юмор. Исследование национального характера» (1931), «Взлет и падение американского юмора» (1968) Д. Бира и др. [3; 4]. Из российских исследований в этой области следует отметить труды М. Мендельсона [5; 6].

Несмотря на то, что США – многонациональная страна, что ее развитие происходило неравномерно, различия среди отдельных народностей продолжают оставаться, критики, тем не менее, пользуются понятием «американский юмор», хотя и избегают слишком широких определений. Речь обычно идет о необузданном в образности и вольности в отношении языка юморе «дикого Запада», утонченном книжном юморе востока,

юморе негров, евреев и т.д. Кроме того, критики совершенно справедливо отмечают различия в характере американского юмора в различные исторические периоды. В современных условиях, когда культура США становится общенациональной, отдельные черты американского юмора рассматриваются как общеамериканские.

Разумеется, влияние раннего американского юмора на сатирическую литературу прошлого было более непосредственным. Сейчас «фронтир» исчез, страна давно объединилась, ее культура, пройдя долгий путь развития, впитала в себя черты разных эпох и народов. Тем не менее, фольклорные традиции с тех далеких времен дошли до наших дней и в современном американском сатирическом романе их можно обнаружить. Конечно, не в каждом произведении они различимы, но если взять сатирический роман как жанр и внимательно присмотреться к его лучшим образцам – традиции фольклорного юмора становятся очевидными.

Взаимодействие сатиры и юмора в рамках сатирического жанра может осуществляться по-разному, во-первых, юмор может быть введен непосредственно. Он может быть просто составным элементом внутри сатирического в целом произведения. Во-вторых, сатира может принять на себя характерные черты фольклорного юмора, уподобляясь ему в общих принципах подхода к действительности, способах ее отражения. И, наконец, сатира может не просто заимствовать черты и свойства юмора, но сатирический образ может быть построен по конкретному образцу и подобию фольклорного юмористического образа.

Примерами могут служить многочисленные юмористические эпизоды в «Уловке-22» Д. Хеллера [7], романе, в котором влияние фольклорного юмора совершенно очевидно. В частности, явно чувствуется традиция устных народных рассказов-«небылиц» (tall-tale). Быстрая карусель событий, неожиданные повороты в сюжете, смена акцентов, откровенная фантастичность происходящего, неудержимая фантазия автора-рассказчика – все это заставляет вспомнить фольклорные «небылицы».

Юмористический элемент, введенный в сатирический жанр, находится количественно и качественно в подчинении у сатиры. Он играет второстепенную, но очень важную роль. Он дополняет сатиру, контрастирует с ней, помогая автору донести его идею до читателя.

Второй вариант взаимодействия фольклорного юмора и современной американской сатиры – это присвоение сатирой характерных черт этого юмора. Критики уже давно занимаются определением типичных свойств американского юмора и их анализом. Их концепции иногда спорны, противоречивы, но в целом национальная специфика юмора в США признается всеми.

Неоспоримым свойством американского фольклорного юмора является его подчеркнутая гиперболичность, «экстравагантность». Конечно, сильное преувеличение, сверхфантастика, яркая образность встречаются в юморе других стран. Но для американского юмора, формировавшегося в особых условиях, они были особенно подходящими и стали его традиционными свойствами. Эти свойства перешли из фольклора в комическую литературу США, стали ее непременным атрибутом. Сейчас, несмотря на то, что «фронтир» давно стал достоянием истории, сатира США по-прежнему несет на себе заметную печать этой «фронтальной экстравагантности».

Самый характерный тому пример опять же «Уловка-22» Д. Хеллера. Это произведение почти полностью написано в духе традиционного гиперболизма. Фантазия автора неукротима. Одно преувеличение следует за другим, один удивительный образ или фантастическая ситуация сменяется другой. Это не просто сатирическое преувеличение (всякая сатира что-то преувеличивает). Это особая художественная структура произведения, источники которой видятся в ошеломляющей фантазии «фронта».

Хеллер использует крайней степени оглушение персонажа, оглушение фантастическое. Фантастика лежит в основе многих сюжетных поворотов, ситуаций, характеров. В духе «дикого» грохочущего юмора определены черты многих действующих персонажей. Например, Хэвермейер, по ночам мешающий сво-

им товарищам спать стрельбой по мышам из крупнокалиберного пистолета, причем калибр – факт, доказывающий гиперболизм даже в деталях. Таких примеров в современном американском сатирическом романе можно найти много.

В современной сатире США можно обнаружить и другую характерную черту традиционного юмора – определенного рода «грубость» (Д. Бир). Это означает, что в американском фольклоре, а затем и в литературе часто в комическом ракурсе подавались драки, истязания, избияния людей, а иногда даже убийство. Юмористически описывались лужи крови, сломанные кости и т.п. Классический тому пример – известный рассказ Огастеса Лонгстрита «Драка».

Нельзя сказать, что послевоенная американская сатира насыщена подобными сценами, но они есть, причем «грубость» служит конкретным сатирическим целям.

С сатирическими целями использует традиции фольклорной «грубости» Д. Хеллер и Р. Ларднер-мл. У Хеллера летчик Макуотт летает так низко над пляжем, что винтом самолета разрывает на куски своего сослуживца. Комически обшаривается столкновение двух самолетов, в котором погибает более десяти человек. Все это делается с целью подчеркнуть абсурдность всего происходящего. В этой связи «грубость», «черный юмор» вполне оправданы, так как грубой и варварской предстает сама действительность. Для сравнения у того же Хеллера можно обнаружить чисто юмористическую «грубость»: сцена, когда герой романа Йоссариан, замотанный в бинты, разыгрывает из себя раненного итальянского летчика (уже к этому времени умершего) перед глазами его страдающих родственников. Эта сцена, явно написанная в традициях фольклорного трюкачества (*trickery*), наполнена излишней жестокостью. Поступок героя ничем не мотивирован, кроме желания развлечься. На наш взгляд, в данном случае обращение к юмористическим традициям неудачно, так как противоречит общему гуманистическому звучанию романа.

Думается, что фольклорные комические традиции будут и дальнейшем оставаться жизненными для американской литературы, составлять ее важное и характерное свойство.

Литература

1. *Литературная история США*. М.: Прогресс, 1978. Т. 2.
2. *Самохвалов Н.* Американская литература XIX в. М.: Высшая школа, 1964.
3. *Rourke C.* American Humor. A study of the National Character. N.Y.: A Doubleday Anchor Book, 1955.
4. *Bier J.* The Rise and Fall of American Humor. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
5. *Мендельсон М.* Американский сатирическая проза XX в. М.: Наука, 1972.
6. *Мендельсон М.* Роман США сегодня. М.: Сов. писатель, 1977.
7. *Хеллер Д.* Уловка-22. М.: Воениздат, 1967.

М. В. Никифорова

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

К вопросу о понятиях языковой и вторичной языковой личности в контексте современной антропоцентрической научной парадигмы

Смена научной парадигмы в гуманитарном знании во второй половине XX в. – так называемый антропологический поворот – приводит к актуализации вопроса связи человека и языка. Центральным понятием современной лингвистической науки становится понятие языковой личности, позволяющее рассматривать язык не в качестве статической системы, а с точки зрения его отражения в сознании и речевой деятельности носителей языка.

Термин «языковая личность» впервые был применен Й. Л. Вайсгербером в работе «Родной язык и формирование духа» (1927). Й. Л. Вайсгербер пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет

языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [3, с. 81].

В отечественной лингвистике термин был впервые употреблен В. В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930). В. В. Виноградов применяет понятие языковой личности при анализе различных типов текстов художественной литературы. Ученый отмечает, что «исследование индивидуального стиля автора, его места и функции в системе литературы определенного времени, соотношения с другими стилями дает возможность представить автора как языковую личность – личность, выраженную в языке и через язык, которую можно воссоздать на основе используемых ею языковых средств» [4, с. 24].

В широкий научный обиход термин «языковая личность» вошел после выхода в свет книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987). Под языковой личностью Ю. Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [6, с. 245]. Ю. Н. Караулов предлагает трехуровневую модель языковой личности, которая «включает: а) характеристику вербально-семантического уровня ее организации; б) реконструкцию языковой картины мира, или тезауруса данной личности (характеристику когнитивного уровня); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в дискурсе (характеристику мотивационного уровня)» [там же, с. 43]. Такое описание дает возможность выявить философско-мировоззренческие предпосылки, этнонациональные особенности, социальные характеристики и историко-культурные истоки языковой личности [там же].

В русле антропоцентрического подхода обостряется интерес к изучению феномена языковой личности и с позиций других гуманитарных дисциплин. Так, глубокое теоретическое обоснование проблема языковой личности получает в трудах

отечественного лингвиста и психолога Г. И. Богина «Современная лингводидактика» (1980) и «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов» (1984). Анализируя языковую личность с позиций лингводидактики, Г. И. Богин дает ей следующее определение: «...языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые произведения. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2, с. 3]. Выделяя два основных признака языковой личности – языковую способность и коммуникативную (речевую) компетенцию, Г. И. Богин отмечает, что «человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид должен еще стать ею» [там же].

Логическим следствием развития концепции языковой личности в целом и в лингводидактике в частности явилось понятие вторичной языковой личности, под которой понимается «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне» [7, с. 86]. Названный термин впервые был использован в работах И. И. Халеевой, которая отмечает, что, «переводя язык в статус „не-чужого“, мы ставим задачу формирования в профессиональном лингвисте черт вторичной языковой личности, способной проникать в „дух“ изучаемого языка, в „плоть“ культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация» [9, с. 278]. Ориентируясь на структурно-функциональную модель языковой личности, разработанную Ю. Н. Карауловым, И. И. Халеева предлагает модель вторичной языковой личности, в которой первый уровень образуют две тезаурусные сферы: тезаурус I и тезаурус II. Второй предполагает формирование вторичного когнитивного сознания. Представляется чрезвычайно важным следующее замечание И. И. Халеевой: формирование вторичной языковой личности «самым тесным образом связано с привитием учащемуся особой перцептивной способности постигать иную ментальность, иную стратегию и тактику жизни, а значит, иной

способ осмысления информации, затрагивающий любые стороны этой жизни» [там же].

Вслед за И. И. Халеевой другие исследователи также подчеркивают, что изучение иностранного языка само по себе не может обеспечить автоматического формирования вторичной языковой личности. Так, Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез отмечают, что «результат обучения учащихся неродным языкам не может и не должен сводиться только к овладению лингвистической компетенцией, равно как и умениями пользоваться различными формами и способами речевой деятельности... Овладевая языком, человек усваивает комплекс неких экстралингвистических, социокультурных знаний, навыков и умений, характеризующих конкретного инофона как представителя определенного лингвоэтносоциума» [5, с. 23–24].

Представляется интересным также замечание Е. В. Потемкиной, которая, занимаясь вопросами методов формирования вторичной языковой личности в процессе обучения русскому языку как иностранному, отмечает, что «обучающемуся в ходе изучения иностранного языка открывается новая картина мира, соответственно, его сознание „удваивается“. Этот процесс происходит на базе родной языковой картины мира, поэтому новая картина мира накладывается на уже имеющуюся и не существует независимо от нее, иначе нам бы пришлось говорить о „раздвоении“ личности. Термин вторичный, таким образом, подчеркивает иерархию личностей внутри одного индивида» [8, с. 223].

На современном этапе развития лингводидактической мысли формирование языковой личности (как аутентичной, так и вторичной) считается глобальной целью языкового образования и критерием эффективности этого образования. Педагоги и психологи, занимающиеся вопросами формирования вторичной языковой личности, сегодня говорят не просто об обучении иностранному языку, а о взаимообусловленном обучении иностранному языку и иностранной лингвокультуре, при этом происходит смещение акцента с исключительно прагматических задач в овладении иностранным языком, когда последний понимается лишь как некая утилитарная ценность, – на формиро-

вание у обучающихся способности к постижению иного менталитета, иной идеологии, иной картины мира. Другими словами, современное языковое образование направлено не только на формирование и развитие у обучающихся способности практически пользоваться языком в различных коммуникативных ситуациях (т.е. развитие коммуникативно-речевой компетенции), но и на приобщение обучающихся к иному (национально-культурному) образу сознания, иной языковой картине мира. В этой связи, как отмечают Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, было бы правильнее говорить о языковом образовании в рассматриваемом аспекте как о лингвокультурном образовании [5, с. 13].

Представляется, что в современном мире, охваченном процессом тотальной глобализации, который, с одной стороны, нацелен на расширение политико-экономических и социально-культурных связей на уровне государств и континентов, на увеличение мобильности населения земного шара, а с другой стороны, вызывает рост национального самосознания, усиление национальных настроений, распространение межэтнических и межконфессиональных конфликтов, – такое понимание цели языкового образования полностью соответствует принципам и тенденциям гуманитарного образования в целом. Приобщение обучающихся к образу мира другого лингвокультурного сообщества, формирование «транскультурного сознания» [7, с. 88] как глобальная цель языкового образования неразрывно связаны с развитием у обучающихся таких качеств, как расовая, этническая, религиозная и социально-культурная терпимость, которые призваны стать залогом успешного, бесконфликтного общения как на внутри-, так и на межнациональном уровне.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о содержании и функционировании понятий языковая и вторичная языковая личность в контексте антропоцентрической парадигмы, детерминирующей развитие современной гуманитарной науки, еще раз отметим следующее. Большинство исследователей рассматривают языковую личность (как аутентичную, так и вторичную) как некую многослойную структурно-функциональную целостность, для которой свойственно не только владение (и овладе-

ние) вербально-семантическим кодом языка и определенными поведенческими нормами и стереотипами, но и сформированное когнитивное сознание, обуславливающее ее способность как к культурно-этнической самоидентификации, так и к пониманию иной ментальности и иной лингвокультуры.

Литература

1. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.
2. *Богин Г. И.* Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
3. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа: пер. с нем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
4. *Виноградов В. В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 53–175.
5. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв., ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
7. *Кострица Е. И., Петрова И. В.* К вопросу о межкультурной компетенции вторичной языковой личности: лингводидактический аспект // Вестник ЗабГУ. 2011. № 11. С. 85–90.
8. *Потёмкина Е. В.* К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 215–224.
9. *Халеева И. И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова, 1995. С. 277–286.

А. В. Осипова

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

**Механизм страха и отрицания смерти
в детском сознании
в рассказе Т. Толстой «Свидание с птицей»**

Тема смерти, ее осознание и страх перед ней всегда имели место в русской литературе. Человечество издревле притягивало темное, беспокоящее предчувствие, притаившееся на краю сознания каждого. Эту тему не обходит стороной ни один писатель, музыкант, художник. У каждого творца она звучит по-своему. Своеобразным образом ее показывает Т. Толстая в своем рассказе «Свидание с птицей», переплетая тему детства и осознание «конца», который требует объяснения психологией ребенка.

С первых строк рассказа автор задает тон всему повествованию, которое нацелено на «закат» человеческой жизни: «На западе еще смутно белеет. И низко над садом, колыхнув вершины темных древесных холмов, проносится судорожный, печальный вздох: это умер день»¹. Любой эпизод в рассказе скрывает закодированную информацию о неизбежности приближающейся смерти, сопровождается яркостью и неординарностью детского воображения (таящее масло в тарелке с кашей – уходящая под воду Атлантида «ничего не пригодится, ничего не понадобится, никто не спасется»²).

Детское сознание дезадаптировано к проблеме потери близкого человека и прекращению самосуществования. Первые признаки нехорошего предчувствия по-детски объяснимы. Страх смерти, представляющейся в зооморфном облике «это птица Сирина, птица смерти. Ты ее бойся: задушит»³, ввергает Петю в ужас. Детское сознание сразу моделирует различные

¹ Толстая Т. Свидание с птицей. М.: Дрофа, 2002. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 14.

способы защиты от страшного зла «может быть, она знает какое-нибудь снадобье, петушиное слово против птицы Сирии? Но Тамилу печально качает головой: нет»¹.

Взрослый человек иррационально убежден в своей исключительности, в детстве это состояние особо остро. Фантазия Пети под действием страха работает удивительно ярко и красочно «всю ночь она летает над домом, царапается в окна, а под утро, найдя щелочку, забирается, тяжелая, на подоконник, на кровать, ходит пешком по одеялу ищет дедушку. Мама хватается черную страшную подушку, кричит, машет, гонит птицу Сирии... прогнала»². Предчувствие конца вызывает у ребенка экстремальное чувство неуверенности и незащищенности себя и близких, ощущение нарушения безопасности его мира «дедушке грозила опасность: забыли закрыть дверь, она так и стояла, разинутая, а птица Сирий пешком поднималась по скрипучим ступенькам, закрыв глаза»³.

В отличие от мистической птицы Сирий, трансформированный образ которой запечатлил в детском сознании рассказ Тамилу, в реальной жизни нечто опасное, противное и угрожающее несет собой персонаж дяди Бори. Возвращаясь домой из зачарованного жилья своей «странной приятельницы», в мир скучной и однообразной повседневности, Петя сталкивался с грубой и несносной силой непонятной ему еще тогда реальности в лице дяди, которого он искренне не любил и пытался в своих фантазиях изолировать от близких «Дядя Боря разогнал громким, оскорбительным смехом хрупкие тайны, вышвырнул сказочный сор... мы его не любим... пусть не лезет в душу»⁴. Подсознательно предчувствуя крах своей иллюзорной вымышленной жизни в волшебной стране с Тамилу, Петя пытается бороться с «драконом дядей Борей» – источником зла и жестокости, с ужасной птицей Сирий, которая имеет «на каждой ноге по шесть пальцев, кожистые, холодные, мускулистые, а лицо

¹ Толстая Т. Свидание с птицей. М.: Дрофа, 2002. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 13.

как у спящей девочки» и несет собой вечное забвение, утрату и тоску. Из последних сил пытается он защитить дедушку: «Не пускайте ее к дедушке, закройте плотнее окна, двери, зажгите лампу, давайте читать вслух! Но дедушка боится, смотрит в тревоге в окно, дышит тяжело, перебирает одеяло руками. Куу-гу! Куу-гу! Что тебе от нас надо, птица? Не трогай нашего дедушку!»¹.

Неизбежность судьбы, жестокая реальность, осознание лжи и разврата глазами ребенка заставляют взглянуть на мир после потери под иным углом, осознать, смириться, повзрослеть «привык, затих, полежал. Сверху капали капли. Мертвое озеро, мертвый лес; птицы свалились с деревьев и лежат кверху лапами; мертвый, пустой мир пропитан серой, глухой, сочащейся тоской. Всё ложь...»². Предрешенность всего земного, крушение идеалов, замкнутый круг человеческого существования подводит окончательный итог не только рассказу и дальнейшему мировоззрению Пети, но и декларирует о печальной и тоскливой участи всего живого «птица Сирии задушила дедушку. Никто не уберется от судьбы. Всё правда, мальчик. Всё так и есть»³.

Н. М. Петрухина

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Традиция-контекст Достоевского в системе мирового литературного процесса

К началу XXI в. назрела необходимость совершенствования системы научно-теоретических, историко-литературных и методологических направлений как целостной системы в современной науке о литературе. Тем более, что в последние годы в мировой науке наблюдается возрастающее внимание не только

¹ Толстая Т. Свидание с птицей. М.: Дрофа, 2002. С. 14.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 16.

к исследованию однонаправленных вопросов истории, теории и методики литературы, но и к синтетическому процессу обобщения этих вопросов, к разработке проблем, одновременно направленных на историко-литературное, теоретическое и методологическое изучение литературы в контексте общих и частных проблем межкультурной коммуникации.

Проблема межкультурной коммуникации в современной научной и образовательной парадигме актуализируется как следствие процессов глобализации и интеграции, предопределивших становление совершенно нового типа мышления, основанного на восприятии «свое через чужое» (М. Бахтин). Более того, говоря о маргинальном статусе современной культуры в целом, ряд исследователей напрямую связывают с этим и концептуализацию «диалога культур» как основы для научно-исследовательских структур в частности, так и для развития новационной парадигмы филологической науки в целом. С. И. Шарина, например, подчеркивает, что «понятие диалога культур стало чрезвычайно модным в современной реальности, причем в самых разных областях знаний – в культурологии, в искусствознании, в литературоведении как пограничной между искусствознанием и филологией области, в лингвистике, точнее, в тех ее разделах, которые связаны с проблемой „язык и культура“, а также в педагогике, связанной с обучением представителей этнических меньшинств или учащихся, составляющих многонациональные коллективы, и в школах, и в вузах» [1, с. 511].

Более того, такой подход позволяет учитывать и междисциплинарный аспект «диалога культур», который, по мнению А. П. Валицкой, определяет устремленность и культуры в целом и науки в частности «к полипарадигмальному (междисциплинарному) диалогу» [2, с. 9]. Именно такая методология во многом определяет основу для выстраивания «диалогической» взаимообусловленности научно-исследовательской работы по проблеме выявления логики и закономерностей развития литературного процесса XX в. в системе соотношения с традицией, «межлитературными» общностями и различными уровнями всемирной литературно-культурной системы. Творчество Ф. До-

стоевского в данном методологическом подходе выполняет одновременно функцию «рассредоточения (творчество крупного художника, не теряя самостоятельного художественного значения, растворяется в последующем художественном процесса [3, с. 43]) и «концентрации» (крупный художник интегрирует, поглощает творчество плеяды своих предшественников и современников [3, с. 44]).

В современном литературоведении проблема изучения компаративных и рецептивных аспектов творчества того или иного писателя в контекстуальном поле мировой литературы напрямую соотносится с формированием теории «диалога культур», поскольку только диалогически равноправные взаимодействия могут создать основу для творческой переработки или переосмысления традиции (и не свести взаимодействие к подражательству или эпигонству). Так, рассматривая специфику взаимодействия современной литературы с русской классической литературой, Ю. Борев исходит из доминантных аспектов концепции «диалога культур» и «культурной памяти», отмечая, что русская литература предстает в этом взаимодействии: «1) в своем реальном виде; 2) в том виде, в каком ее видит данное направление литературы XX в. (экзистенциализм, или критический реализм, или социалистический реализм и т.д.); 3) в том виде, в каком литература XIX в. сама себя осмысляла (в частности, в критических статьях и обзорах того времени); 4) в том виде, в котором литература XIX в. представляла себе идеал литературы» [3, с. 43]. В данном аспекте творчество Ф. Достоевского концентрирует доминантные тенденции и аспекты русской литературной традиции, в процессе творческого переосмысления центрирует их в авторской художественной картине мира и эстетической системе и затем рассредоточивает в форме фоновой традиции в рецептивном поле последующего русского и в целом мирового литературного процесса. В этой связи актуально утверждение современных учёных о би-интертекстуальной специфике литературных взаимодействий и обеспечивающих ключевое условие для развития «культурной памяти»: «В художественном процессе всё переплетено: нельзя встретить в чистом виде один тип влияния.

Научный же подход требует выявления типологии художественных взаимодействий. Эти взаимодействия имеют два „залога“: „страдательный“ (художник испытывает влияние) и „действительный“ (художник оказывает влияние), два класса: внутривидовой (например, внутрилитературные) и межвидовой (театр воздействует на живопись, музыка – на кино, кино – на литературу и телевидение). <...> Художественные взаимодействия наблюдаются на разных уровнях: отдельных произведений, отдельных художников, художественных течений, направлений и школ, наконец, на уровне целых литературных эпох» [3, с. 42–43]. Выстраивая рецептивное поле для исследования как уровня влияния русской и в целом мировой культурной традиции на формирование творческой концепции Ф. Достоевского, так и уровня влияния творчества Ф. Достоевского на эволюционное движение русского, западноевропейского и узбекского литературного процесса XX в., необходимо учитывать все выделенные аспекты художественных взаимодействий. Так, например, художественное взаимодействие на уровне творческой личности явно прослеживается в системе «влияние Достоевского на М. Булгакова (А. Камю, М. Зощенко, Д. Галковского)», на уровне направлений – реалистического направления и барочных тенденций на творчество Достоевского, и затем критический «реализм в высшем смысле» Достоевского на всю последующую реалистическую концепцию (особенно в русской и узбекской литературных традиций); на уровне собственно текстовой поэтики – влияние формы «полифонического романа» Достоевского на всю романную традицию мировой литературы XX в., которое нами рассматривается на примере «полифонический/идеологический роман Ф. Достоевского – роман А. Кадыри»; на уровне мировоззренческой константы – влияние «этического императива» Достоевского на нравственно-этическую парадигму авторских концепций Ж.-П. Сартра, У. Хамдама. И главный уровень влияния «художественная эпоха Ф. Достоевского – на мировую художественную эпоху XX в.» (можно рассмотреть систему соотношений Достоевского не только с XX в., но и с рядом писателей XIX в.

(Н. Гоголь, А. Чехов), соотносимых с понятием «русская художественная эпоха пост-Достоевского».

Только такой подход позволит выявить все возможные открытые/опосредованные/подтекстовые уровни влияния Ф. Достоевского на мировую литературную традицию XX в., определить функциональную роль творчества писателя в развитии его доминантных тенденций, направлений, жанровых форм, образов и художественных концепций и идентифицировать специфику формирования традиции-контекста Достоевского в системе мирового литературного процесса.

Следует отметить, что реализованность традиции может проявлять себя в литературе в системе прямых/цитатных вкраплений в «чужой» текст как собственно-эстетических структур, так и непосредственно идейно/идеологических явлений (концепций, теорий, собственно идей). Но наиболее интересно традиция функционирует как «фоновая» традиция, которая эксплицитно в тексте произведения не выражена, но выявляет уровень его новаторства). Наиболее открытой и проявленной в тексте становится «цитатная» традиция, которая может быть презентуема на уровне реминисценций, прямых и скрытых цитат, интертекстуальных/метатекстуальных/паратекстуальных/гипертекстуальных/архитекстуальных конкретное форм соотношения традиции и новаторства. И инвариантом литературного фона. В современной научной парадигме данные связи обозначаются как межтекстовые и составляют сферу интересов филологической компаративистики. В связи с чем вполне логично рассматривать методы рецептивной эстетики и методы сравнительного изучения литературы в прямой соотнесённости, поскольку категориальный аппарат их совпадает в системе доминантных категорий – «мировой литературный процесс», «диалог культур», «традиция», «рецепция» и т.д.

Методология рецептивного анализа различных литературных явлений в системе «межлитературных» и шире, «межкультурных» коммуникаций – одна из перспективных линий современного сравнительного изучения литературных связей, которая достаточно активно может быть включена в методологические

схемы историко-литературных, герменевтических, концептуальных, комплексных и других исследовательских филологических стратегий.

Литература

1. *Шарина С. И.* Понятие «диалог культур» и образовательный процесс // *Инновации и образование: сб. материалов конференции. Серия «Symposium», вып. 29.* СПб., 2003.

2. *Валицкая А. П.* Как возможна общая теория образования, или о междисциплинарном статусе понятия «диалог» // *Диалог в образовании: сб. материалов конференции.* СПб., 2000.

3. *Теория литературы.* М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Т. IV: Литературный процесс.

И. В. Родина

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Особенности рецепции религиозных образов и мотивов в рассказе Г. Петрова «Побочная ветвь»

Под художественной рецепцией в литературоведении понимается восприятие читателем художественного текста. Критик Н. Н. Летина отмечает, что рецепция – «эпизодическое... сознательное заимствование идей, материалов, мотивов, берущихся за образец, с целью поставить его на службу собственным эстетическим, этическим, политическим и др. интересам» [3, с. 295]. Н. Н. Левакин определяет рецепцию как «культуросообразное обращение к признанному классическим наследию с целью культурного освоения, восприятия», указывая, что «в основе рецепции всегда лежат конструктивные принципы «пересоздания» и «воссоздания» [2, с. 310]. Согласно В. М. Жирмунскому «пересоздание» представляет собой «...новое творчество из старых материалов» [1, с. 5]. Отдельные критики отмечают схожесть понятия рецепции с понятием «интерпретация». Однако в отличие от второй, рецепция подразумевает «перевос-

создание на основе ранее обдуманного, прочитанного или увиденного» [2, с. 309].

Таким образом, художественная рецепция – восприятие и перевоссоздание на основе воспринятого (прочитанного, пережитого, увиденного, осознанного) собственных текстов (мыслей, идей, впечатлений, картин). В современной литературе широко представлена религиозная рецепция, особенно среди писателей, работающих в жанре так называемой «религиозной прозы»¹. Наследуя традиции русских классиков, писатели современной религиозной прозы своим творчеством обозначили возврат к синтетическому искусству, слиянию религиозных, для русской культуры – православных, и общественных идеалов. Направленность такой прозы определилась достаточно четко по нескольким направлениям: дидактико-просветительская, знакомящая с бытом и обычаями церкви; этико-философская, толкующая положения и смысл Библейских сказаний и образов; экзистенциальная, показывающая религиозность как неотъемлемое качество русского характера и в связи с этим – путь от неверия к Вере.

Рассказ Г. Петрова «Побочная ветвь», как и раз можно отнести к такому жанровой форме. Как и другие произведения данного писателя, этот рассказ развивает христианскую идею Божьего Промысла в жизни человека: «будто кто помогает», которая реализуется сквозь призму образа одной из самых любимых святых на Руси – Ксении Петербургской, которая появляется перед героями рассказа как предвестница жизненных перемен.

¹ Именно в рамках произведений религиозной прозы представлено в современной русской литературе художественно-нравственное осмысление новых духовно-эстетических «моделей богоискательства», актуализирующих не только в художественном сознании, но и в современной культурологии в целом и новый взгляд на концептообразующий комплекс проблем «Бог – бытие – человек», анализ которого позволит выявить специфику эволюции духовно-культурологического сознания «кризисной» эпохи XX в. Условность названия «религиозная проза» в реалиях современного литературного процесса очевидна и составляет одну из ключевых сложностей в установлении направленных координат данного явления в современном литературоведении.

В художественной рецепции данного образа автор исходит из традиционной для православной традиции биографии Блаженной Ксении. Народное предание гласит, что она жила в XVIII в., в двадцать шесть лет осталась вдовой, взяла на себя самый трудный христианский подвиг – юродство, отказалась от земных материальных благ, подвигнув себя на страдания во имя Христа. Образ Ксении Петербургской являет в рассказе абсолют христианской всеобъемлющей любви. Автор почти по-житийному воспроизводит наиболее известные из творимых ею чудес, чтобы еще раз напомнить о нерасторжимой связи предшествующих и последующих поколений, о тонком взаимодействии мира Небесного и мира земного, о необходимости верить в Чудо как проявление воли Высшей силы. В рассказе реалистически переплетены два временных пласта – прошлое и настоящее. И это не случайно. Идея юродства находит в рассказе свое продолжение в образе Ксаны нашей современницы, одаренной поэтессы, вынужденной влачить жалкое существование. Стихи ее, выбивающиеся своей поэтической манерой из официально разрешенной поэзии, не печатаются, хотя критики и признают их несомненное художественное достоинство: «– Чудесно! – Что за стихи! Чудо, да и только! Даже непонятно, откуда что берется» [5]. Но сама она, образ ее жизни для официальной критики не очень соотносится с образом поэта достойного внимания. Ей абсолютно чуждо стремление к славе, комфорту, материальным благам. Она готова «ночевать под росялем, спать на полу», «жить в ванне», главное, чтобы у нее была хоть малейшая возможность писать стихи. Не зря в разговоре один их редакторов журнала отмечает, что она «Все-таки она, извините, идиотка. Поймите меня правильно. Я в самом высоком значении. Как у Достоевского. Согласитесь, это не то же, что в кухонной ссоре» [5]. На что получает ответ своего собеседника: «Обыкновенная юродивая, как все настоящие поэты» [5].

Таким образом, талант, одаренность соотносится у Г. Петрова с понятием юродивого, гонимого обществом то есть, в этом смысле, автор, несомненно, наследует русскую литературную

традицию. Вспомним хотя бы «Пророка» М. Ю. Лермонтова, в котором поэт, непонятый обществом, бежавший от людей в мир природы, – «наг и беден // как презирают все его!» [4].

При жизни Ксана так и не получает признания, но вот после своей смерти у нее появляются бесчисленные почитатели, которые, как это обычно принято, много и хорошо говорят о ней на вечере памяти, посвященном шестидесятилетию со дня ее рождения: «Мы не оценили Ксюшу по-настоящему, – сказал он. – Любили ее, жалели, но цену ей не знали. Все мы жили скудно. Но у каждого все-таки были дом, обед, постель. А у нее что? И только теперь я понял, что она не могла бы жить по-другому. Ибо она – истинный поэт. Благополучная и устроенная жизнь не для нее». Таким образом, величие ее таланта, становится для окружающих очевидным только после смерти поэтессы. Мысль о том, что настоящий поэт – это всегда мученик, отдающий всего себя людям и творчеству, соотносится в рассказе с мыслью о необходимости любви к ближнему. «Люби ближних своих. Когда я вижу доброго человека, я радуюсь больше всего. Коли ты вправду жалеешь меня – не делай никому зла. Только злоба людская мучит меня» – говорит ей Блаженная в очередном ведении. Но Ксана по-другому и не умеет. Духовно Ксана выше окружающих, она способна на сострадание, но, самое главное ее качество, – способность по-детски непосредственно воспринимать действительность, верить не в случайность всех совпадений. Эта вера в чудесное и помогала ей на протяжении всей жизни.

Линию юродивых продолжает в рассказе и полубезумный муж Ксаны – Афанасий Андреевич, который под конец своей жизни, после смерти жены, получает дар пророка. «Ищите родственности между предметами. Привыкайте решать задачи» – говорит он, будто намекая на неслучайность собственного имени. Его отчество и дар провидения отсылает нас все к той же Блаженной Ксении. Перед нами не просто юродивый – это уже пророк, призванный нести людям истину, учить их правильно воспринимать окружающие законы бытия. Его слова часто звучат как проповедь и как приговор одновременно. Так, Кирюше,

своему с Ксаной сыну он говорит, протягивая горсть обгорелых спичек: «Храни. Здесь десять заповедей. Сколько сохранишь, столько и получишь...». Символическое звучание получает и подаренный Кириюше старцем крест который в контексте всего рассказа имеет многозначное звучание – знак защиты, дара, а в конечном счете, знак судьбы.

Таким образом, религиозная рецепция в данном произведении прослеживается на: образном уровне, отсылая нас к реально существовавшей личности – Ксении Григорьевне Петровне, в юродстве прозванной Ксенией Петербургской, возведенной христианской церковью в лик святых, образ которой соотносится с образом Ксаны в рассказе; на сюжетном уровне – через описания страданий Ксаны; и, в конечном счете, на уровне художественной традиции – писатель Г. Петров наделяет свою героиню Ксану характерными для образа юродивого в русской литературе чертами: не стяжание благ земных, отказ от материальных ценностей, смирение пред судьбой, любовь к ближнему, верность Слову, истине, соотносимые, в конечном счете, с христианской традицией.

Литература

1. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979.
2. *Левакин Н. Н.* Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина). // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 309–310.
3. *Летина Н. Н.* Теоретические основания рецепции в провинциальном искусстве // Регионология. 2008. № 3. С. 295–302.
4. *Лермонтов М. Ю.* Пророк. URL: <https://ilibrary.ru/text/1042/p.1/index.html> (дата обращения: 08.02.2019).
5. *Петров Г.* Побочная ветвь // Октябрь. 2000 № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2000/10/petro.html> (дата обращения: 10.02.2019).

СЕКЦИЯ III

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Н. М. Гагарина

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Об особенностях изучения русского языка как иностранного

«Для любого человека, на каком бы языке он ни говорил, есть в другом языке что-то трудное и что-то легкое. Нет языка, который был бы одинаково легким или одинаково трудным для всех. <...> Нет вообще трудных и вообще легких языков, как нет языков интересных и неинтересных» [2]. Трудно ли учить русский язык? Несомненно, да. Если спросить об этом иностранцев, которые изучают его, то русский язык очень сложен (следует сразу оговориться: несмотря на сложность в изучении языка, с каждым годом количество желающих научиться говорить и писать на русском языке становится все больше).

В каких отношениях находятся единицы языка в системе языка и в потоке речи? Различные грамматические формы слова – *стол, стола, столу* и т.д. – составляют друг с другом систему, которую называют системой падежей, а все звуки составляют систему, называемую звуковой или фонологической системой. Различие между звуками разных языков заключается в том, в каких взаимоотношениях они находятся. В русском языке все согласные делятся на твердые и мягкие, а в английском, французском, немецком языках такого противопоставления нет. Русскоговорящий в процессе речи бессознательно контролирует се-

бя, чтобы не сказать *столь* вместо *стол*. Различаются и правила строения слова. Такой слог, как *вспять*, совершенно невозможен в некоторых других языках. В полинезийских языках островов Океании невозможен потому, что там вообще не бывает слогов, оканчивающихся на согласный. Во вьетнамском языке – потому, что слог в этом языке никогда не начинается с нескольких согласных и не может кончаться ни на один согласный, кроме носовых

Склонение существительных, прилагательных и числительных (в английском они вообще не склоняются) представляет для англоязычных студентов большую трудность. Особенно если учесть, что падежи – это тема, которую нельзя отложить на потом, ее нужно изучать практически с первых занятий. С другой стороны, англичанин находит относительно простым русский синтаксис, а также подмечает, что в русском языке нет, к примеру, трудностей фонетики, присущих китайскому.

Англичане, изучающие русский язык ожидают, что он будет во всем отличаться от английского, но некоторые сходства их приятно удивляют! [4]. Например, в английском используется выражение «I'm afraid» в двух разных значениях, совершенно не связанных между собой. Они говорят «I'm afraid», когда происходит что-то страшное, и говорят «I'm afraid» в значении «мне жаль это говорить». Англичане к своему удивлению обнаруживают, что по-русски «я боюсь» используется в таких же значениях! То же касается слова «better» и «лучше», и в английском, и в русском это что-то превосходящее качеством или рекомендация «You'd better start jogging more!» (тебе лучше начать больше бегать). Если в английском языке для обозначения статуса, положения вещей или состояния необходимо использовать формы глагола «быть, являться»: «am», «is», «are» и артикли «a/an», «the», то передать тот же смысл в русском языке легче. Для сравнения: «I am a writer» и «Я писатель».

Отдельно о длинных сочетаниях согласных. Англоязычному студенту сложно выговорить «здравствуйте», «поздравляю», «звездный», «с днем рождения» и даже коротенькое «для» из-за нескольких согласных подряд (-здр-, -ств-, -здн-).

Русскоговорящие же студенты не сразу примиряются с тем, что в английском, немецком и французском гораздо больше временных форм глагола. А иностранные студенты с трудом справляются с различиями между формами *прыгать, попрыгать, прыгнуть, допрыгнуть, выпрыгнуть* и *перепрыгнуть...* [2].

Однако, для носителей русского языка, английский имеет одну приятную особенность – грамматику английского языка на базовом уровне освоить достаточно просто, не нужно заучивать множество падежных окончаний.

Изучение шести падежей – тяжёлое испытание для иностранца, который еще не подозревает, что падежные окончания меняются не только в самих существительных, но и прилагательных, которые их характеризуют. И даже знание этих самых шести падежей русского языка не гарантирует успех! В действительности, те формы, которые используются в повседневной речи, не укладываются в эти шесть падежей [1].

Проанализировав примеры, приведенные ниже, приходится с этим согласиться. Это помогает понять, насколько сложно это дается обучающемуся.

Звательный падеж. В современном русском языке мы обращаемся *мам, пап, Ань, Наташ*. Мы либо обрезаем окончания, либо их добавляем мягкий знак.

Местный падеж. Обычно употребляется с предлогами *при, в, на*. Характеризующий вопрос: где? при чем? на чем? – *в лесу* (не *в лесе*), *на шкафу* (не *на шкафе*), *при полку* (не *при полке*).

Разделительный падеж. Образуется как производное от родительного падежа: *налить кефира* (*выпить кефиру*), *лежит головка чеснока* (*съесть чесноку*), *сделать глоток чая* (*напиться чаю*).

Счетный падеж – встречается в словосочетаниях с числительным: *два часа* (не *прошло и часа*), *сделать три шага* (не *шага*).

Отложительный падеж – определяет исходную точку передвижения: *из лесу, из дому*. Существительное становится безударным: *я из лесу вышел; был сильный мороз*.

Лишительный падеж – используется исключительно с глаголами отрицания: не хочу знать правды (не правду), не может иметь права (не право).

Количественно-отделительный падеж – похож на родительный падеж, но имеет отличия: *чаши́ка чаю* (вместо *чая*), *зада́ть жару* (вместо *жара*), *прибави́ть ходу* (вместо *прибави́ть ход*).

Ждательный падеж – Он же родительно-винительный падеж: *жда́ть* (кого? чего?) *пи́сьма* (не письмо); *жда́ть* (кого? что?) *маму* (не мамы); *жда́ть у моря погоды* (не погоду).

Превратительный (он же включительный) падеж. Производное от винительного падежа (в кого? во что?). Применяется исключительно в оборотах речи наподобие: *пойти в летчики*, *баллотироваться в депутаты*, *взять в жены*, *годиться в сыновья*. Для простоты изучения говорят не о разных падежах, а о разных окончаниях [2].

Иностранцы признаются, что русская грамматика – это не самое сложное при изучении языка. Для них самое сложное – само восприятие речи! Аргентинцы считают его просто набором согласных звуков, немцы – пулеметной очередью с повторяющимися «др», «бр», «тр», «кр». Вьетнамцы слышат мешанину шипящих и цокающих звуков, а скандинавы – сочетанием таких букв, как «ш», «х» и «р». Для некоторых европейских жителей она представляется грубой, а для жителей Южной Америки и некоторых стран Юго-Восточной Азии, наоборот, мелодичной. Некоторые иностранцы утверждают, что русский язык еще и очень жесткий. Разговор двух наших соотечественников зачастую воспринимается ими как бесконечная ругань. Американцам кажется, что русская речь звучит, словно обратное воспроизведение. Также они считают, что русские говорят очень быстро.

Для большинства иностранцев настоящим камнем преткновения оказывается буква «ы», которую никто не способен произнести правильно. Мягкий и твердый знаки вообще считаются чем-то из ряда вон выходящим, а разницы между «ш» и «щ» они не видят.

Для восприятия высказывания важно понять, где кончается одно слово и начинается другое. Должен быть способ отметить границу слова [2].

Самый простой способ – это ставить ударение всегда в начале слова или в конце. Можно и на предпоследнем слоге. Границу между словами надо искать либо перед ударением, либо после него, либо через один слог после него. На первом слоге всегда стоит ударение, например, в чешском языке. На последнем слоге ударение в армянском языке. В польском языке ударение всегда на предпоследнем слоге. Когда польское слово склоняется, то ударение переходит на нужный слог.

В русском языке у ударения нет постоянного места: *ко́рочка, корóва, каравáй*. В таком неустойчивом ударении (подвижном) есть своя логика: разные формы одного и того же слова лучше отличаются друг от друга, особенно если они имеют одинаковые окончания, например, *травы* (что?) и *травы* (чего?), *озера* и *озера*, (*по*) *кругу* и (*в*) *кругу* [2].

Ошибки в русском ударении – одни из самых распространенных. Их делают даже те иностранцы, кто давно учит русский язык.

Из опыта преподавания русского языка китайским студентам можно отметить некоторые психологические и лингвистические особенности. (Е. А. Салимзаде). Китайским студентам тяжело переходить на чужой язык, особенно, когда они испытывают гордость за свой родной язык и древнюю культуру. Этот факт отмечают многие китаеведы. К примеру, арабам легче в этом отношении, так как у них не наблюдается такая закрытость. Им не так сложно переходить на чужой язык.

Очень часто из-за своей природной скромности (по крайней мере, у большинства) китайские студенты не отстаивают собственную точку зрения и не вступают в спор с преподавателем. Это мешает закреплению правильного варианта. Разговорная практика при изучении языка очень важна. Но если китайцы в России стараются держаться вместе и избегают общения с другими, им трудно заговорить на русском языке. Для китайцев очень важно дружелюбное отношение к ним преподавателя.

Это помогает им раскрыться. Китайские студенты пишут мало, записей в тетради меньше, чем у студентов из других стран. Развита визуальная память. Трудно даются задания по аудированию. Трудно дается анализ текста. Отстает логическая цепочка. Неуверенное различение на слух *-е, -ё, -ю, -я*. Долго сохраняется неправильное ударение в словах: *рЕка, рУка, лУна*.

У франкоговорящих студентов с базовым уровнем владения русским языком свои сложности: они пропускают окончания в словах: *красив, картин*, читают окончания слов случайным подбором (*большая стол*), не различают формы рода в падежах местоимений, например (*её и его*).

У каждого языка своя грамматика, поэтому нам так трудно выучить иностранный язык: нужно не только запомнить много слов, нужно еще понять законы, по которым они соединяются в предложения, а эти законы не похожи на те, которые действуют в нашем собственном языке.

Литература

1. *Fluent in 3 months*. What's it like to start learning a language? Lauren's 6 Week Update. URL: <https://www.fluentin3months.com/half-russian/> (дата обращения: 24.03.2019).

2. *15 надежей* русского языка, из них только шесть изучают в школе. URL: <https://vsegda-tvoj.livejournal.com/10146140.html> (дата обращения: 24.03.2019).

3. *Леонтьев А.* Путешествие по карте языков мира: научные увлечения. М.: Изд. дом Мещерякова, 2008.

4. *Плунгян В. А.* Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. М.: АСТ, 2010.

Б. А. Жигалев, Н. В. Макшанцева

Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород)

Технология освоения концептов русской культуры в процессе преподавания РКИ

Поиск новых способов, подходов, технологий обучения русскому языку, в том числе студентов иностранцев, в настоящее время связан с такими направлениями в лингвистике, как функционально-семантическое, когнитивное, культурологическое.

Любая технология, применяемая в образовательной практике как проект действия субъектов образовательной среды, строится на теоретической основе (подход/метод/концепция). В качестве методологических подходов к проектированию образовательной технологии мы определили следующие:

антропологический, связанный с назначением образования для человека;

гуманистический, основанный на мыслях, чувствах, эмоциях обучаемых, а также на когнитивных процессах, которые обеспечивают познание мира;

личностный, обуславливающий признание ценности интересов студента, его опыта как результата взаимодействия с миром;

культурологический, понимаемый как совокупность методологических приемов, обеспечивающих анализ любой сферы человеческой жизни и деятельности через призму культурологических понятий (культура, нормы, ценности, образ жизни и т.д.).

Не случайно в методике разработана концепция культурологического личностного образования, эпицентром которого является человек, познающий и творящий культуру путем диалогического общения, обмена мыслями [2, с. 211]. Культурологический подход по-разному представлен в лингвострановедческом (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. К. Миньяр-Белоручев и др.), в диалоге культур (Ю. Ю. Дешериева, Е. И. Пассов, В. В. Сафонова), коммуникативно-этнографическом (М. Вугат, С. Morgan), социокультурном (Е. М. Верещагин, В. Г. Костома-

ров, М. С. Каган и др.), лингвокультурологическом (И. А. Цатурова, В. В. Воробьев, В. М. Шаклеин), лингвоконцептоцентрическом (Н. Л. Мишатица, А. Г. Саяхова) подходах.

Особенным для культурологического подхода является то, что культура рассматривается как основное содержание обучения, наряду с языком. Культурный компонент в содержании обучения помогает ввести студентов в пространство иноязычной, в нашем случае – русской культуры, стимулируя их познавательную деятельность. Как отмечал Е. И. Пассов, отдельно языка и культуры не существует. Следовательно, «обучать мы должны не языку как таковому, а культуре, частью которой является язык» [8, с. 4].

Мы предлагаем в качестве теоретической основы предложенной технологии концептуальный подход, своеобразием которого является то, что он базируется на основных тенденциях высшего образования, а именно:

тенденции расширения поля языка не только как важнейшего средства общения, но и феномена духовной культуры;

тенденции интегрирования гуманитарных знаний в конкретной языковой ситуации, обусловленной текстом;

признании основополагающего принципа «человек в языке» и психолого-педагогических механизмов познавательной, когнитивной и коммуникативной деятельности языковой личности.

Концептуальный подход лежит в основе технологии освоения концептов русской культуры. Концепт не имеет точного и общепринятого определения. Это один из наименее однозначных дефинируемых терминов. Термин «концепт» понимается учеными по-разному и в зависимости от того, в какой сфере применяется. В лингвистике концепт – это, прежде всего, «оперативная содержательная единица мышления», или «квант структурированного знания», однако истолкование концепта в учебных целях предполагает и оперирование культурами, т.е. «вербализованными культурными смыслами» [4, с. 76].

Учитывая опыт оперирования языковыми единицами, отражающими этнокультурные ценности, мы понимаем концепт как функционирующую в тексте смыслосодержащую единицу со-

знания, получившую выражение в языке и обладающую устойчивой сетью ассоциаций, значимых для носителей данной культуры. Подчеркнем важность герменевтической составляющей концепта как интерпретатора смысла. Принципиально важно различие между значением и смыслом (впервые различие отмечено немецким логиком Г. Фреге) [9, с. 235]. Со значением связывают обозначение, со смыслом – способ, которым задается в языковом выражении значение. [3, с. 246]. Слова, употребляемые в коммуникации, в контексте – это многослойные единицы смысла. Как отмечал Л. С. Выготский, «слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значение. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла <...> Слово приобретает свой смысл только во фразе» [5, с. 370]. Смысл, бесспорно, возникает в ходе коммуникации. При осуществлении любого высказывания наблюдается сложная динамика между значением и смыслом, хотя одно не бывает без другого [6, с. 69]. Говорящий, употребляя слова, наделяет их жизненностью, которой они лишены до речевого акта, когда объективное содержание превращается в субъективное, т.е. в смысл. Если значение принадлежит языку, то смысл наличествует в речи. По глубокому наблюдению М. М. Бахтина, «нет ни первого ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту, и смыслы никогда не могут быть стабильными и навсегда завершенными (конечными). Они всегда будут обновляться... в процессе последующего (будущего) развития диалога». Поэтому, как отмечает ученый, у каждого смысла будет свой праздник возрождения [1, с. 393].

Для обучения русскому языку как иностранному особую значимость имеют культурные смыслы. Интерпретация культурных смыслов предполагает не только знание фактуальной информации о конкретной лингвокультуре, но и умение извлечь глубинные смыслы, которые стоят за единицами языка, реализуемыми в контексте.

Эту задачу возможно решить в ходе концептуального анализа, целью которого является постижение интегративной сущ-

ности концепта, приобретение знаний о концепте, дающих представление о русской языковой картине мира. Концептуальный анализ актуализирует смыслопоисковую образовательную среду. Для установления смыслового объема концепта предлагаются различные способы и приемы, использование которых зависит от типа концепта, его сложности, от целей его изучения, а также от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения.

Методическая интерпретация модели концептуального анализа предполагает применение следующих приемов:

установление предметной (денотативной) отнесенности. Концепт – это «понятие, погруженное в культуру» (Н. Д. Арутюнова);

обращение к этимологии, определение внутренней формы слова (ВФС), понимаемой как «зерно первосмысла» (В. Колесов). ВФС – этимологический след, который запечатлен в семантике слова;

словарные толкования лексемы, репрезентирующей концепт. В слове актуализируется центральная точка концепта. По мнению В. В. Колесова, концепт «исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» [7, с. 56];

установление деривационных связей слова;

выявление ассоциативной ауры в форме образно-метафорических коннотаций и прецедентных связей. Как показал опыт, ассоциативный эксперимент нужно проводить в два этапа (начало и результат обучения);

анализ контекстов употребления, сочетаемостных свойств слова;

определение символического компонента концепта, представляющего предмет (явление) в качестве знака национальной культуры, имеющий признак духовности;

осознание специфики ценностно-оценочного компонента концепта;

интерпретация концепта в литературе, живописи, музыке и т.д.

В качестве иллюстрации приводим фрагмент занятия по выявлению культурно обусловленных смыслов концепта «рябина». Проведенный в начале ассоциативный эксперимент проиллюстрировал ориентированность обучаемых в предметно-понятийном уровне концепта. После обращения к внутренней форме слова, установления деривационных связей лексемы, определении образного компонента структуры концепта (метафорический, метонимический перенос – «костер рябины красной», «одинокая женщина – «видно, сиротине, век одной качаться» и др.), выявление символического компонента, ценностно-оценочного компонента ассоциации содержательно стали значительно богаче и засверкали образами и красками русской культуры.

В результате применения учебных действий (технология погружения в ментальную среду) по освоению концепта «рябина» студенты содержательно расширили первое ассоциативное лексико-семантическое поле, охватывающее денотативную область (рис. 1). Семантическая единица была включена в эмоциональную сферу. Взаимопроникновение понятийной и эмоциональной составляющих привело к возникновению новых ассоциаций, которые охватывают ментально-эмоциональную сферу (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Технология освоения концептов направлена на погружение студентов в многомерное поле культуры, духовных ценностей и нравственных ориентиров. В результате применения совокупности приемов, направленных на выявление культурных смыслов, студенты эффективно овладевают русским языком, что

предполагает владение концептуальной картиной мира, отраженной в этом языке.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство 1984.
2. *Бондаревская Е. В.* Прогностическая роль потенции личностно ориентированного образования в развитии целостной педагогической теории. Цит. по: *Терминологический словарь методических терминов по иностранному языку.* М.: Флинта, 2014.
3. *Бочкарев А. Е.* Семантика: основной лексикон. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2014.
4. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // *Филологические науки.* 2005. № 4. С. 76–83.
5. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
6. *Зинченко В. П.* Система «культура» и культурная коммуникация // *Зинченко В. П., Зусман В. Г., Кирнозе З. И.* Межкультурная коммуникация. Н. Новгород, 2003. С. 69–70.
7. *Колесов В. В.* О логике логоса в сфере ментальности // *Мир русского слова.* М., 2000. Т. 2.
8. *Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / под ред. А. Л. Бердичевского.* М., 2011. С. 4.
9. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сб. тр. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

И. С. Львова, Д. Ю. Елькин

Ташкентский государственный педагогический университет,
Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Методы и формы обучения русскому языку в поликультурном образовательном пространстве

Система образования неразрывно связана с фундаментальными основами общественного устройства, его социально-экономической и политической организацией, с характером и доминирующей направленностью общественной жизни.

Глубокие структурные изменения, происходящие в общественной жизни нашей Республики, вызвали необходимость реформирования всех звеньев образования, обусловили переосмысление системы подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства.

Важную роль в совершенствовании образовательной системы играют процессы межкультурной коммуникации. Следовательно, особое внимание необходимо уделять изучению иностранных языков и культур, в том числе русского языка, как иностранного, что предполагает изменение целей и содержания иноязычного образования [1].

Одна из составляющих иноязычного образования – коммуникативная компетенция, отражающая системный характер обучения языку на культурологической основе.

Основной целью обучения русскому языку как иностранному является формирование необходимого для межкультурного общения уровня коммуникативной компетенции, которая способствует, как дальнейшему самообразованию студента, так и использованию полученных знаний для решения важных теоретических и практических задач [2; 7; 13].

Изучение русского языка на культурологической основе направлено, по нашему мнению, на развитие языковой и речевой компетенции, культурное обогащение в соответствии с «расширяющимся кругом культур», формирование диалога культур как необходимой формы коммуникации в современном мире. Содержание понятия «коммуникативная компетенция» отражает комплексную сущность обучения русскому языку и характеризуется как наличием определенных знаний, так и навыков их использования.

Изучение современной методической литературы подтверждает, что основу практического владения языком составляет лингвокультурологическая компетенция, включающая знания всех уровней изучаемого языка (фонетики, лексикологии, фразеологии, словообразования, морфологии, синтаксиса) и умения использовать эти знания рецептивно и продуктивно в определенном языковом контексте [10].

Развитие у студентов способности использовать русский язык как инструмент общения в контексте диалога культур соответствует требованиям современного общества, что позволяет нам определить задачу формирования лингвистической компетенции, как приоритетную на всех этапах «языкового» образования. В современных условиях обучение русскому языку (как иностранному), смещается в направлении все более ранних сроков его изучения. В психолого-педагогических исследованиях доказано, что период дошкольного детства является сензитивным для решения целого ряда образовательных задач и, в частности, для освоения иноязычной культуры [6]. Основное внимание исследователей уделено организационно-методическим вопросам и изучению отдельных сторон речевой деятельности, тогда как общепедагогическая проблема условий формирования лингвистической компетенции как сложной системы, обеспечивающей иноязычную коммуникацию и общекультурное развитие в целом, остается недостаточно изученной [11]. Причем внимание уделяется не только проблеме повышения эффективности преподавания русского языка в рамках определенной методической модели, но и последовательному развитию способности осознания мира, как единого целого, поэтому приобретает особую актуальность проблема изучения способностей к овладению русским языком как иностранным. Это обусловлено тем, что одной из важнейших закономерностей развития современного общества является расширение международных связей, сближение стран и народов, усиление и интеграционных процессов, как культурного, так и экономического характера.

Интерактивные методы, направленные на развитие личности студента, формирование профессиональных качеств и способностей к интеллектуальной и коммуникативной деятельности значительно повышают качество обучения русскому языку в профессиональном контексте [4; 13]. К числу наиболее результативных методов, которые применяются при обучении иноязычному профессиональному общению относятся: метод ролевой игры, метод решения ситуационных задач, метод проектов, модульная система, метод лингвистических лабораторий. Все

эти методы имеют общую характеристику, которая проявляется в деятельностном, развивающем и образовательном характере учебного процесса. Внимание к интерактивным методам обучения обусловлено их способностью к интеграции с традиционными методами обучения. Одним из таких методов является использование компьютерных моделей и «виртуальных языковых лабораторий» [8; 12]. Они могут служить альтернативой лингвистической лаборатории в тех случаях, когда отсутствуют необходимая учебная, справочная литература и «живые носители языка», т.е. при изучении лингвистических и лингвокультурологических явлений, которые не могут быть осуществлены в рамках учебной лаборатории. Виртуальные компьютерные лаборатории – это программные среды, которые позволяют пользователю, будь то преподаватель или студент, создавать, не будучи программистом, компьютерные модели изучаемых явлений. Виртуальные лаборатории основаны на идее «визуального программирования» [12]. Это означает, что пользователь тем или иным способом (например, с помощью манипулятора «мышь») рисует на экране модель изучаемого явления. И эта модель при запуске системы начинает «работать», позволяя изучать смоделированное явление. Необходимо отметить, что готовые «модели», которые можно отыскать в Интернете или, к примеру, на компакт-дисках, ограничивают действия студента рамками, которые заложили в них разработчики, а в виртуальной лаборатории модели могут создаваться именно под задуманный преподавателем (или студентом) проект.

В зависимости от тематики проекта полезными окажутся те «лингвистические лаборатории», в которых возможно моделирование изучаемого круга явлений.

Можно привести в качестве примера три вида занятий с использованием моделей. Занятия закрепления знаний – решение лингвокультурологических и лингвистических задач с последующей компьютерной проверкой полученных результатов. Необходимо предложить студентам для самостоятельного решения в аудитории или в качестве домашнего задания «задачи», правильность решения которых они смогут проверить, поставив

компьютерные «эксперименты». Самостоятельная проверка полученных результатов при помощи компьютерного эксперимента усиливает познавательный интерес, делает работу творческой, а в ряде случаев приближает ее по характеру к научному исследованию. В результате, на этапе закрепления знаний многие студенты создают свои задания, а затем проверяют правильность своих рассуждений, используя компьютер.

Занятие обобщения и систематизации знаний – исследование. Студентам предлагается на этапе обобщения и систематизации нового материала самостоятельно провести небольшое исследование, используя компьютерную модель или виртуальную лабораторию, и получить необходимые результаты. Компьютерные модели и виртуальные лаборатории позволяют провести такое исследование за считанные минуты. Конечно, преподаватель формулирует темы исследований, а также консультирует на этапах планирования и осуществления работы.

Занятие комплексного применения полученных знаний – компьютерная лабораторная работа. Для проведения такого занятия необходимо, прежде всего, разработать соответствующие раздаточные материалы. Задания следует располагать по мере возрастания их сложности. Вначале имеет смысл предложить простые задания ознакомительного характера, затем задания творческого и исследовательского характера. Задания творческого и исследовательского характера существенно повышают заинтересованность в обучении языку и являются дополнительным мотивирующим фактором. По указанной причине занятия последних двух типов особенно эффективны, так как студенты получают знания в процессе самостоятельной творческой работы. Эти знания необходимы для получения конкретного, видимого на экране компьютера, результата. Преподаватель в таких случаях является лишь «помощником» в творческом процессе формирования знаний.

Таким образом, использование компьютерных моделей:

обладает универсальностью, дает возможность повысить эффективность обучения русскому языку;

усиливает мотивацию обучения, познавательную активность студентов;

решает стоящие перед образовательным учреждением задачи воспитания всесторонне развитой, творчески свободной личности.

Возможность оптимального использования воспитательно-го и развивающего потенциала интерактивных методов обеспечивается в блоках общеспециальных дисциплин и дисциплин по выбору.

Высокие результаты обучения достигаются при соблюдении методико-дидактических принципов, которые используются с учетом уровня владения языком [2].

Апробация интерактивных методов в рамках формирования поликультурной компетенции подтвердила, что мотивация студентов значительно возросла в ходе освоения новых способов работы с информацией. Взаимосвязь подготовки студентов с реальными жизненными ситуациями, где русский язык используется, как средство профессионального общения является важным стимулом к развитию потребности студентов в овладении языком [5; 16].

Исследование роли русского языка в развитии академической мобильности преподавателей и студентов обуславливает необходимость корректировки образовательных программ с учетом обучения в поликультурном образовательном пространстве [18].

Таким образом, результативность овладения студентами иноязычным профессиональным общением зависит от методов обучения и от условий, в которых они наиболее оптимально реализуются, причем, обучение на культурологической основе может быть реализовано как в языковых, так и неязыковых вузах разной профильной направленности, а также при повышении квалификации преподавателей русского языка как иностранного.

Литература

1. *Веденина Л. Г.* Теория межкультурной коммуникации и значение слова // *Иностранные языки в школе*. 2000. № 5. С. 12–21.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997. 416 с.
3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.
4. *Герасимов А. М., Логинов И. П.* Инновационный подход в построении обучения. М.: Академия АПК и ПРО, 2001. 63 с.
5. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. URL: <http://quality.petsu.ru>.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Ком-Книга, 2006. 264 с.
7. *Комарова А. И.* Культура народов мира в преподавании иностранных языков // Дискуссионный клуб FLT «Межкультурная коммуникация: теория и практика». М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 34–53.
8. *Lampi Evans.* The Effectiveness of Using Virtual Laboratories to Teach Computer Networking. Zambia, 2013. 167 p.
9. *Лиферов А. П.* Культурологическая составляющая интернационализации мирового образования. Рязань: Ряз. ГПУ им. С. А. Есенина, 1996. 31 с.
10. *Морозкина Е. А.* Лингвокультурологический подход в обучении иностранным языкам // *Русский язык в полиэтнической среде. Социокультурные проблемы лингвистического образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 323–325.
11. *Пыхина Н. В.* Педагогические условия формирования лингвистической компетенции на этапе начального иноязычного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Н. Новгород, 2002. 235 с.
12. *Рылов С. А.* Разработка компьютерных информационных тренажеров на основе технологий виртуализации, 2011. 265 с.
13. *Савкина А. В., Савкина А. Вл., Федосин С. А.* Виртуальные лаборатории в дистанционном обучении // *Образовательные технологии и общество*. 2014. Т. 17, № 4. С. 507–517.
14. *Сафонова В. В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: ИСТОКИ, 1996. 237 с.
15. *Саяхова Л. Г.* Методика преподавания русского языка. Лингвокультурология. Лексикография: сб. ст. Уфа: Рио БашГУ, 2006. 336 с.
16. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специаль-

ности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2000. 261 с.

17. *Фурманова В. П.* Языковое образование в поликультурной среде // Языковое образование в национально-культурном наследии России: исторические традиции, современность, взгляд в будущее: тез. докл. конф. М.: АПК и ПРО, 2001. С. 14–16.

18. *Цветкова Т. К.* Обучение межкультурной коммуникации в свете теории языковой личности // Дискуссионный клуб FLT «Межкультурная коммуникация: теория и практика». М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Ф. Б. Мухамедова

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)

Преемственность литературы в современной школе

Художественная литература призвана сыграть особую роль в формировании самосознания современного общества, в его гуманизации. Она несет в себе художественную, эстетическую память народа, нравственные установки. На сегодняшний день, преодолены однозначные подходы к развитию русской литературы XIX–XX столетий, изменились оценки многих литературных фактов, созданы вариативные программы, пособия, учебники, открыты различные классы, школы, лицеи, колледжи.

Временные стандарты литературного образования подготовлены в расчете на базовый компонент литературного образования, его инвариантное ядро. В разработке методологии преподавания литературы за основу взято «развивающее образование». В совершенствовании программ предпочтение отдано идее их концентрического построения.

Новое содержание образования связано с поисками новых методов преподавания, новых подходов к содержанию и структуре урока литературы.

Поскольку проблема чтения, формирования читателя, его духовного мира продолжает быть едва ли не самой актуальной научной проблемой, в методической науке предпочтение отдается приемам работы, обеспечивающим целостность восприятия

художественного текста, его глубокую интерпретацию, понимание поэтики писателя. Не случайно основой базового компонента литературного образования названы чтение и изучение художественного произведения, его толкование.

Уже в 1–4-х классах учитель стремится воспитать читателя, способного к личностному восприятию, к чуткому слову автора. В 5–9-х классах постепенно происходит освоение литературы в движении, в контексте культуры. В 10–11-х классах школьники начинают сознательно относиться к процессу познания фактов искусства, что реализуется на уроках интерпретации и анализа литературных текстов.

В последнее время наметился интерес к вопросам поэтики в литературном образовании школьников, хотя ученые занимались им еще в XVIII в. В начале XIX в. поэтика представляла собой руководство для написания сочинений и сочеталась с чтением и разбором образцов. В середине XIX в. в старших классах гимназий изучалась теория поэзии и краткий курс русской литературы. Постановка в центре внимания преподавателя и методиста проблемы чтения принадлежит Ф. И. Буслаеву. Утвердив чтение основой преподавания словесности, ученый отдает предпочтение риторике, а не поэтике.

В. И. Водовозов подчеркивает значение «живого впечатления» при первом чтении и отмечает особенности поэтики произведений различных родов литературы, он стремится к «идеальному анализу произведения» и часто использует прием сопоставления. В научном наследии В. Я. Стоюнина мы видим концепцию, согласно которой важна «связь частей с целым при развитии идеи в поэтическом произведении». В своих аналитических беседах В. Я. Стоюнин создал систему анализа художественных произведений, находя в каждом конкретном случае свой «тон анализа».

Поиск приемов работы, обеспечивающих целостность восприятия текста, его глубокую интерпретацию, понимание поэтики произведения характерны для методической науки XX столетия. Стилистика и композиция художественного текста постоянно интересуют М. А. Рыбникову.

В. В. Голубков очертил вопросы поэтики художественного текста в школьном литературном образовании: автор и его позиция, тема и идейная направленность, портрет, пейзаж, диалог, вводные эпизоды, стиль, значение творчества писателя.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова обозначены такие варианты понятия поэтики: теория литературы; учение о поэтическом творчестве; часть теории литературы, изучающая строение художественных произведений и используемые в них эстетические средства; поэтическая манера, свойственная данному направлению, эпохе.

В кратком историческом экскурсе В. В. Виноградов отмечает, что в самом термине «поэтика» объединились «практика и теория поэзии» и знакомит с концепциями С. П. Шевырева (изучение законов, управляющих поэтической деятельностью человека); А. А. Потебни (растворение поэтики в сфере семантики поэтического слова); А. Н. Веселовского (задачи изучения «эволюции поэтического сознания и его форм», сущность поэзии выясняется из ее истории; неразличение категорий «поэтического языка», «поэтического стиля» и «стилей литературы»). В 30-е гг. XX столетия, по мнению В. В. Виноградова, возникает замысел – «растворить поэтику в общей концепции теории литературы». Эту концепцию В. В. Виноградов связывает с трудами Л. И. Тимофеева, Г. Н. Пospelова, В. И. Сорокина, Г. Л. Абрамовича, Л. В. Щепиловой. В. В. Виноградов убежден, что поэтика «как наука о формах, видах, средствах и способах словесно – художественного творчества, о структурных типах и жанрах литературных сочинений стремится охватить не только явления поэтической речи, но и самые разнообразные стороны строя произведений литературы и устной народной словесности.

Раздумья В. В. Виноградова о творчестве ряда писателей представляют большую ценность для современных исследователей и преподавателей вузов и школ. Например, он показывает, как У. Сомерсет Моэм понимает образ автора, его многоликость и отмечает необходимость отличать образ автора и образ «я»; анализируя «Марию Стюарт» Стефана Цвейга, он показывает связь поэтического замысла и композиционных форм его во-

площения; одним из острых вопросов современной поэтики называется вопрос о деталях «в композиции словесно-художественного целого», так как исследователи и художники слова занимают различные позиции. В целом В. В. Виноградов убежден, что поэтика «охватывает все виды и разновидности литературы в их развитии, в их историческом движении», и «рассматривает литературно-художественные произведения в структурно-теоритическом, в историческом и сравнительно-историческом, а также в сравнительно-типологическом аспектах.

Строго говоря, в том или ином аспекте каждый исследователь касается проблем поэтики. В этом убеждает ссылка на книгу С. Е. Шаталова: «Поэтика стремится обнаружить в словесно-речевом материале определенную систему, свидетельствующую о творческих принципах писателя. Исследуя ряд структур одного писателя (или структурный тип у различных), она стремится к раскрытию закономерностей сочетания изобразительных художественных средств в исторически обусловленной и в то же время индивидуально неповторимой структуре произведения». Как видим, в литературе термин «поэтика» в большинстве случаев соотносился с пониманием изобразительно-выразительных средств произведения, его целостности.

В публикации Т. А. Калгановой отмечены важнейшие тенденции совершенствования школьного литературного образования в связи с введением государственных образовательных стандартов: это пробуждение интереса к чтению книг, опора на читательские впечатления, осознание «художественной ценности и непреходящего общечеловеческого значения произведений», выбор различных методов обучения и форм урока. Особо хотелось бы подчеркнуть утверждение Калгановой о том, что наряду с термином «анализ» многие «все чаще говорят: чтение и осмысление, интерпретация или толкование текста».

Читательская культура школьников является существенным показателем духовного потенциала общества. Так желаемое многими расширение круга чтения ученика связано с истоками духовной культуры и обогащением гуманитарных знаний. Каковы же читательские интересы современного школьника? На первом

месте по количеству любимых книг стоит зарубежная литература. На второе место следует поставить произведения русской литературы XX в. самыми любимыми писателями являются Булгаков, Есенин, Пиккуль (старшие классы), Николай Носов (средние классы). Лишь на третьем месте оказались произведения русской классической литературы. Предпочтения таковы: Пушкин (и средние, и старшие классы), Лермонтов (старшие классы), Гоголь, Чехов (средние и старшие классы), Л. Толстой (старшие классы), Тургенев (средние и старшие классы).

Есть ученики, которые предпочитают научную литературу или публицистику. Однако удручает наличие ответов пустых, бесцветных. Но перед нами новый школьник конца XXI в., который имеет обширные интересы, разбирается в искусстве, спорте, имеет свои суждения. Его предстоит привести к диалогу-встрече с писателями. Раскрывая свое понимание прочитанного, учащиеся в ответах на вопросы анкет о любимых занятиях, авторах, о личных впечатлениях от художественных текстов выбирают, как правило, тексты, изучавшиеся в школе, и чаще всего говорят о сюжете («особенно с неожиданными поворотами»), о героях («нравится следить за героями»), пишут о стиле писателей и поэтов («люблю классическое искусство, где все прямо, без всяких символических штучек» – XI класс), («стиль легкий и тяжелый одновременно» – X класс – о «Войне и мире» Л. Толстого), («стиль увлекательный, легкий, заинтересовывающий в чтении» – X класс – о «Евгении Онегине» Пушкина). Отдельные замечания могли бы составить честь и литературоведу. Многие недочеты ученического восприятия объясняются не возрастом и индивидуальными склонностями ученика, а недочетами школьного преподавания литературы, которое не должно разрушать природу художественного текста, того неуловимого «легкого дыхания», о котором писал Л. С. Выготский.

Развитие читательской активности – одна из важнейших задач школы. Читательские предпочтения школьников убеждают в возрастающей значимости влияния семьи, дома на развитие личности ученика. Не следует забывать о влиянии книжного рынка, языка телевидения на характер восприятия литературы

и переработку художественной информации. Налицо и позитивные, и негативные тенденции. Поэтому многие учителя озабочены преодолением разрыва между изучением литературы под руководством преподавателя и самостоятельным чтением ученика.

Представление о необходимости совершенствования школьного литературоведения на основе целостного изучения поэтики художественного текста, знания читательского восприятия, психологии школьника и мотивации его деятельности начинает утверждаться в теории и практике преподавания литературы.

Итак, существование различных программ и учебных пособий при наличии государственных стандартов литературного образования помогает установить содержание предмета «литература», его инвариантное ядро, которое сохраняется при многообразии вариантов обучения. Оно включает в себя характеристику уровней литературного развития школьников по окончании девятилетней и одиннадцатилетней школы и средства, с помощью которых эти уровни могут быть достигнуты. Художественная литература формирует самосознание современного общества. Начало всему – в школе. Особенно важно преодоление своеобразного отчуждения от системы нравственных и эстетических ценностей, которые раскрываются для школьника через приобщение к художественному миру литературного произведения. Не случаен интерес к расширению литературного образования в начальной школе на основе интеграции русского языка и литературного чтения, формирования навыков письма, чтения и говорения, а также приобщения к самостоятельной деятельности.

Литература

1. *Абакумов С. И.* Творческое чтение. Л.: Брокгауз-Эфрон, 1925.
2. *Бушмин А. С.* Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975.
3. *Калганова Т. А.* Сочинения различных жанров в старших классах. М., 1997.
4. *Шаталов С. Е.* Проблемы поэтики И. С. Тургенева. М., 1969.
5. *Эпштейн М. Н.* После будущего. О новом сознании в литературе // Знамя. 1991. № 1. С. 217–230.

Г. М. Рахматуллаева
Университет мировой экономики и дипломатии
(Ташкент, Узбекистан)

Работа с текстом по специальности как составная часть профессионально-ориентированного обучения студентов

Коренные преобразования в сфере высшего образования вызваны необходимостью приведения всей образовательной системы Узбекистана к международным стандартам применительно к современным требованиям. Общеизвестно, что от уровня подготовки специалистов зависит качество жизни граждан в государстве, а высшее образование и успехи в научно-техническом, экономическом и социальном развитии находятся в прямой зависимости. Для повышения качества подготовки специалистов следует обеспечить комплекс их компетенций, соотнесенных с целями, условиями и способами практической деятельности в современных условиях с учетом долговременной перспективы.

Университет мировой экономики и дипломатии призван осуществлять подготовку специалистов, обладающих высокой духовностью, культурой должностного и межнационального общения, для работы в сфере международной экономики, политики и права. Проблемы речевой подготовки, в том числе и по русскому языку, являются социально актуальными, и это потребовало совершенствования содержания предмета «Русский язык». В текущем учебном году нами разработана и реализуется программа по учебной дисциплине «Основы научной и деловой речи специалиста-международника» для студентов вторых курсов. Главное внимание уделяется обучению приемам эффективного использования языка в профессиональном общении на основе овладения орфоэпическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими и стилистическими нормами русского языка, формированию умения свободно говорить и писать, анализировать речевую ситуацию, выбирать наиболее эффективную стратегию и тактику речевого поведения. Целенаправленно ведется

работа по формированию у студентов умений и навыков использования во всех видах речевой деятельности конструкций и речевых оборотов, языковых и стандартных речевых клише, характерных для языка изучаемой специальности, овладение активной частью системы терминологической лексики.

Современная лингводидактика рассматривает текст по специальности как основу для формирования профессиональной коммуникативной компетенции студентов. Работа с текстом по специальности – составная часть профессионально-ориентированного обучения на занятиях по русскому языку как неродному, и ее основная цель – формирование у студентов способности участвовать в коммуникации в учебно-профессиональном, а впоследствии и в собственно профессиональном общении. Эта работа направлена на формирование у учащихся коммуникативной компетенции, прежде всего в профессиональной сфере, облегчение понимания и восприятия научных текстов.

Изучение языковых особенностей и жанров публицистического, официально-делового стилей и его законодательного, коммерческого и дипломатического подстилей формирует у наших студентов навыки практической стилистики. А при изучении научного стиля речи они знакомятся с основами научно-исследовательской работы: правилами использования общенаучной и специальной лексики, терминов и аббревиатур, оформления сносок и цитат, составления библиографии, плана, конспекта, тезисов и комментария к научному тексту. Студенты учатся аргументировать собственную точку зрения, вести научную полемику, работают с такими жанрами научного стиля, как научная статья, монография, рецензия, отзыв, аннотация, реферат. После двухлетнего изучения предмета проводится, помимо тестирования, итоговая письменная работа над текстом по специальности.

Текст как образец функционирования языка при коммуникативном подходе, являясь исходной и конечной единицей обучения, сопровождается системой заданий, направленных на развитие необходимых навыков и умений.

Работа над текстом состоит из нескольких этапов.

1. Ввод текста. Студенты должны воспринять его целиком, уловить общий смысл, поэтому они сначала слушают (читают) весь текст, затем по абзацам. Преподаватель выясняет, что студенты поняли из прослушанного (прочитанного). И, наконец, студенты слушают (читают) текст по фразам, и это сопровождается комментарием, переводом, толкованием. На этом этапе основная цель работы над текстом – его понимание.

2. Обработка текста, которая заключается в понимании и в анализе слов. Главная цель данного этапа работы – автоматизация речевых действий.

3. Выход в устную и письменную речь.

В общую систему работы над текстом входят определенные предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания.

Предтекстовые задания в основном ориентированы на снятие лексико-грамматических трудностей в понимании содержания текста, семантизацию новой лексики и терминологии, а также на подготовку студентов к работе с текстом. Иными словами, это работа со словом (его значением), отдельными словосочетаниями, разными оборотами речи, грамматическими конструкциями. Каждый из типов текстов отличается своими структурно-семантическими особенностями, среди которых при методической обработке выделяются следующие:

1) лексико-семантические группы слов со значением понятия, свойства, процесса, включающие в себя терминологическую лексику, отглагольные существительные с суффиксами *-ени(е), -ость, -ств(о)*;

2) лексико-семантические группы глаголов со значением ввода, вывода, процесса, его движения, количественных и качественных изменений, валентность (способность сочетаться с существительными или его эквивалентами) глаголов;

3) функционально значимые активные и пассивные обороты, причастия и причастные обороты;

4) особенности словообразования;

5) особенности в образовании и функционировании опорных словосочетаний и некоторые другие.

Предтекстовые задания можно сформулировать, к примеру, следующим образом:

1. Прочитайте и переведите незнакомые слова и словосочетания.
2. Составьте возможные словосочетания с данными существительными и прилагательными.
3. Образуйте существительные по модели.
4. Составьте словосочетания, слова в скобках употребите в правильной форме.
5. Прочитайте слова, словосочетания. Найдите антонимы.
6. Напишите глаголы, от которых образованы данные существительные.
7. Замените конструкции с причастным оборотом на сложное предложение со словом «который».

Притекстовые задания направлены на понимание студентами текста в общем: анализ слов и форм в тексте, вопросы к тексту для выяснения понимания. При этом важны два момента: способ изложения материала преподавателем и умение извлекать информацию студентом. Каждый текст имеет свои особенности в зависимости от темы, способа изложения материала, поэтому задача преподавателя так организовать объяснение нового материала, чтобы вызвать у студентов как можно большее количество уже знакомых ассоциаций, нужных для осмысления новых и закрепления ранее усвоенных знаний.

Примерами притекстовых заданий могут быть следующие:

1. Выберите подходящие для текста заглавия.
2. Разбейте текст на отдельные смысловые части.
3. Найдите в тексте предложения, которые являются ответом на вопросы...
4. Передайте главную мысль текста своими словами...
5. Опишите / расскажите, опираясь на текст.

Послетекстовые задания направлены на контроль понимания прочитанного текста и подготовку к его воспроизведению: вопросно-ответные упражнения, пересказ по частям, воспроизведение окончания предложений на основе материала текста, составление плана текста (назывного или тезисного), конспектирование. Этот этап является уже активным творческим процессом

студента, который должен видеть главное и игнорировать второстепенное, уметь обобщать новый материал. На данном этапе важно, чтобы студент умел, по возможности, передавать материал «своими словами».

Для формирования речевого высказывания важным и очень продуктивным методическим приемом является пересказ текста, потому что он широко используется студентами в реальных ситуациях общения при выступлениях на семинарских и практических занятиях, во время сдачи экзаменов и зачетов. При этом происходит активизация знаний студентом лексической, синтаксической структуры языка, фоновых и коммуникативных знаний. Кроме того, при репродукции текста наблюдается стремление, с одной стороны, скопировать текст, с другой – сократить его. Студенту приходится в ограниченный период времени прибегать к сложным логическим операциям анализа и синтеза для перестройки текста, что создает новые информационные блоки в его сознании.

В системе упражнений, развивающих связное самостоятельное высказывание, особое место занимает план. Важным звеном при обучении монологической речи как с точки зрения содержания, так и с точки зрения выражения, является составление плана. Обучение студентов составлению различных типов плана – вопросного, тезисного и назывного – способствует формированию у них навыков трансформации.

В вузах Узбекистана ведется активный поиск и освоение педагогических решений, способствующих вводу современных инновационных технологий обучения, и гармоничное их внедрение в тесной взаимосвязи с традиционной методикой обучения. В полной мере это относится и к нам, преподавателям русского языка: ведется активная работа по внедрению в обучение новых технологий, создаются современные учебники, учебно-методические комплексы, дидактические обучающие и контролирующие материалы, компьютерные программы и видеокурсы.

Внедрение в процесс обучения русскому языку системы учебно-методического обеспечения нового поколения, реализация инновационных, интерактивных учебных технологий при-

звано обеспечить его оптимальное соответствие образовательному стандарту подготовки кадров современных высококвалифицированных специалистов.

Литература

1. *О мерах* по дальнейшему развитию системы высшего образования: постановление Президента Республики Узбекистан от 20 апреля 2017 г.

2. *Об организационных мерах* по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг.: распоряжение Президента Республики Узбекистан от 14 февраля 2017 г. № Р-4849.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Узбекистан В. Л. Тюрденева.....	4
Приветственное слово руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Узбекистан Э. В. Митрофановой	6
Приветственное слово ректора Уральского государственного экономического университета Я. П. Силина	7
Приветственное слово ректора Узбекского государственного университета мировых языков Г. Х. Рахимова	9
Приветственное слово председателя Русского культурного центра Узбекистана С. А. Миронова.....	11
Приветственное слово профессора Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами имени Низами Н. М. Миркурбанова	13

Пленарное заседание

Макарова Е. Н. Взаимовлияние языков в современном мире: основы изучения и направления научных исследований	14
Есенова Т. С. Активные процессы в языке современной публицистики (на примере заголовков региональной прессы).....	19
Колобова С. А. Русский язык как фактор качественного обеспечения современной международной безопасности	30
Степанова Н. С. Литературно-художественное наследие как источник нравственной и культурологической информации.....	35

Секция I

Проблемы современного языкознания

Блинкова Л. М. Идиомы с компонентом-этнонимом в русском и английском языках: лингвокультурологические особенности.....	41
Дмитрусенко Н. Е. Роль знаков препинания в фольклорно-сказовом повествовании Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, П. П. Бажова, Б. В. Шергина	47
Кулмаматов Д. С. К истории употребления некоторых восточных лексических единиц в старинных русских переводах среднеазиатских дипломатических документов XVII в.	53
Латипов О. Ж. Коннотации вокруг лексемы «хлеб» в русском, узбекском и английском языках	60
Рогозинникова Н. Г. Мотивема «белый» в названиях свадебных салонов.....	64
Саьдуллаев Д. С. О некоторых активных процессах в речевой практике СМИ.....	69
Чергинская И. А. Категория условных отношений в семантико-синтаксическом строе современного русского языка	74
Хавдок А. Н., Хуажева З. Г. Фразеологические и паремические единицы как способ выражения ментальности народа в адыгских сказочных текстах.....	78
Шакурбанова Н. Э. Контаминированные полипредикативные конструкции, отображающие пейзажные зарисовки и описания	84
Шереметьева А. Г. Об омонимии русских «нулевых» морфем.....	88
Эсанов У. Дж. Заимствования из классических языков в произведениях Н. С. Лескова и способы их пояснения.....	91

Секция II

Актуальные вопросы современного литературоведения

Балич Д. А. Своеобразие ранней поэзии Антонио Мачадо	98
Ермолин Е. А. Трансметареализм, постреализм, метамоде́рнизм и трансавангард как ситуативные характеристики русского литературного процесса в начале XXI в.	103
Золотарева Н. В. Особенности употребления эвфемизмов в современном русском языке.....	109

Ивукина Е. С. Семиотика языка и литературы как детерминанты межкультурной коммуникации	115
Колотнина Е. В. Закономерности развертывания метафоры в публицистических текстах экономической тематики	119
Лиходзиевский А. С. Традиции американского фольклорного юмора в американском сатирическом романе второй половины XX в.	123
Никифорова М. В. К вопросу о понятиях языковой и вторичной языковой личности в контексте современной антропоцентрической научной парадигмы.....	128
Осипова А. В. Механизм страха и отрицания смерти в детском сознании в рассказе Т. Толстой «Свидание с птицей».....	134
Петрухина Н. М. Традиция-контекст Достоевского в системе мирового литературного процесса.....	136
Родина И. В. Особенности рецепции религиозных образов и мотивов в рассказе Г. Петрова «Побочная ветвь»	141

Секция III

Методика преподавания русского языка и литературы

Гагарина Н. М. Об особенностях изучения русского языка как иностранного.....	146
Жигалев Б. А., Макшанцева Н. В. Технология освоения концептов русской культуры в процессе преподавания РКИ.....	152
Львова И. С., Елькин Д. Ю. Методы и формы обучения русскому языку в поликультурном образовательном пространстве.....	157
Мухамедова Ф. Б. Преемственность литературы в современной школе	164
Рахматуллаева Г. М. Работа с текстом по специальности как составная часть профессионально-ориентированного обучения студентов	170

Научное издание

XV ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции

(Ташкент, 22 мая 2019 г.)

Том 1

*Ответственность за оригинальность и достоверность сведений
представленных материалов несут авторы*

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *М. Ю. Ворониной*

Поз. 30. Подписано в печать 19.06.2019.

Формат 60 × 84/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 8,2. Усл. печ. л. 10,5. Печ. л. 11,25. Заказ 380. Тираж 35 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета